

HISTORIA ROSSICA

О Л Е Г   Х Л Е В Н Ю К

КОРПОРАЦИЯ САМОЗВАНЦЕВ

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
И КОРРУПЦИЯ
В СТАЛИНСКОМ СССР

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Олег Хлевнюк

**Корпорация самозванцев.
Теневая экономика и
коррупция в сталинском СССР**

«НЛО»

2023

УДК [33(091)(47+57)«1948/1953»]:343.37
ББК 65.03(2)631

Хлевнюк О. В.

Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в
сталинском СССР / О. В. Хлевнюк — «НЛО», 2023 — (Historia
Rossica)

ISBN 978-5-44-482090-2

В начале 1948 года Николай Павленко, бывший председатель кооперативной строительной артели, присвоив себе звание полковника инженерных войск, а своим подчиненным другие воинские звания, с помощью подложных документов создал теневую организацию. Эта фиктивная корпорация, которая в разное время называлась Управлением военного строительства № 1 и № 10, заключила с государственными структурами многочисленные договоры и за несколько лет построила десятки участков шоссейных и железных дорог в СССР. Как была устроена организация Павленко? Как ей удалось просуществовать столь долгий срок – с 1948 по 1952 год? В своей книге Олег Хлевнюк на основании новых архивных материалов исследует историю Павленко как пример социальной мимикрии, приспособления к жизни в условиях тоталитаризма, и одновременно как часть советской теневой экономики, демонстрирующую скрытые реалии социального развития страны в позднесталинское время. Олег Хлевнюк – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ.

УДК [33(091)(47+57)«1948/1953»]:343.37

ББК 65.03(2)631

ISBN 978-5-44-482090-2

© Хлевнюк О. В., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
Почему Павленко?	7
Советские самозванцы и социальная мимикрия	10
Агенты теневой экономики	16
Источники для исследования	22
Глава 1	24
До войны	25
«Управление военных работ»	31
За пределами родины: трофейное имущество и самосуд	38
Прибыльная демобилизация	44
Место в мирной жизни	47
Глава 2	53
Организация строительства в плановой экономике	54
Старые схемы в новых условиях: первые заказы	58
Расширение фронта работ	61
Глава 3	65
Итоги павленковской пятилетки	66
Рабочие и организация труда	72
Хитрости снабжения	79
Глава 4	83
Неформальные связи и коррупция в советской системе	84
Приобретение покровителей	90
«Благодушие» и «утрата бдительности»: феномен сетевого доверия	95
Типы знакомств и связей	99
Глава 5	104
Соратники и кадры	105
Факторы сплочения и конфликты	113
Личные доходы	121
Глава 6	125
Прорехи всеобщей бдительности	126
Способы маскировки УВС	129
Служба безопасности и «военные»	136
Погашенные скандалы	139
Глава 7	145
Разгром организации	146
Допросы и доклады	152
Очередная кампания бдительности	159
Наказанное «благодушие»	163
Глава 8	172
На переломе репрессивной политики	173
В Бутырке: поиски «контрреволюции»	177
Приговор руководителям	184
Дополнительные трибуналы	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
Аргументы Павленко	195

Зеркало советской действительности	199
БЛАГОДАРНОСТИ	204
ИЛЛЮСТРАЦИИ	205

Олег Хлевнюк

Корпорация самозванцев.

Теневая экономика и

коррупция в сталинском СССР

Всем друзьям и коллегам, где бы они ни жили

ВВЕДЕНИЕ

Почему Павленко?

В начале 1948 года бывший председатель легальной строительной кооперативной артели Николай Павленко организовал нелегальное предприятие, которое строило шоссейные и железнодорожные ветки для различных государственных ведомств. Используя подложные документы, печати и бланки, Павленко в разное время называл организацию Управлением военного строительства (УВС) № 1 и № 10, которое подчинялось якобы Военному министерству СССР. Фальсифицируя приказы военного ведомства, Павленко присвоил себе звание полковника инженерных войск, а своим помощникам – другие воинские звания. Все они носили военную форму, недостатка которой в стране тогда не наблюдалось.

Предпринимательство под видом военной организации имело ряд преимуществ. Было проще открывать счета в отделениях Госбанка и Промышленного банка СССР – главных советских финансовых институтах. Псевдвоенный фасад помогал заключать подрядные договоры с государственными организациями, получать у заказчиков и периодически присваивать строительную технику и т. д.

Достаточно быстро предприятие Павленко пошло в рост. Создавались новые площадки в различных городах и поселках Украины, Молдавии, Эстонии, России. В общей сложности в 1948–1952 годах корпорация Павленко вела работы в 32 населенных пунктах¹. Всего за этот период, как утверждалось потом в материалах суда над руководителями организации, были заключены 64 договора на строительство различных объектов на сумму более 38 млн руб.² На стройках были заняты сотни рабочих. Кроме того, поддерживая легенду военной организации, Павленко организовал собственную охрану – отряд из нескольких десятков человек, вооруженных стрелковым оружием.

Полученные по договорам деньги в целом были отработаны. Намеченные объекты построены или находились в процессе строительства. Провал организации, как это часто бывает, произошел достаточно случайно. Один из рядовых работников организации, обиженный обчетом, написал жалобу в Москву. Там, хотя и не сразу, начали проверку, которая при-

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 30.

² http://voen-sud.ru/about/delo_pavlenko.php (дата обращения 31.01.2017). См. также подсчеты в главе 3 этой книги. Такая сумма выполненных работ была сопоставима с затратами на возведение многих важных объектов. Так, согласно планам, в начале 1950-х годов Министерство внутренних дел СССР силами заключенных должно было построить металлические мосты через реку Неман стоимостью 17 млн руб., автодорогу Владивосток – Угольная стоимостью 48 млн руб. и мост через Оку у города Коломны стоимостью 50,1 млн руб. (История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М.: Росспэн, 2004. С. 266–267). О значительности этой суммы свидетельствуют также данные об уровне цен и доходов населения, приведенные в главе 5 этой книги.

вела к неожиданному результату: организация под названием УВС в системе Военного министерства не значится, а является фиктивной.

В ноябре 1952 года, за несколько месяцев до смерти Сталина, Павленко и часть его сотрудников были арестованы. В период ликвидации организации число ее участников, как утверждали следственные органы, достигало свыше 300 человек, из которых около 40–50 входили в вооруженную охрану. При этом были изъяты 21 винтовка и карабин, 9 автоматов, 3 ручных пулемета, 19 пистолетов и револьверов, 5 гранат, более 3 тыс. боевых патронов, 32 грузовые автомашины и 6 легковых, 2 трактора и столько же экскаваторов, 14 фиктивных гербовых печатей и тысячи различных фиктивных бланков, отпечатанных типографским способом³.

О ходе арестов и следствия информировали высшее руководство страны, включая Сталина. Вопрос рассматривался в Совете министров СССР⁴. Всего на начальном этапе следствия прокуратура располагала картотекой на 1150 человек, так или иначе причастных к деятельности организации Павленко⁵.

Длительное следствие по делу УВС началось во времена последних всплесков сталинского террора и продолжилось в условиях относительного ослабления репрессий после смерти Сталина. В результате часть приговоров оказались значительно более мягкими, чем они были бы при Сталине. Кроме того, большое число партийно-государственных чиновников и хозяйственников подверглись наказаниям по партийной линии за утрату «бдительности» и некорыстные связи с преступниками. Кульминацией был закрытый процесс по делу ядра организации во главе с самим Павленко, который проходил в военном трибунале Московского военного округа. Суд начался в ноябре 1954-го, через два года после разгрома организации, и завершился в начале апреля 1955 года. По приговору суда Павленко был расстрелян, а 16 его ближайших соратников получили различные сроки заключения в лагеря⁶.

В числе прочего на суде была озвучена не самая значительная, но примечательная деталь из жизни УВС. В случае возникновения проблем члены команды посылали в «штаб» телеграммы, в которых говорилось: «Появились серьезные заболевания». Это означало, что требуется приезд и личное вмешательство Павленко⁷. Суд не сомневался, и совершенно справедливо, что именно Павленко был главной движущей силой и хозяином этой строительной организации. Именно в этом качестве Павленко интересен и историкам. В жизни Павленко, одного из крупнейших теневых предпринимателей сталинской эпохи, отразились многие важные черты большой советской истории и государственно-социалистической реальности.

Однако, как это часто бывает, первыми в очереди «за Павленко» оказались не ученые, а журналисты. В интернете легко найти публицистические статьи, репортажи, видеоролики и документальные фильмы о жизни советского «преступника № 1». Так называют Павленко некоторые авторы – очевидно, с целью привлечь к своим выступлениям внимание публики. С этой же целью в оборот пускаются многочисленные легенды и конспирологические предположения. Например, о причастности к делу Павленко Л. И. Брежнева. Однако кроме очевидного факта, что Павленко действовал в Молдавии в период, когда эту республику возглавлял будущий генеральный секретарь, реальных свидетельств о причастности Брежнева к этому делу нет.

Выступления журналистов сделали свое дело. Павленко превратился в хорошо известного персонажа советской истории. Конечно, о нем вряд ли напишут биографию для серии

---

³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 46 об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 21–33, 246; *Киевская Л. и др.* «Основной костяк подбирался из преступников» // Источник. 1996. № 4. С. 130–135 (докладные записки генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова И. В. Сталину о раскрытии организации Павленко).

⁵ См. главу 8.

⁶ См. главу 8.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 57 об.

ЖЗЛ, хотя он был не менее «замечательным» человеком, чем многие персонажи книг этой серии. Однако в статье «Википедии» о селе Новые Соколы Киевской области уже сообщается: «В этом селе родился Николай Павленко». В той же «Википедии» есть средних размеров статья о самом Павленко.

Несмотря на наличие такого контекста, в этой книге я решил не принимать его в расчет. Цель этой работы вовсе не в том, чтобы представить увлекательный детективный сюжет из истории организованной преступности и борьбы с ней, что преимущественно интересует публицистику. Главная задача книги – изучить корпорацию Павленко как часть советской социально-экономической действительности, открывающую многие незаметные и малоисследованные черты общего. Речь идет прежде всего о скрытых сторонах советской повседневности, о теневой экономике и неформальных социальных отношениях и связях. Как будет показано далее, эти явления и процессы вовсе не находились на периферии советской жизни. Они были прочно вплетены в нее.

Историографически эта книга находится на пересечении двух потоков литературы. Первый – исследования советской социальной мимикрии, способов приспособления человека к жизни в условиях тоталитаризма. Второй – история теневой (или, как ее нередко называют, второй) экономики в СССР. Обе эти проблемы не только важны, но и недостаточно изучены. Прежде всего, нам не хватает конкретных фактов и знаний, новых источников. Соответствующая информация лишь в незначительной мере просачивалась в официальные партийно-государственные документы и периодику. Материалы о корпорации Павленко – один из источников, постепенное накопление которых выведет исследование скрытых, но важных тенденций развития советской системы на новый уровень.

Советские самозванцы и социальная мимикрия

Есть все основания причислить Павленко и многих его сотрудников к советским самозванцам. Начиная с военного периода и вплоть до ареста после войны они существовали в нелегальном пространстве, выдавая себя за тех, кем на самом деле не были. Нелегальной и самозванной была и созданная ими организация.

Широко распространенное повсюду в мире, самозванство не обошло и Советское государство. Еще до открытия архивов мы знали о нем благодаря самым известным советским самозванцам – Остапу Бендеру и детям лейтенанта Шмидта, литературным героям Ильфа и Петрова, имевшим некоторые реальные прототипы. Периодически информация о самозванцах появлялась в советской печати в рубрике происшествий и в судебной хронике. Когда приоткрылись архивы, историки, хотя и не ставили перед собой такую специальную задачу, периодически натывались на новые случаи самозванства и мошенничества. И хотя невозможно сказать, сколько Остапов Бендеров бороздили необъятные просторы СССР, появляется возможность определенной систематизации известных случаев и выведения некоторых общих черт этого явления в контексте советской социальной мимикрии в целом⁸.

Советские самозванцы были разными. Среди них были профессиональные мошенники, зарабатывавшие при помощи самозванства свой хлеб и не только. Многие из них напоминали Остапа Бендера, хотя мы, конечно, не знаем, читали ли они роман Ильфа и Петрова и насколько вдохновлялись его героями. Целью этой категории самозванцев было получение быстрых денег путем мошенничества. Трижды судимый до войны Кухтенко в 1943 году выкрал штампы и печать Московской районной инспекции Наркомата топливной промышленности. В различных городах СССР он выдавал себя за члена правительства, уполномоченного СНК СССР и т. д. По фальшивым документам получал большое количество продовольственных карточек, затем продавал их. В 1945 году Кухтенко был арестован и приговорен к расстрелу. В 1944 году некто Сперанский получил в Челябинске значительное количество продуктов по фальшивым документам на имя директора ансамбля песни и пляски Ленинградского фронта под управлением И. Дунаевского⁹.

Распространенным приемом самозванцев, особенно в послевоенные годы, была фабрикация «героического» образа. Так, 22-летний А. Рыбальченко в 1945 году на основании поддельных документов объявил себя Героем Советского Союза. Одевшись в военную форму, он ездил по Иркутской области и при поддержке партийных комитетов рассказывал о своих «подвигах». Взамен Рыбальченко получал материальную помощь продуктами и промышленными товарами¹⁰.

Чуть позже этот прием максимально усовершенствовал один из наиболее известных на сегодня послевоенных самозванцев В. Вайсман, арестованный в июне 1947 года. О деятельности Вайсмана НКВД информировал высших руководителей страны, включая Сталина, благодаря чему этот случай попал в поле внимания историков¹¹. Как выяснило следствие, 33-летний Вайсман был с детства неоднократно судим за кражи. Бежав в 1944 году из лагеря, он обморозился и лишился обеих ног и кисти руки. Став инвалидом, Вайсман за 20 тыс. руб.

---

⁸ Важные наблюдения на эту тему см.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Росспэн, 2011. С. 301–342.

⁹ *Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л.* Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 227–228.

¹⁰ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 324.

¹¹ Москва послевоенная, 1945–1947: Архивные документы и материалы / Сост. М. М. Горинов и др. М.: Мосгорархив, 2000. С. 478–480. Документы хранятся в комплексе копий сообщений НКВД СССР Сталину (так называемая «особая папка Сталина») в ГА РФ (Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 65–79). См. об этом деле также: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 325–328.

купил наградную книжку дважды Героя Советского Союза. Надев на пиджак орденские планки и несколько медалей, вооружившись наградной книжкой героя, Вайсман в 1946–1947 годах действовал по стандартной схеме.

Сначала он втирался в доверие к руководителям местных предприятий и учреждений, получая реальные справки о вымышленной работе на данном предприятии до войны. С этими документами он отправлялся в Москву, где записывался на прием к соответствующим министрам или их заместителям. У этих высоких начальников он просил и получал значительную материальную помощь в денежной и натуральной форме. Всего следствие документально подтвердило выплаты Вайсману более чем в 20 ведомствах. Одно и то же министерство Вайсман мог посетить несколько раз, соблюдая из предосторожности значительный временной интервал. Так, в июне 1946 года по распоряжению министра речного флота СССР Вайсману как «бывшему мотористу Амурского речного пароходства» выплатили 2,3 тыс. руб. (чуть более четырех тогдашних среднемесячных зарплат) и выдали несколько отрезков ткани. Через год в мае 1947 года в том же министерстве Вайсман получил 2 тыс. руб., одежду и обувь.

Несколько тысяч рублей и некоторое количество промтоваров были обычным набором единовременной помощи, которую удавалось приобрести Вайсману. Особенно привлекательными были, конечно, даже не деньги, а дефицитные промышленные товары, имевшие на черном рынке огромную ценность. Следствие выяснило, что только по распоряжению наркома финансов СССР А. Г. Зверева Вайсману как «бывшему шоферу Киевской городской конторы Госбанка» выделили тканей, обуви и других промтоваров на сумму более 20 тыс. руб. Очевидно, что речь шла о государственных ценах, которые были в несколько раз ниже рыночных. В общем, обороты «предприятия» Вайсмана были более чем внушительными.

Еще одна группа самозванцев использовала «улучшенные» и «героические» биографии для повышения своего социального статуса, выгодного трудоустройства и получения различных преимуществ в государственных структурах. Представителем этого направления самозванства был сын «кулака» Степан Подлубный, получивший широкую известность благодаря подробному исследованию его дневника в русле проблематики советской субъективности. Подлубный жил по поддельным документам о пролетарском происхождении и пытался делать карьеру, подчеркнуто демонстрируя преданность Советскому государству¹². Пример циничного самозванца-мошенника представлял В. Громов, архивное дело которого исследовала и вписала в контекст эпохи Голфо Алексопулос¹³. Осужденный в 1935 году, Громов имел богатую биографию, неоднократно привлекался к уголовной ответственности, избегал наказаний, выдавал себя за сотрудника ОГПУ, бывшего красного партизана, специалиста-инженера и т. д. Громов нанимался на высокооплачиваемую работу в разные организации. В ряде случаев он некоторое время работал в них. В других, получив деньги, – быстро исчезал.

Большее постоянство демонстрировали другие самозванцы, выбравшие путь карьерного роста. С. Месхи выдавал себя за старого большевика, героя Гражданской войны и даже одного из легендарных бакинских комиссаров. Благодаря этому он дослужился до должности директора московского отделения «Интуриста» и в 1935 году попал под суд за сексуальные преступления¹⁴. Машинист паровоза на Омской железной дороге Егоров при поступлении на работу в конце 1938 года указал в листке по учету кадров, что он дважды награжден орденами Красного Боевого Знамени (за бои у озера Хасан) и Красной Звезды (за «выдающиеся заслуги» в Монголии).

---

¹² Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 197–258.

¹³ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 4. P. 774–790.

¹⁴ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 311 (по публикациям в газете «Известия» (1935. 10 июля, 22 июля)). Другие подобные примеры см.: Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 312–313, 322.

Приняв эти заявления Егорова за чистую монету, администрация железнодорожного депо и другие местные руководители никогда не проверяли наличие у него соответствующих наградных документов и самих орденов, которые он никогда не носил. Самозванство Егорова приносило ему существенные социальные дивиденды. Местные власти, как сообщал прокурор железной дороги в Москву, «стали Егорову создавать авторитет, окружили его особым вниманием, приглашали его как почетного гостя на торжественные заседания и пр.»¹⁵. Егоров был арестован в мае 1941 года.

В годы войны самозванство приобретало новые черты, нередко было связано с дезертирством из армии или уклонением от призыва. Герой этой книги также впервые использовал методы самозванства именно в военный период, создав свою первую фиктивную военно-строительную часть. В результате Павленко и его сотрудникам фактически удалось ускользнуть из-под контроля военно-мобилизационной системы и пережить войну в сравнительно безопасных условиях в тыловых частях.

В военный период самозванство распространилось как метод дезертирства. Совершив побег из части, 22-летний военнотружующий Гаджиев сфабриковал себе документы военного врача и благодаря им передвигался по разным городам, скорее всего промышляя кражами. Попался на краже чемодана в Баку. В декабре 1942 года был осужден к 10 годам заключения, но вскоре освобожден для направления на фронт¹⁶. В документах можно найти примеры и более изощренных методов самозванства дезертиров. Так, в июле 1942 года, в критический период поражений, руководство Саратовского обкома партии отправило в ЦК ВКП(б) и Политуправление Красной армии сообщение о разоблачении группы из трех военнотружующих-дезертиров, действовавших по типичному сценарию «героического» самозванства¹⁷. Ее возглавлял лейтенант Юрьев, представлявшийся по сфабрикованным документам Героем Советского Союза. Сбежав из воинской части по подложным командировочным удостоверениям, эти дезертиры разъезжали по городам Поволжья в роли героев войны. В Пензе, посетив двух секретарей обкома партии, Юрьев был привлечен к участию в серии пропагандистских мероприятий: выступал на собраниях перед рабочими и интеллигенцией, по радио и т. д. Аналогичным образом Юрьев действовал в Куйбышеве, Вольске и Ртищеве, где при поддержке партийных руководителей встречался с населением и курсантами военных училищ. Эта активность сопровождалась банкетами, оказанием материальной помощи «герою». В этом случае самозванство не только обеспечивало средства для существования, но позволяло легализовать дезертирство под видом командировок и участия в военной пропаганде.

Для темы этой книги особый интерес представляет профессиональное самозванство, прикрывающее частное предпринимательство, поскольку именно этот принцип лежал в основе деятельности Павленко. Несколько примеров дают представление об этом явлении.

В январе 1947 года в Ленинграде был осужден к расстрелу Б. М. Баршай, занимавшийся нелегальными торгово-посредническими операциями. Осужденный в 1934 году к 10-летнему сроку за хищения, он быстро нашел применение своим предпринимательским талантам в лагере. Баршай получил должность начальника финансового отдела лагеря и право свободного передвижения, в том числе в длительные командировки в другие города. Воспользовавшись этими возможностями, он приобрел новые документы (паспорт и военный билет) на чужое имя и бежал из лагеря. Работал начальником финансового отдела, коммерческим директором на ряде предприятий Урала. Был вновь арестован за должностные злоупотребления, но, дав согласие сотрудничать с НКВД (похожий эпизод, как мы увидим далее, был и в жизни Павленко), освобожден. В конце войны Баршай, судя по всему, спасаясь от новых обвинений,

---

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 142. Л. 203–205.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7863. Оп. 2. Д. 24. Л. 163.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 174. Л. 109–111.

бежал в Среднюю Азию, а оттуда в Москву. В столице он приобрел новые документы о службе на железной дороге, а также орден Красной Звезды (как утверждал Баршай, за 700 руб.). По купленным командировочным удостоверениям и нарядам на железнодорожный вагон он перевозил из Ленинграда пряжу, полученную при помощи махинаций через кооперативную артель, в Харьков. Там после реализации пряжи вагон загружался новыми товарами, которые доставлялись в Ленинград¹⁸.

В этом ряду можно отметить также схемы некоего Сеницына, арестованного осенью 1947 года в Симферополе. Выдавая себя за Героя Советского Союза, он вел частную торговлю. Под прикрытием «героической» легенды Сеницын получал в государственных учреждениях грузовой транспорт, на котором выезжал для скупки хлеба в Херсонскую область. Приобретенные таким путем продукты в условиях голода с прибылью продавались на рынке в Симферополе.

При обыске в квартире Сеницына была найдена поддельная медаль «Золотая Звезда» и пистолет с боевыми патронами¹⁹. Нельзя исключить, что сфабрикованное звание героя Сеницын использовал и в других, оставшихся неизвестными операциях такого рода. Пока же мы не очень много знаем о самозванцах-предпринимателях. Тем интереснее пример Павленко, свидетельствовавший о возможности длительно и успешно маскировать свою деятельность псевдолегитимным фасадом.

Известные сегодня случаи советского самозванства позволяют лучше понять контекст деятельности организации Павленко. После войны самозванство было тесно связано с военными атрибутами и извлекало преимущества из высокого статуса героев победоносной войны. Наличие в стране многих миллионов бывших фронтовиков, повсеместное распространение военной формы и наград облегчали использование псевдвоенных «героических» легенд.

С легкостью приобретались поддельные документы и награды. В докладной записке НКВД высшему руководству страны по делу Вайсмана, например, говорилось: «В ходе следствия Вайсман показал, что уголовные преступники в случаях надобности имеют возможность купить медали и ордена Союза ССР за определенно установленные цены. При этом он привел пример, что был очевидцем, когда один уголовник купил у майора Советской Армии, возвращавшегося из отпуска, за 800 руб. орден Ленина, но без орденской книжки»²⁰. У нас нет оснований преувеличивать масштабы этого явления, но нужно учитывать, что в 1941–1945 годах награжденным было выдано более 13 млн орденов и медалей²¹.

Многолетняя активность советских самозванцев-мошенников, следы которой прослеживаются в источниках разных периодов, свидетельствовала и об определенной уязвимости советского аппарата управления. Несмотря на громоздкий и навязчивый официальный дискурс «бдительности», советские чиновники в повседневной жизни нередко руководствовались прямо противоположными принципами безоглядного доверия. Их «доверчивость» могла быть оборотной стороной чрезвычайной бюрократизации и многочисленных ограничительных инструкций, которые затрудняли процессы управления, способствовали выстраиванию параллельных неформальных каналов и методов ведения дел. Как это происходило на практике, позволяют понять конкретные случаи, в том числе деятельность организации Павленко²².

---

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 66. Д. 101. Л. 1–13.

¹⁹ Богданов С. В., Остаюк В. Г. Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2017. № 8. Вып. 42. С. 151. Из сообщения руководства НКВД СССР Сталину (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 126).

²⁰ Москва послевоенная. С. 480.

²¹ Кондакова И. и др. Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Источник. 1998. № 3. С. 134.

²² См. главу 4.

Хотя государство объявляло самозванцев и мошенников пережитками прошлого, они находили многочисленные ниши для существования в советском настоящем, доказывая, что имеют полное право на принадлежность к новой эпохе. Наиболее яркие примеры самозванства, как тот, что рассматривается в этой книге, были лишь вершиной айсберга. Социальная мимикрия, концентрированным выражением которой выступало самозванство, притворное приспособление к требованиям государства и, при всяком удобном случае, уклонение от них были присущи образу жизни части населения страны.

Конечно, в отличие от активного противодействия (в отдельные периоды оно принимало форму вооруженных выступлений)²³, социальное притворство, уход во внутреннюю эмиграцию и другие практики маскировки во враждебном окружении агентов государства и их пособников не так легко зафиксировать и адекватно оценить. Хорошим примером этих трудностей могут служить историографические дискуссии о формировании так называемой «советской субъективности», о степени искренности приспособления советских граждан к роли «активных строителей социализма», предложенной государством.

Особое внимание в этом случае обращалось на освоение нового советского политизированного языка, которое Стивен Коткин назвал умением «говорить по-большевистски»²⁴. В дополнение (а часто в противовес) исследованиям о противодействии государству и о неконформизме, широкое распространение получили работы об активной и сознательной интериоризации официальных ценностей. Эти концепции встретили как поддержку, так и критику за выборочное и некорректное использование источников и умозрительные трактовки²⁵. Для понимания явлений и событий, изучаемых в этой книге, важно отметить наличие среди советского населения «уклончивого большинства, которое просто старалось выжить»²⁶. Условием выживания были и социальная мимикрия, и девиантные практики разной интенсивности.

Существование в экстремальных материальных условиях, нередко недоедания и голода, под давлением государственного насилия и террора толкало на путь обмана и преступлений (подчас это было преступлением лишь в советском понимании) даже самых законопослушных и робких людей. Заполняя длинные анкеты и другие документы, от которых зависело трудоустройство и даже свобода, советские граждане нередко конструировали новые биографии,

²³ Исследования об инакомыслии, разных формах противодействия и антиправительственных выступлениях появились благодаря частичному открытию архивов карательных органов и партийных материалов о массовых настроениях и действиях. См., например: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Росспэн, 1999; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: Росспэн, 2001; *Тоценов С. В.* Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3. С. 42–47; *Rossmann J.* Worker Resistance Under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge MA, London: Harvard University Press, 2005; *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: Росспэн, 2010; *Фильтцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2011. Применительно к военному периоду антисоветские настроения могли принимать форму сотрудничества с врагом и дезертирства, хотя эти явления имели много других причин (*Edele M.* Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford: Oxford University Press, 2017).

²⁴ *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California, 1995.

²⁵ Можно отметить своеобразную радикализацию этих исследований: от констатации наличия бенефициаров и социальной поддержки режима (*Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932. Cambridge: Cambridge University Press, 1979) через исследование многофакторных механизмов восприятия советских процедур лояльности и официального языка (*Kotkin S.* Magnetic Mountain) к акцентированию активного и сознательного усвоения советских ценностей (*Хелльбек Й.* Революция от первого лица). О последнем направлении см.: *Edele M.* «What Are We Fighting for?» Loyalty in the Soviet War Effort, 1941–1945 // International Labor and Working-Class History. 2013. № 84. P. 248–268. О некритическом использовании источников для обоснования тезиса о советской сознательности см.: *Budnitskii O.* A Harvard Project in Reverse. Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences of the History of the Great Patriotic War – Publications and Interpretations // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19. №. 1. P. 175–202.

²⁶ *Edele M.* Stalin's Defectors. P. 174.

умалчивали о компрометирующих сведениях, меняли фамилии, «забывали» об опасных родственниках и т. д.

Произнося правильные речи или отмалчиваясь на митингах и собраниях, люди воровали (или брали свое?) у государства, платили взятки чиновникам (иначе невозможно было выжить). Добровольно или вынужденно многие соглашались на роль «маяков», которым начальство, также нередко находившееся под давлением, приписывало результаты чужого труда. Не редкостью было использование поддельных документов не только профессиональными самозванцами, но и обычными гражданами, решавшими текущие жизненные проблемы. Как показывают исследования и архивные источники, существовал заметный рынок паспортов, больничных листов, многочисленных справок и разрешающих документов и т. д.²⁷

Именно на таком фоне и в тесной связи с ним формировалась и действовала та часть советской экономики, которую принято называть теневой или второй. К ней принадлежала и изучаемая в этой книге строительная организация Павленко.

---

²⁷ См. главу 6.

Агенты теневой экономики

Самозванство Павленко и его сотрудников выступало в конечном счете прикрытием их частной экономической деятельности. Многочисленные исследования историков и экономистов позволяют лучше понять суть и место теневой (второй) экономики в советской системе²⁸. Общеизвестным является тезис о неоднородности советской экономики. Несомненно, в своей основе она была государственной и планово-централизованной. В руках государства находилась львиная доля производительных сил, включая формально кооперированное сельское хозяйство. Согласно планам распределялись основные материальные ресурсы и рабочая сила. Императивом советской политики было искоренение или жесткое регулирование негосударственных сегментов хозяйственной жизни. Интересы и намерения государства обеспечивались мощным аппаратом управления и многочисленными карательными органами²⁹.

Вместе с тем всеобщее огосударствление экономики было причиной ее общей неэффективности. Концентрируя ресурсы общества на развитии приоритетных, прежде всего военных проектов, государство угнетало и разрушало сельское хозяйство и социальную сферу, провоцировало резкое падение уровня жизни и периодические всплески голода. В условиях острых кризисов государство было вынуждено полагаться на частную инициативу крестьян, кустарей, мелких торговцев, действовавших на относительно свободном рынке. Это позволяло смягчить всеобщий дефицит потребительских товаров и угрозы перманентного голода.

Внеплановые регуляторы и практики децентрализации активно действовали даже в крупной государственной экономике. Государственные планы не были результатом научного целеполагания, как это представляла официальная пропаганда, а определялись путем своеобразного административного торга между производителями и руководящими партийно-государственными структурами. Страдая от сверхцентрализации, бюрократизации и разрывов произвольно установленных хозяйственных связей, государственные предприятия нередко находили собственные полулегальные и нелегальные рыночные способы решения хозяйственных проблем. Руководители государственных предприятий действовали одновременно и как чиновники-администраторы, и как предприниматели. Они искали ресурсы на относительно свободном рынке, устанавливали между собой нелегальные хозяйственные связи в обход Госплана, прибегали к припискам и иным способам смягчения давления со стороны государства³⁰.

В результате советская экономическая система, в том числе в ее наиболее жестко централизованном и принудительном сталинском варианте, включала в себя многочисленные рыночные (квазирыночные) элементы и частное предпринимательство. Эти формально инородные экономические практики можно называть внесистемными: они противоречили намерениям государства. Однако их вполне можно считать системными, поскольку они являлись органической частью советской экономики и играли в ней важную роль.

Как и во многих других случаях, наши знания о скрытых, слабо регулируемых государством социально-экономических процессах имеют отрывочный, несистематизированный характер. Для анализа советской теневой экономики на всем протяжении ее существования не хватает конкретных фактов. Как отмечала много лет назад Джулия Хесслер, «история частного

---

²⁸ Основопологающей считается работа: *Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. № 5. P. 25–40.*

²⁹ *Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945 / Eds R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Грегори П. Политическая экономика сталинизма. М.: Росспэн, 2008.*

³⁰ *Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957; Harrison M., Byung-Yeon K. Plans, Prices, and Corruption: The Soviet Firm Under Partial Centralization, 1930 to 1990 // Journal of Economic History. 2006. Vol. 66. № 1. P. 1–41; Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. М.: Росспэн, 2003. С. 20–54; и др.*

предпринимательства должна рассматриваться в числе наиболее значительных пробелов в изучении советской истории»³¹. С тех пор ситуация изменилась явно недостаточно. Крайне мало работ, позволяющих судить об организации и деятельности конкретных предприятий теневой экономики³². Лишь косвенную информацию о предмете содержат публикации, нацеленные на изучение деятельности советских правоохранительных структур в экономической сфере³³. В целом пока происходит постепенное накопление материалов об отдельных феноменах частного предпринимательства и квазирынка. Только в перспективе это может создать условия для систематического и комплексного исследования проблемы. Шагом в этом направлении является также моя книга.

Вместе с тем имеющаяся литература и архивные источники позволяют охарактеризовать некоторые основные элементы советской второй (полностью теневой или полулегальной) экономики. Именно в этом контексте действовала организация Павленко, и именно в этих рамках ее целесообразно изучать и оценивать.

Прежде всего, важно отметить вынужденное сохранение в советской экономической системе достаточно крупного сектора личных крестьянских хозяйств. Это было существенной уступкой сталинского государства, в принципе нацеленного на полное обобществление сельского хозяйства в рамках колхозов и совхозов. Коллективизация породила страшный голод в начале 1930-х годов. Личные хозяйства были важной, хотя и негарантированной страховкой от голода.

Несмотря на незначительные размеры каждого личного хозяйства, в совокупности в силу более высокой, чем в колхозах, производительности труда они производили значительную часть продовольствия. Так, по официальным данным, в 1938 году посевные площади личных крестьянских хозяйств составляли около 4,6 % от площадей, находившихся в распоряжении колхозов. Несмотря на это, в 1937 году даже по официальным данным их продукция составляла четверть от всей колхозной продукции (по обобществленному и личному хозяйствам), включая 38,4 % овощей и картофеля и 67,9 % мяса и молока³⁴.

Эта тенденция сохранялась во время и после войны. По официальным данным, удельный вес личных подсобных хозяйств колхозников в валовой продукции сельского хозяйства страны достиг максимума (20,2 %) в 1946 году, а затем, несколько снизившись под давлением государства, все равно находился на высоком уровне. В 1949–1951 годах он составлял в среднем около 18 %³⁵. При этом, как и прежде, приусадебные хозяйства колхозников составляли незначительную часть посевных площадей колхозов – 4,5 % в 1951 году³⁶. Однако, используя эти клочки земли, частные хозяйства колхозников оставались важнейшими производителями многих видов сельскохозяйственной продукции, прежде всего животноводческой. Например, в личных хозяйствах колхозников в 1952 году содержалось 45 % всех коров, имевшихся в стране, а в колхозах только 32 %³⁷.

³¹ *Hessler J.* A Postwar Prestoika? Towards a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. 1998. Vol. 75. № 3. P. 517.

³² *Cadiot J.* L' affaire Hain, Kyiv, hiver 1952 // *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Vol. 59. № 2–3. P. 255–288; *Khlevniuk O. V.* The Pavlenko Construction Enterprise. Large-scale Private Entrepreneurialism in Stalin's USSR // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 6. P. 892–906; *Heinzen J. W.* Soviet Entrepreneurs in the Late Socialist Shadow Economy: The Case of the Kyrgyz Affair // *Slavic Review*. 2020. Vol. 79. № 3. P. 544–565.

³³ Наиболее полезной для данного исследования была серия публикаций петербургских авторов: *Говоров И. В., Кокуев С. Б.* Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930–1940-х годах // *Вопросы истории*. 2008. № 12. С. 24–35; *Говоров И. В.* Разгул преступности в послевоенном Ленинграде и области // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 139–143.

³⁴ *The Economic Transformation*. P. 127; Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1939. С. XI.

³⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 55 об.

³⁶ Там же. Л. 63 об.

³⁷ Там же. Л. 66.

Логика предпринимательской деятельности толкала крестьян на расширение частных хозяйств сверх ограничений, предусмотренных законом. В деревне, несмотря на контроль и давление со стороны государства, постоянно существовали элементы теневой экономики. Распространение получила нелегальная аренда колхозных земель под частные хозяйства. Крестьяне-арендаторы расплачивались с колхозами определенным количеством произведенной продукции. Такой подрядный способ ведения коллективного хозяйства повышал производительность³⁸.

Однако государство, прежде всего по идеологическим мотивам и вопреки очевидной экономической логике, считало подобные отношения неприемлемыми. Частные крестьянские хозяйства находились под сильнейшим налоговым прессом. Периодически проводились кампании против «разбазаривания колхозных земель». Они наносили сильные удары по индивидуальным крестьянским хозяйствам и сокращали количество продовольствия в стране³⁹. Ограничение частных крестьянских хозяйств было важным фактором всплесков голода и хронических продовольственных трудностей⁴⁰.

Существенный дефицит промышленных товаров служил почвой для теневой экономической активности ремесленников, объединенных в структуры промысловой кооперации, а также тех, кто работал индивидуально. Кустари занимались мелким ремонтом, шили одежду и обувь, производили некоторые продукты питания, в частности кондитерские изделия и т. д. Их деятельность жестко регламентировалась государством. Например, одежду и обувь разрешалось шить только на заказ, но не для продажи. В борьбе с такими ограничениями складывалась теневая экономика под крышей промысловой кооперации.

При Сталине в ней действовали так называемые «кустари-подпольщики», которых исследователи считают прообразом «цеховиков» периода позднего социализма. Они лишь формально числились членами промысловой кооперации, используя ее как легальное прикрытие. Такие предприниматели были нацелены на изготовление для рынка дефицитных товаров, в число которых входило тогда большинство предметов повседневного потребления. Для производства нередко привлекались сырье и материалы, похищенные на государственных предприятиях⁴¹.

Как показали исследования в архивах, спрос на изделия и услуги частников особенно сильно вырос в годы войны, когда государство резко сократило свое участие в производстве товаров широкого потребления. Отчасти компенсируя рыночный спрос, мелкие частные предприниматели производили одежду, обувь, некоторые продукты питания. Для республик Средней Азии и Закавказья были характерны частные кафе и гостиницы. Все эти виды мелкого предпринимательства получили столь широкое распространение, что финансовые органы на местах и в центре после войны начали лоббировать их легализацию с целью обложения налогами. Однако эти проекты не получили поддержки высшего руководства страны и были

---

³⁸ В 1970-х годах раздача земель коммунальным хозяйствам в частное пользование крестьянам на основе аренды была пусковым механизмом китайских реформ (Gregory P., Zhou K. How China Won and Russia Lost: Two Dissimilar Economic Paths // Policy Review. 2009. № 158. P. 35–50).

³⁹ Известны две наиболее значительные кампании борьбы с индивидуальными крестьянскими хозяйствами в сталинский период. Первая проводилась в 1939 году (Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. М.: Наука, 2006. С. 241–250; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: Росспэн, 2008. С. 272–287). Вторая началась в 1946 году с постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 года. В нем говорилось, что «расхищение общественных земель идет по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» (Правда. 1946. 20 сентября).

⁴⁰ Круглов В. Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: Росспэн, 2014. С. 403–446.

⁴¹ Говоров И. В., Кокуев С. Б. Теневая экономика. С. 27; Пасс А. А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск: ЧелГУ, 2002.

осуждены как политически вредные. Кооперативные структуры и индивидуальные предприниматели подверглись массовым чисткам, включая аресты⁴². Однако нелегальное производство товаров широкого потребления нельзя было искоренить, поскольку оно выполняло важную роль частичного насыщения рынка в советской дефицитной системе.

Как утверждают исследователи, в отличие от 1930-х годов, когда к уголовной ответственности привлекались в основном кустари-одиночки, в 1940-х годах наблюдалось укрупнение и усложнение теневых кустарных производств. Часто формировались «организованные группы кустарей-подпольщиков, имеющие орудия производства, использующие наемную рабочую силу». Они срашивались с различными расхитителями, приобретали через них «сырье и материалы, похищенные с государственных предприятий».

Примером такой организации была группа кустарей-сапожников, ликвидированная в Ленинграде в 1951 году. В нее входили сапожники-кустари, работники артелей и складов, снабжавшие их похищенным сырьем, сотрудники комиссионных магазинов и спекулянты, осуществлявшие сбыт произведенной обуви, профессиональные уголовники, обеспечивавшие «безопасность» (как сказали бы мы сейчас, «крышавшие» его), а также должностные лица контрольно-ревизионного аппарата учреждений ленинградской торговли, которые прикрывали деятельность организации – еще одна «крыша». Всего по делу проходили 23 человека⁴³.

Значительная часть продукции крестьянских хозяйств, промысловой кооперации и ремесленников-частников попадала на так называемые колхозные рынки, действовавшие на основании свободного ценообразования и не полностью подчиненные централизованному контролю. Эти рынки также были неизбежной уступкой сталинского государства реальностям социально-экономического развития, прежде всего в периоды кризисов⁴⁴. В свою очередь, колхозные рынки были важной основой развития одного из самых многочисленных видов советского частного предпринимательства – торговли. Ликвидация частной торговли в период сталинского скачка в конце 1920-х – начале 1930-х годов привела к тому, что государственные магазины не справлялись с рациональным регулированием и без того скудных потоков потребительских товаров. Негибкость и злоупотребления государственной торговли и карточного распределения усугубляли дефицит⁴⁵. В таких условиях частная торговля была загнана в подполье, но не исчезла совсем.

Частные торговцы преимущественно действовали в трех нишах советской экономической системы. Первая – реализация товаров крестьянских хозяйств, промысловых кооперативов и частных ремесленников. Вторая – перепродажа товаров из государственной торговой сети, которая приносила огромные прибыли благодаря значительной разнице цен в государственных магазинах и на свободном рынке. Третья – сбыт продукции, похищенной в государственных предприятиях.

На официальном советском языке деятельность частных торговцев называлась спекуляцией. Спекуляцией занимались две категории граждан страны: самостоятельные торговцы и работники государственной торговли. Огромное количество мелких самостоятельных спекулянтов скупали товары в городских магазинах, прежде всего в крупных и столичных центрах, которые обеспечивались лучше всего. Затем эти товары перепродавались на рынках, в местах

---

⁴² Hessler J. A Postwar Prestroika?; Чудинов И. А., Осипов В. А. К 60-летию несостоявшейся налоговой реформы // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 9. С. 166–175; Осипов В. А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири). Кемерово: КузГТУ, 2003.

⁴³ Говоров И. В., Кокчев С. Б. Теневая экономика. С. 27.

⁴⁴ Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan, 1996. P. 201–228; Moskov W. The Bread of Affliction: the Food Supply in the USSR During World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London; New York: Longman, 1991.

⁴⁵ Хлевнюк О. В., Дэвис Р. У. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.

несанкционированной торговли или через знакомых. Как правило, мелкие скупщики пользовались услугами работников государственных магазинов, которые за взятки обеспечивали продажу мелких партий товаров вне очереди. Нередко организаторами нелегальных сетей выступали и сами работники торговли. В этом случае государственные магазины, помимо легальной деятельности, выполняли функции перевалочных баз, через которые дефицитные продукты и изделия поступали в нелегальную сеть мелкой торговли⁴⁶.

Вместе с тем к середине 1940-х годов на советском черном рынке тоже складывались разветвленные организованные структуры. Их низшую ступень представляли мелкие уличные торговцы – «барышники», «золотари», «мясники» и др., действовавшие на рынках, «толкучках» и «барахолках», у магазинов, ломбардов, вокзалов и т. д. За ними стояли перекупщики-посредники, имеющие связи с другими регионами страны. В Ленинград, например, ввозились продукты питания из Прибалтики, а вывозились промышленные товары в Украину, Сибирь, Поволжье, Молдавию. Руководили этими структурами крупные спекулянты. Они организовывали процесс при помощи вовлеченных в дело работников транспорта, государственных торговых учреждений, карательных органов⁴⁷.

Во многих случаях в различных операциях в теневом секторе участвовали также работники государственных предприятий. Страдавшие от недостаточного снабжения в рамках плановой системы распределения ресурсов, они активно пользовались возможностями черного рынка материально-технических ресурсов, на котором заключались сделки полулегального или нелегального характера. Несанкционированные бартерные обмены между предприятиями, которые назывались тогда «товарообменные операции»⁴⁸, дополнялись приобретением сырья, материалов, оборудования на нелегальном рынке. В значительной мере эту внеплановую систему снабжения и реализации ресурсов обслуживали специальные агенты («толкачи»). Выполняя роль брокеров, они, с одной стороны, обеспечивали выполнение официальных плановых заказов предприятия. С другой стороны, «толкачи» закупали необходимые ресурсы на нелегальном рынке⁴⁹.

В совокупности частное предпринимательство и различные полулегальные и нелегальные операции в государственном секторе составляли вторую советскую экономику. Ее характерными чертами были отсутствие централизованного планирования; относительно свободное передвижение ресурсов на основе товарно-денежных отношений и прямых договоров между производителем и потребителем; широкое использование коррупционных схем для перекачки сырья, продовольствия и промышленных изделий из государственных фондов в структуры второй экономики. Высокий риск преследований со стороны карательных органов способствовал распространению коррупционных методов защиты от репрессий. Соучастниками в частном предпринимательстве были государственные служащие различных структур, включая контрольные, правоохранные, партийные и советские органы. Широко распространялись взятки⁵⁰.

⁴⁶ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»; Hessler J. A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004; Говоров И. В., Кокучев С. Б. Теневая экономика; Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

⁴⁷ Говоров И. В., Кокучев С. Б. Теневая экономика. С. 25–26.

⁴⁸ Это явление исследовалось только эпизодически. См.: Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Facade of Stalin's Command Economy: Evidence from the State and Party Archives / Ed. P. R. Gregory. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2001.

⁴⁹ Berliner J. S. Factory and Manager. P. 207–230; Хлевнюк О. В. «Толкачи». Параллельные стимулы в сталинской экономической системе. 1930-е – 1950-е годы // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. № 2–3. P. 233–254.

⁵⁰ Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81; Тепляков А. Г. О коррупции в органах НКГБ – МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Красильникова. Новосибирск: Сова, 2009. С. 205–223; Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине (1943–1953). М.: Росспэн, 2021.

Корпорация Павленко занимала в этой системе свое место. Она отличалась определенными особенностями, но отражала общие черты теневой экономики в сталинском СССР.

Источники для исследования

Для подготовки этой книги принципиальное значение имели источники. Без достаточного количества документов, отражающих самые мелкие детали деятельности Павленко и его корпорации, задуманное исследование микроистории теневого частного предприятия было бы невозможно. Иначе говоря, чтобы сложить этот пазл в удовлетворительном виде, необходимо достаточное количество (пусть и не все) его фрагментов. Как хорошо знают историки, добывать такую конкретную, максимально приближенную к рутинной повседневности информацию совсем не просто. Ее источником являются прежде всего материалы личного происхождения: дневники, воспоминания, письма. Однако такие свидетельства никто из членов УВС не оставил и, судя по всему, не мог оставить.

Дневниково-эпистолярный жанр не был стихией этих людей, не слишком грамотных, но практичных. Не писали о корпорации Павленко (хотя бы в отрицательном ключе) и журналисты, лишив будущих историков еще одного важного источника информации о подробностях и впечатлениях. Вместе с тем истории с плохим концом (или с хорошим, как скажут многочисленные сторонники жесткого государства и «порядка») имеют для историков свои преимущества. Аресты, следствие и суды оставляют после себя длинный шлейф документов. Разбирательство различных государственных структур по делу организации Павленко было долгим и въедливым. В разных архивных фондах отложились справки об УВС, протоколы допросов арестованных и свидетелей, финансово-договорные документы и т. д.

В отличие от сфабрикованных политических дел речь в данном случае шла преимущественно об экономических преступлениях, конкретных и осязаемых. Способствовало относительной объективности следствия и суда также время – переход от сталинской диктатуры к «мягкому» авторитаризму эпохи десталинизации и XX съезда. Следователям и судьям теперь не приходилось изобретать несуществующие антисоветские заговоры и шпионские центры, а арестованным и подсудимым – повторять заученные нелепые «признания». Действуя в своих интересах, что-то скрывая, а что-то непомерно выпячивая, обе стороны оперировали реальными фактами, цифрами и документами. Такие источники открывают возможности для интерпретаций и оценок в целом достоверных данных. Все это важно и полезно.

Однако, как известно, историкам документов всегда мало. Тем более когда они знают, что какие-то из архивных материалов существуют, но по разным причинам недоступны. Это не всегда вредит делу, но обязательно вызывает досаду. Не стала исключением и работа над этой книгой. Несмотря на привлечение достаточного, на мой взгляд, комплекса источников, немало из них осталось за бортом.

Прежде всего, нужно отметить, что в первые недели после разгрома УВС следственные действия по делу велись в разных местах, где работала организация Павленко. Только через некоторое время следствие полностью перешло в Москву и сосредоточилось в руках Главной военной прокуратуры. Мне было совершенно точно известно, что соответствующие материалы сохранились в архивах Украины и Молдовы. В этих республиках в конце 1952 – начале 1953 года допрашивались арестованные Павленко и его сотрудники, велось партийное расследование в отношении чиновников, контактировавших с УВС. Благодаря щедрой помощи коллег-историков, о чем будет сказано в разделе «Благодарности» в конце этой книги, мне удалось получить значительный комплекс документов из бывшего партийного архива Молдовы. В нескольких толстых папках собраны протоколы допросов арестованных, справки госбезопасности, свидетельства об обсуждении вопроса в ЦК компартии Молдавии⁵¹. Однако работа с аналогичными украинскими источниками, к сожалению, была невозможна.

---

⁵¹ Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Архив социально-политических организаций Республики Мол-

Лишь частичный доступ к материалам следствия был также в Москве. Соответствующее надзорное производство по делу УВС в фонде Прокуратуры СССР⁵² содержит ключевые документы, но не весь комплекс следственных документов, закрытых в соответствующем ведомственном архиве. Похожая проблема существует в отношении документов военных трибуналов, решавших судьбу участников организации Павленко и их пособников. Принципиальное значение для исследования имело выявление в фонде Верховного Совета СССР приговора трибунала в отношении руководящего ядра УВС. Эта обширная (более чем на 100 страниц типографского текста) брошюра в сжатом виде содержит основные факты и положения много-томных материалов суда, к которым у исследователей пока нет доступа⁵³. На основании текста приговора можно изучать многие подробности деятельности организации Павленко и отдельных ее членов. В этом же деле содержатся несколько пространных ходатайств Павленко, который оспаривал приговор и выдвигал аргументы в свою защиту⁵⁴.

Вместе с протоколами допросов в прокуратуре и МГБ, партийными опросами чиновников, погоревших на деле Павленко, такие заявления позволяют услышать своеобразный диалог обвиняемых и обвинителей. Во всех случаях, когда это позволяли источники, я старался реконструировать этот диалог. При этом не нужно, конечно, забывать, что обе стороны – обвиняемые и их обличители – преследовали свои интересы. Первые скрывали многие факты, чтобы смягчить приговор. Вторые подчеркивали и нередко преувеличивали преступный характер деятельности арестованных, чтобы сделать приговор более суровым. Однако в целом выявленные документы предоставляют многочисленные возможности для изучения теневых реалий советской жизни. Сами того не желая, следователи прокуратуры, МГБ и партийного контроля выступали в роли достаточно въедливых «социологов», проводивших «углубленные интервью» с подследственными, свидетелями и подозреваемыми.

Подводя итоги этому короткому обзору, можно сказать, что доступных источников об организации Павленко у нас много, но не так много, как хотелось бы. На самом деле это обычная ситуация для историка. В совокупности московский и молдавский комплексы документов оказались достаточными, чтобы вести исследование и написать эту книгу. Тем более что ее реальная источниковая база не ограничивается судебно-следственными документами. Поскольку задачей книги было изучение организации Павленко в контексте важных тенденций советского социально-экономического развития, большое значение имело обращение к литературе и архивным документам по широкому кругу вопросов. Результаты исследования этих контекстных источников читатель найдет в соответствующих разделах книги.

дова), далее AOSPRM.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283.

⁵³ Краткий обзор материалов трибунала в архиве Московского окружного военного суда (с 2019 года 2-й Западный окружной военный суд) см.: http://voen-sud.ru/about/delo_pavlenko.php (дата обращения 31.01.2017).

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176.

Глава 1

ПУТЬ К «ДЕЛУ ЖИЗНИ»

Жизнь Павленко, как и всех поколений советских людей, в 1930–1940-х годах разделилась по рубежу войны: до, во время и после нее. Именно в годы войны Павленко стал руководителем теневой строительной организации, работавшей хотя и реально, но под прикрытием фальшивой военно-строительной легенды. Именно в годы войны он применял и совершенствовал те методы взаимодействия с государственными структурами, которые позволяли ускользать из-под, казалось, тотального контроля, при этом находясь в относительной безопасности и получая прибыль.

Во время войны сформировалась новая социальная идентичность Павленко и его сотрудников. Все они развили не только важные профессиональные качества строителей и дельцов теневой экономики, но и навыки самосохранения и адаптации, использования государственной системы в собственных интересах. Успешность этого сценария жизни была для них очевидна. В документах по делу УВС отсутствует какая-либо информация о потерях в личном составе организации в годы войны. Если они и были, то не затронули ядро группы. Зато плечи Павленко и его сотрудников украшали фальшивые погоны, на груди сверкали ордена и медали, полученные преимущественно при помощи махинаций, а в карманах лежали немалые суммы денег, вырученных за счет манипуляций с трофейным имуществом и спекуляций на черном рынке. Это был весомый багаж, с которым можно было успешно открыть новую страницу послевоенной жизни.

Было бы неверно полагать, однако, что эти превращения произошли с героями книги во время войны с чистого листа. Предвоенная биография Павленко, хотя и очень скупое представление в имеющихся материалах, демонстрирует многочисленные предпосылки коренных изменений, случившихся с ним в годы войны. Молодой человек из небольшого украинского села, до начала войны он прошел путь, характерный для миллионов его сверстников в крестьянской индустриализирующейся стране. Обладая способностями и амбициями, он, как сын «кулака», оказался заперт в почти неподвижной кабине социальных лифтов.

Новое государство ценило преимущества «правильного» социального происхождения куда больше личных качеств. На годы становления Павленко и его будущих сотрудников пришлось страшное бедствие – голод, унесший несколько миллионов жизней и покалечивший болезнями еще много миллионов выживших. Очень рано Павленко пришлось столкнуться с угрозой репрессий и приобрести специфический опыт взаимодействия с советскими карательными структурами.

Именно в таких условиях Павленко учился активно и цинично относиться к предложенным ему обстоятельствам. Счастливо избежав самой плохой участи – участи террора, уготованной многим миллионам советских граждан, Павленко фактически оказался перед выбором. Он мог влачить жалкое существование подавленного и бесправного советского гражданина, незаметного и нищего настолько, чтобы не вызывать интерес у государства. Но он мог и попытаться избежать такой судьбы, вырваться за ее пределы, несмотря на стигму происхождения, тяготы и жестокость окружавшего мира.

Предпочитая второй сценарий, Павленко освоил необходимые жизненные навыки внутреннего эмигранта, «своего» среди чужих. Как и многие советские граждане, он вел рискованные, но не обязательно проигрышные игры с государством, активно приспосабливался к системе и манипулировал ее слабостями в своих интересах. Так постепенно появился на свет фальшивый «полковник инженерных войск», энергичный владелец теневого частного предприятия, бросивший вызов могущественному сталинскому государству.

До войны

Первые сложности в реконструкции биографии Павленко возникают уже при определении его возраста. С самого начала на допросах Павленко говорил, что по документам родился в 1908 году, а на самом деле – в 1912-м⁵⁵. Следствие и суд предпочитали, однако, верить документам. Расстрельный приговор в 1955 году он получил как «Павленко Николай Максимович 1908 года рождения»⁵⁶. Однако, обращаясь с просьбой об отмене расстрела, Павленко вновь утверждал: «Мне 43 года, так как рождения 1912 года»⁵⁷. Как и когда в документах Павленко появилось указание на 1908 год рождения и был ли верным 1912 год рождения, сказать трудно.

Другие факты биографии, приведенные Павленко на первых допросах, действительно свидетельствовали в пользу 1912 года. Так, семилетку, по его словам, он окончил в 1927 году. 15 лет – вполне подходящий для окончания школы возраст, 19 лет – уже многовато, хотя и вполне возможно. Мотивы, по которым Павленко настаивал на «настоящем» годе рождения после ареста, более очевидны. Павленко мог скинуть возраст, чтобы сослаться на молодость и незрелость в момент совершения преступлений. «Во время Отечественной войны сбился с правильного пути и не понимал существа лжестроительных организаций», – писал он, например, в ходатайстве о помиловании.

На тех же первых допросах, когда следователи госбезопасности и военной прокуратуры пытались составить представление о личности арестованного, всплыли и другие подробности его ранней биографии. В соответствии с принципами советской юриспруденции, прежде всего нужно было выяснить социальное происхождение обвиняемого. Оно могло иметь критическое значение. За одно и то же преступление гораздо более жестоко наказывались «социально чуждые элементы», бывшие «эксплуататоры» и враги большевиков. Самой значительной группой среди них были зажиточные крестьяне, «кулаки», несколько миллионов которых расстреляли, отправили в лагеря или вместе с семьями в ссылку во время сталинской коллективизации.

Происхождение Павленко с этой точки зрения было двойственным. Он признался (очевидно, понимая, что этот факт все равно станет известным), что родился в селе Новые Соколы Иваньковского района Киевской области в семье зажиточного украинского крестьянина. Семья владела 20 гектарами земли и паровой мельницей, имела рабочий скот и нанимала сезонных рабочих. Мать Николая умерла в 1918 году. Отец и двое старших братьев продолжали вести хозяйство. На первых допросах, рассказывая о своем происхождении и семье, Павленко называл только отца, мать и двоих братьев. Все они к тому времени уже умерли. В конце 1952 года косвенным образом он упомянул также сестру Анну Максимовну⁵⁸. Как будет показано далее, она сыграла определенную роль в жизни Павленко после войны.

Однако в турбулентные 1920-е годы сестра, как и сам несовершеннолетний Павленко, вряд ли определяла существование семьи. Хозяйством занимались отец и два старших брата. Скорее всего, избегая дискриминации в качестве «кулаков», Максим Павленко разделил имущество со старшим сыном Петром, которому отошла мельница. После смерти Петра примерно в 1926 году, по словам Павленко, мельница перешла к следующему брату Василию. Однако тот в 1927 или 1928 году продал ее и уехал на «строительство промышленных предприятий».

Причины такого шага, хотя о них Павленко и не упоминал, очевидны. Именно в этот период началось свертывание новой экономической политики и усилились репрессии против зажиточных крестьян. Те из них, кто был более предусмотрительным, предпочли «самораску-

---

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 151.

⁵⁶ Там же. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 121, 167.

латься», лишиться имущества, но сохранить жизнь и свободу, затерявшись на просторах огромной страны. На допросе Павленко показал, что примерно так поступил и его отец, когда коллективизация стала всеобщей: «Отец все свое имущество добровольно передал в колхоз и сам остался работать в колхозе, будучи принят туда». Похоже, что в отличие от многих других зажиточных крестьян Максим Павленко избежал ареста или ссылки и как-то интегрировался в новую колхозную действительность.

Если рассказанное Николаем Павленко на допросах – правда, то Павленко-старший, несомненно, обладал немалой гибкостью, которую унаследовал и его младший сын. Деревню в ходе форсированной и насильственной коллективизации накрыла волна террора и расправ над крестьянами. Помимо заключения в лагеря и расстрелов, в 1930–1931 годах 380 тыс. крестьянских семей общей численностью более 1,8 млн человек были направлены в специальные поселения в отдаленные районы страны⁵⁹. 200–250 тыс. семей (т. е. около миллиона крестьян), по оценкам историков, не дожидаясь репрессий, бежали в города и на стройки. Еще примерно 400–450 тыс. семей (около 2 млн человек) были выселены по так называемой третьей категории (в пределах своей области) и тоже, потеряв имущество, в большинстве ушли в города и на стройки⁶⁰.

На насилие деревня ответила восстаниями. Если за 1926–1927 годы органами ОГПУ было зафиксировано в общей сложности 63 массовых выступления в деревне, за 1929 год – чуть более 1300 (244 тыс. участников)⁶¹, то в 1930 году – 13 754 массовых выступления, в которых принимало участие около 3,4 млн человек⁶². Волнения происходили в основном на почве несогласия вступать в колхозы, а во многих случаях были попыткой защитить «раскулаченных» от арестов и выселения или церкви от закрытия⁶³. Многие выступления, как сообщало ОГПУ, проходили «под лозунгами свержения советской власти», руководились «повстанческими центрами», сопровождалась «разгоном сельсоветов, попытками расширения территории, охваченной выступлением, вооруженным сопротивлением властям». В ходе таких выступлений наблюдались «занятие основных стратегических пунктов и учреждений, выставление пикетов и заслонов, формирование отрядов или групп вооруженных и т. п.»⁶⁴. Значительная часть крестьянских выступлений (около 30 % в 1930 году) была зафиксирована в Украине.

В общем, Павленко-старший вполне мог пасть жертвой этой гражданской войны, организованной сталинским руководством. Вместе с тем у нас нет оснований не доверять свидетельствам Николая Павленко, что его отца прямые репрессии не затронули. К моменту сплошной коллективизации немолодой уже Максим Павленко вел свое хозяйство один (жена и старший сын умерли, средний и младший, а также, видимо, дочь уехали в города), и оно вряд ли могло быть значительным. Косвенным свидетельством в пользу сравнительно «мирного» вставания Максима Павленко в колхоз служит тот факт, что следствие и суд не стали углублять тему «кулацкого» происхождения Николая Павленко.

---

⁵⁹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000 (автор раздела В. Н. Земсков). С. 277. В литературе называются и другие цифры, однако в целом они не очень значительно отличаются друг от друга.

⁶⁰ Данилов В. П., Ивницкий Н. А. Документы свидетельствуют. М.: Политиздат, 1989. С. 46–47.

⁶¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Гл. ред. совет: В. П. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др. Т. 2: Ноябрь 1929 – Декабрь 1930 / Редкол.: Н. Ивницкий (отв. ред.) и др. М.: Росспэн, 2000. С. 789.

⁶² Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 804. По данным ОГПУ, в 1930 году в 10 тыс. выступлениях (из 13,8 тыс.), по которым были собраны данные, участвовали 2,5 млн человек. Предполагая, что в среднем на одно выступление приходилось 245 человек, мы получаем, что во всех 13,8 тыс. выступлений участвовали около 3,4 млн человек. Следует, однако, учитывать, что, скорее всего, отчеты ОГПУ были неполными.

⁶³ См. подробнее: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Росспэн, 2010.

⁶⁴ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 805, 808.

На одном из первых допросов сотрудник госбезопасности, как и положено, зафиксировал эту линию: «Следовательно, ваша семья имела кулацкое хозяйство?» Однако вполне удовлетворился объяснениями Павленко: «Хозяйство нашей семьи считалось или кулацким, или зажиточным, я точно не знаю. Сам лично я в хозяйстве систематически не работал, в основном учился»⁶⁵. В дальнейшем во всех документах, вплоть до приговора суда в отношении социального происхождения Павленко, применялась формула «из крестьян-кулаков»⁶⁶. О «раскулачивании» (аресте или депортации) Павленко-старшего, что было бы дополнительным выигрышным обвинением против самого Павленко-младшего, не говорилось. Хотя выявить этот факт было бы несложно.

Скорее всего, соответствовали действительности и слова Павленко о том, что он фактически порвал с семейным хозяйством и переключился на учебу. Вряд ли это был выбор самого молодого Павленко, который в любом случае нуждался в поддержке из дома. Однако, учитывая поведение отца и старших братьев, можно предположить, что они были людьми достаточно гибкими и понимающими веяния времени. Младшему в семье был прямой путь в школу. Как утверждал Павленко, в 1927 году он окончил школу-семилетку. Это было лучшее образование из того, что можно было получить тогда в советской деревне. В Новых Соколах семилетки не было, поэтому пришлось ходить (или переехать?) в соседний район⁶⁷.

В 1928 году, как и старший брат, Николай покинул деревню. Первоначально он устроился на строительство автомобильных дорог в Белоруссию. Семилетнее образование в плохо образованной стране было неплохим стартом. Павленко окончил курсы десятников и стал дорожным мастером. В 1930 году он поступил в Минский политехнический институт на автодорожный факультет. Обучался там до начала 1932 года. Причины, по которым бросил институт, Павленко не называл. В публицистических работах о Павленко можно встретить утверждение, что он бежал из института, опасаясь разоблачения «кулацкого» происхождения. Однако не менее убедительно могут выглядеть и другие объяснения. Учитывая темперамент Павленко и его интерес к практическим предприятиям, нетрудно предположить, что учеба тяготила его.

Немаловажным фактором, менявшим жизненные планы многих молодых людей, стал нараставший голод, пик которого пришелся на 1932–1933 годы. Современные оценки прямых жертв голода составляют около 6 млн смертей и даже выше⁶⁸. При этом невозможно, например, подсчитать, сколько людей в результате голода перенесли тяжелейшие заболевания, остались инвалидами и умерли несколько лет спустя после того, как голод превратился в обычные для СССР перманентные продовольственные трудности. Многие крестьяне ринулись из голодающих деревень в более благополучные города и районы.

Власти пытались жестко пресечь эти передвижения, лишая людей последних средств для спасения. В директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении выезда крестьян из Украины и Северного Кавказа, подписанной Сталиным и Молотовым 22 января 1933 года, утверждалось, что эти выезды крестьян за хлебом на самом деле организованы «врагами советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации „через крестьян“ в северных районах СССР против колхозов и вообще против советской власти». Такая трактовка была обоснована репрессиями против голодающих мигрантов⁶⁹. 25 марта 1933 года руководство ОГПУ докладывало Сталину, что за время с начала операции в январе общее количество задержанного «беглого элемента» составляло 225 тыс. человек, из них были возвращены на места

⁶⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44.

⁶⁷ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁶⁸ Дэвис Р., Виткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Росспэн, 2011. С. 421.

⁶⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–635.

жительства более 196 тыс., а остальные привлечены к судебной ответственности, направлены в лагеря и ссылку и т. д.⁷⁰

Семья Павленко была среди тех, кому удалось избежать худшего. Николай Павленко и его старший брат к тому времени уже уехали в города, где голод был относительно менее жестоким. Их отец, как утверждал Николай, «в 1932 г. или 1933 г. из села выехал к брату Василию и проживал там до своей смерти – января 1943 г.»⁷¹. Это заявление выглядит вполне правдоподобно. Младший Павленко ушел из института. Студенческий паек был куда меньше, чем снабжение на производстве. Многие в те годы не досиживали положенный срок на студенческой скамье и заполняли рабочие места, тем более что их выбор в стремительно индустриализирующейся стране был значительным. Павленко вернулся к постройке автодорог в Белоруссии, очевидно на должностях низового руководителя.

В начале 1933 года он перебрался из Белоруссии в Воронежскую область. Работал в Липецке прорабом и помощником прораба на строительстве оборонного завода, а затем в Ельце – прорабом и старшим прорабом на реконструкции кожевенного завода. Частая смена рабочих мест была обычным явлением и бичом советской экономики. Ни один директор завода, начальник цеха или строительного участка не знал, сколько людей на следующий день выйдет у него на работу.

Официальная пропаганда клеймила работников, переходивших с предприятия на предприятие, как «летунов», новых деревенских рабочих, зараженных мелкобуржуазным сознанием прошлого. На самом деле в нищей стране люди просто искали лучшие условия труда и жизни, а в голодные годы спасались от смерти. Вполне возможно, переход Павленко на оборонное предприятие тоже был связан с попыткой избежать голода. Однако, похоже, в полной мере она не удалась. В 1934 году Павленко заболел малярией. Многочисленные эпидемии были непременным спутником голода и его отдаленным последствием. Судя по всему, Павленко был одной из жертв этого эха.

После выздоровления в жизни Павленко произошел поворот, имеющий немалое значение для его дальнейшей судьбы. Он перешел на работу в систему промысловой кооперации. В советской экономике кооперация занимала специфическое положение. Как было показано во введении к этой книге, несмотря на явную тенденцию огосударствления кооперации, в ней сохранялись некоторые возможности для экономической самостоятельности и инициативы, правда, в большинстве случаев нелегальной. За фасадом кооперации нередко скрывались частное предпринимательство и различные теневые схемы хозяйственной деятельности. Соответственно, возможности получения относительно высоких доходов были сопряжены здесь с повышенными рисками различных репрессий.

Мы не знаем, в какой степени эти общие тенденции развития кооперации касались Павленко. Сохранившаяся в материалах следствия информация о его довоенной кооперативной карьере имеет общий, преимущественно анкетный характер. Известно, что сначала Павленко работал заведующим участком от промкооперации на строительстве оборонного завода «Новая Тула». Затем, видимо, в составе той же кооперативной организации Павленко перешел на строительство завода синтетического каучука в Тульском районе⁷². Иначе говоря, кооперативная артель, в которой служил Павленко, выполняла строительные работы для государственных предприятий. Это была обычная практика привлечения дополнительных сил на основа-

---

⁷⁰ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Росспэн, 2005. С. 353–354. Начавшись с организации кордонов в Украине и Северном Кавказе, операция «по пресечению массовых выездов» распространилась на беглецов и из других регионов (Там же. С. 272–274, 282). Однако наиболее масштабными оставались задержания украинских и северокавказских крестьян.

⁷¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 36.

⁷² Ibid. F. 37.

нии договора подряда. В будущем Павленко станет широко пользоваться таким методом, когда организует собственную строительную корпорацию.

Один из довоенных эпизодов карьеры Павленко свидетельствует, что он уже тогда мог быть причастен к теневым кооперативным схемам. Как говорилось в материалах следствия, в 1935 году он «арестовывался прокуратурой Ефремовского района Московской области по Закону от 7 августа 1932 г.». Обстоятельства и причины этого ареста неизвестны. Очевидно, речь шла о каких-то хищениях или иных злоупотреблениях, которые можно было трактовать как хищения государственной собственности. Упомянутый закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» был принят в разгар голода по личной инициативе Сталина. Расхитители были названы в этом документе «врагами народа». Сталин, подчеркивая особое значение этого акта, называл хищения контрреволюционным преступлением⁷³.

Исходя из такой политической предпосылки, закон предусматривал жесточайшие меры наказания – 10-летнее заключение или расстрел – даже за минимальные хищения, причем в условиях страшного голода, охватившего страну. Массовое осуждение несправедливости этого драконовского решения отразилось в его народном названии – «закон о пяти колосках». Действительно, огромный срок заключения в лагеря или расстрельный приговор получило немало умирающих от голода людей, срезавших на колхозных полях несколько колосьев зерна.

Подобные юридические новации вызывали отторжение не только в народе, но и у части работников прокурорско-судебной системы. Народный комиссар юстиции Н. В. Крыленко говорил об этом на пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 года:

Иной раз приходится сталкиваться не только с непониманием, но с прямым нежеланием жестко применять этот закон. Один народный судья мне прямо сказал: «У меня рука не поднимается, чтобы на десять лет закатать человека за кражу четырех колес».

Мы сталкиваемся тут с глубоким, впитанным с молоком матери предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что этак нельзя, что обязательно судить должно, не исходя из политических указаний партии и правительства, а из соображений «высшей справедливости»⁷⁴.

Однако, несмотря на первоначальную решительность, власти вынуждены были признать чрезмерность этой карательной кампании. Уже через несколько месяцев после издания закона от 7 августа началась корректировка практики его применения. В феврале – марте 1933 года были приняты решения о запрещении привлекать к суду на основании закона от 7 августа «лиц, виновных в мелких единичных кражах общественной собственности, или трудящихся, совершивших кражи из нужды, по неосознанности и при наличии других смягчающих обстоятельств». Поскольку произвол продолжался, в январе 1936 года Политбюро по инициативе прокуратуры приняло решение проверить приговоры по закону от 7 августа и освободить неправильно осужденных⁷⁵. За полгода было проверено более 115 тыс. дел. Более чем в 91 тыс. случаев применение закона от 7 августа признано неправильным⁷⁶.

Павленко попал под удар этого закона на нисходящей фазе его применения. Это, несомненно, могло быть причиной прекращения уголовного дела. Совершенно точно можно утверждать, что Павленко избежал суда и был вскоре освобожден из-под ареста. В документах суда

---

⁷³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 208.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514 (1). Л. 20.

⁷⁵ Там же. Оп. 163. Д. 1091. Л. 8.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 896. Л. 52. См. подробнее: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: Росспэн, 1996. С. 108–121.

и следствия он проходил как «ранее не судимый»⁷⁷. Сам Павленко в прошении и помиловании писал: «До Отечественной войны я ни разу не был под судом»⁷⁸. Есть информация, что избежать наказания ему позволило согласие на сотрудничество с чекистами. Этот факт сам Павленко в прошении о помиловании изложил так: «В конце 1934 и начале 1935 г. я, работая в городе Туле, заявил о врагах народа и вместе с органами участвовал в раскрытии и задержании»⁷⁹.

Зная ситуацию в стране в середине 1930-х годов, можно с большой долей вероятности предположить, что произошло. После убийства Кирова советский карательный аппарат по указаниям Сталина усилил фабрикацию дел о «террористических организациях». Как обычно в таких случаях, реальными свидетельствами чекисты не располагали. Обвинения держались на самооговоре арестованных, полученных под давлением вплоть до пыток, а также на «показаниях» «штатных свидетелей», готовых подписать любые фальсификации под диктовку НКВД.

Судя по всему, Павленко выступил в качестве такого «свидетеля». Несомненно, для него это был важный опыт корыстного взаимодействия с тоталитарным государством и преодоления моральных барьеров, опыт циничного эгоизма. Однако вряд ли сотрудничество с госбезопасностью продолжалось дольше, чем до начала войны. Иначе, находясь в контакте с чекистами, Павленко не смог бы организовать свои фальшивые организации и заниматься тем, чем он занимался во время и после войны.

В краткосрочной перспективе, однако, сотрудничество с НКВД вполне могло повлиять на карьерный рост Павленко. Во всяком случае, в 1936 году он переехал в Ярославль, став председателем дорожно-строительной артели. В начале 1939 года в составе артели «Клинский транспортник» работал заведующим участком на строительстве аэродрома в Торжке в Московской области (ныне – Тверская). В конце 1939 года на базе участка была создана новая дорожно-строительная артель в городе Ржеве Калининской области под названием «Пландор-работ». Артель занималась планировочными земляными дорожно-строительными работами и гужевыми перевозками. Павленко вплоть до начала войны был ее председателем и техническим руководителем.

В последние предвоенные месяцы часть сил артели была переброшена к западным границам для строительства аэродромов. Это был огромный проект, который в числе других оборонных мероприятий лихорадочно развертывался в обстановке нараставшей угрозы войны... Возведение аэродромов в основном базировалось на лагерном принудительном труде. 24 марта 1941 года решением Политбюро строительство и реконструкция 251 аэродрома для Наркомата обороны было поручено НКВД, которому предстояло выделить 400 тыс. заключенных. Наркомат обороны, в свою очередь, формировал 100 строительных батальонов по тысяче человек в каждом⁸⁰.

Артель Павленко была лишь незначительной крупницей в этом потоке рабочей силы. Однако сам Павленко приобрел на аэродромном строительстве важный опыт взаимодействия с военными и полезные связи, которые помогли ему в будущем.

---

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44.

⁷⁸ Там же. Л. 14.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 18–19.

⁸⁰ 25 апреля 1941 года на НКВД было возложено дополнительно строительство пяти аэродромов для Наркомата военно-морского флота. В связи с этим правительство обязало Наркомат военно-морского флота сформировать к 15 мая 1941 года шесть строительных батальонов численностью по тысяче человек каждый.

«Управление военных работ»

Война изменила судьбу Павленко, как и судьбу сотен миллионов людей во многих странах мира. С первых дней войны Павленко оказался в тех западных районах СССР, которые подверглись первой и сокрушительной атаке нацистов. Как рассказал Павленко на допросе, «начало Отечественной войны застало меня в пути следования в Западную Белоруссию. Однако добраться к месту работы артели я не мог, и из города Барановичи я возвратился в город Минск». Понятно, что Павленко не мог и не хотел рассказывать в подробностях, что реально стояло за вялой фразой «добраться не мог». Другие источники позволяют нам в некоторой степени приблизиться к пониманию хаоса и паники, охвативших в тот период советский Западный фронт. В Москву Сталину шли тяжелые сообщения от руководителей западных регионов, в том числе из Белоруссии, по которой перемещался Павленко⁸¹. Секретарь Брестского обкома партии писал 25 июня 1941 года:

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать или погибнуть... Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров... и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер.

А вот что телеграфировал секретарь Гомельского обкома 29 июня 1941 года:

Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу.

Секретарь Лунинцкого райкома партии передавал в Москву по прямому проводу:

...Соппротивление противнику оказывают отдельные части, а не какая-то организованная армия... В городе (Лунинец Пинской области. – *Авт.*) полно командиров и красноармейцев из Бреста, Кобрина, не знающих, что им делать, беспрерывно продвигающихся на машинах на восток без всякой команды, так как никакого старшего войскового командира, который мог бы комбинировать действия войск, нет... В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их бомбами (разбомбила немецкая авиация. – *Авт.*), а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец, а потом, разобравшись, что это была просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали... Эти факты подрывают доверие населения. Нам показывают какую-то необъяснимую расхлябанность.

В Минске Павленко был сразу же призван в армию. Любой из фигурирующих в его биографии годов рождения, и 1908 и 1912, не давал право на отсрочку. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года предусматривал, что «мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно». Как специалиста-строителя Павленко назначили помощником инженера 2-го стрелкового корпуса, который дислоцировался в Минске. В последующие несколько месяцев Павленко вместе с другими военными стремительно отступал на восток.

---

⁸¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204–205, 214–215.

Минск пал уже на седьмой день войны, 28 июня 1941 года. Отступающие части Красной армии несли тяжелые потери и постоянно попадали в окружение. По официальным данным, до конца 1941 года потери составили более 3 млн человек, из них более 2,3 млн пропали без вести или попали в плен⁸². Павленко вместе со своей частью добрался до Вязьмы. Однако 7 октября 1941 года в районе Вязьмы была окружена основная часть Западного и Резервного фронтов, 9 октября – Брянского фронта. Катастрофические потери в Вяземском котле открыли гитлеровцам плохо защищенный путь на Москву.

Павленко повезло. Он избежал пленения и оказался в числе тех остатков разгромленных частей Красной армии, которые переформировывались и вливались в другие подразделения. Павленко направили в распоряжение Военно-строительного управления (ВСУ) Западного фронта, где он работал на строительстве оборонительных рубежей, госпиталей и складов⁸³.

Судя по всему, свое положение в ВСУ Павленко считал ненадежным. Он ощущал угрозу направления на фронт и поэтому искал способы закрепиться в строительных войсках. Козырем Павленко был опыт работы на объектах авиационного строительства, а также довоенные личные связи с военнотружущими из авиационных строительных частей. Под Вязьмой он встретил знакомых военных, в том числе В. М. Цыплакова, который в будущем сыграет в судьбе Павленко немалую роль.

Цыплаков служил в 12-м районе авиационного базирования (12 РАБ)⁸⁴ и был готов содействовать переходу Павленко в эту часть. Однако для этого требовалось соблюсти определенную бюрократическую процедуру: перевестись в распоряжение отдела аэродромного строительства Западного фронта. Павленко несколько раз обращался с такой просьбой к своим начальникам в военно-строительном управлении, но те требовали официальный запрос от авиаторов. Между тем вновь связаться со своими знакомыми в 12 РАБ в сумятице военных действий Павленко не смог.

Однако Павленко не привык отступать. Новое направление его мыслям придала случайная встреча с сослуживцами по бывшей артели «Пландорработ», в составе которой Павленко до войны участвовал в строительстве аэродромов. Выяснилось, что у одного из них сохранилась печать этой артели. Печати в советской бюрократизированной системе были важным инструментом легализации чего угодно. Павленко заверил этой печатью письмо в одну из московских типографий с просьбой изготовить бланки несуществующей организации – Пландорстроя отдела аэродромного строительства ВВС и подписался под этим письмом как начальник Пландорстроя.

Получив такой бланк (еще один важный элемент советского бюрократизма), Павленко сделал следующий шаг – составил на нем фальшивый запрос своему руководству в военно-строительном управлении Западного фронта об откомандировании в распоряжение отдела аэродромной службы ВВС того же фронта. Запрос сработал. Было получено легальное разрешение на перевод.

Махинации Павленко трудно признать исключительным явлением. Как показывают исследования, разного рода фальшивые документы имели широкое хождение в годы войны. Особенно часто подделывались продовольственные карточки, пропуска на проезд в железнодорожном транспорте, пользовавшиеся спросом у «мешочников», документы об освобождении от службы в армии⁸⁵. Эти явления, широко распространенные в тылу, не обходили и армию. Так, в октябре 1943 года к 10 годам лишения свободы был приговорен сержант Иванов. Для

---

⁸² Кривошеев Г. Ф. и др. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2009. С. 60.

⁸³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 38.

⁸⁴ Район авиационного базирования – тыловая структура материально-технического и аэродромного обеспечения авиационных соединений.

⁸⁵ Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли. С. 86, 94–97; Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л. Экономическая преступность в СССР. С. 91, 222, 314–315.

фабрикации документов, позволяющих дезертировать с фронта, он изготовил фиктивную гербовую печать и штамп полка⁸⁶.

Легальные бумагами о переводе Павленко к новому месту службы в военно-воздушные силы были хорошим прикрытием для продолжения поисков 12 РАБ и отсутствия по старому месту службы. Однако найти нужную цель в условиях фронтовой жизни первого периода войны было совсем непросто. Прежде всего, для поездок нужен был транспорт, которым Павленко не располагал. Вновь воспользовавшись своими способностями заводить знакомства, Павленко уговорил водителя грузовика сержанта И. И. Щеголева поехать в район города Калинина на розыск аэродромных строителей. С тех пор Щеголев в качестве водителя и члена организации прошел с Павленко долгий путь. В начале 1950-х годов после разгрома организации Павленко он был обвинен в числе прочего в дезертирстве и хищении из воинской части грузовика⁸⁷.

Пока же в марте 1942 года Павленко вместе со Щеголевым отправился на поиски 12 РАБ. Однако они оказались безуспешными. Ситуация для Павленко складывалась неблагоприятно. С одной стороны, он уже выбыл из своей прежней части, с другой – не мог попасть в новую. Это грозило серьезными рисками, прежде всего обвинениями в дезертирстве. И тогда Павленко предпринял решительный авантюрный шаг – в марте 1942 года организовал собственное ложное воинское подразделение. В этом случае вновь пригодилась печать старой артели. Именно ею Павленко скрепил заявление в органы милиции города Калинина о разрешении изготовить новую печать и угловой штамп «участка № 2 Управления военных работ». Себя Павленко начал именовать начальником участка управления военных работ при Калининском фронте, военинженером 3-го ранга⁸⁸. Вокруг себя он собрал старых сотрудников и знакомых.

Получив эти документы и ядро команды, Павленко в начале 1942 года обратился в фронтовой эвакуопункт (ФЭП). Врачу – начальнику эвакуопункта он объяснил, что до передислокации имеется свободная команда, которую можно временно использовать на строительных работах. Нетрудно предположить, что начальник эвакуопункта принял бригаду квалифицированных строителей с энтузиазмом. Ей было поручено обустройство землянок для фронтовых госпиталей. По подложным документам был открыт счет в Калининской областной конторе Госбанка, через которую поступали деньги, перечисляемые ФЭП за работу⁸⁹.

Хотя с юридической точки зрения часть Павленко под названием УВР-2 была фиктивной, фактически она состояла из реальных людей. Прежде всего, в нее влились старые знакомые Павленко по довоенной артели, а также водитель Щеголев, с которым Павленко ранее разыскивал 12 РАБ. Поскольку организация действовала в интересах вполне легального фронтового эвакуопункта, весной 1942 года Павленко сумел установить контакты с Калининским и Клинским районными военкоматами. Через них было легализовано оформление на военную службу ближайших соратников Павленко, мобилизованы новые члены организации. Среди них были как подлежащие призыву в армию, так и военнослужащие, отставшие от своих частей, и дезертиры⁹⁰. Тыловые строительные части имели очевидные преимущества и для тех военнослужащих, которые возвращались в строй после ранения. Так, В. С. Шичков и С. Э. Ковальский, получившие отпуск по ранению, в начале 1942 года, еще до завершения отпуска, предпочли перейти в организацию Павленко⁹¹.

---

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-7863. Оп. 2. Д. 24. Л. 4.

⁸⁷ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 73 об.

⁸⁸ Там же. Л. 46 об.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 46 об.

⁹⁰ Там же. Л. 47.

⁹¹ См.: <https://podvignaroda.ru/?id=45843319&tab=navDetailDocument> (дата обращения 01.05.2022).

Личный состав команды был поставлен на продовольственное и вещевое снабжение во фронтовом эвакуопункте. Помимо грузовой машины Щеголева, команда обзавелась несколькими лошадьми⁹².

Оценка этих событий самим Павленко и органами следствия и суда 10 лет спустя была разной. Павленко настаивал, что, несмотря на фиктивный характер, его строительные команды «выполняли оперативные задания командиров боевых частей, которым они были приданы. За успешное выполнение заданий неоднократно имели благодарности от командиров частей и соединений»⁹³.

Суд исходил из того, что Павленко с марта 1942 года, т. е. после создания УВР-2, был дезертиром. Дезертирами считались также все члены организации, поскольку сама она была фиктивной. Очевидно, однако, что речь шла о дезертирстве особого рода. Павленко и его команда служили на фронте в составе легальных воинских структур и выполняли реальные строительные работы в интересах Красной армии. Ситуация не изменилась и после того, как осенью 1943 года Павленко все же сумел разыскать 12 РАБ в районе города Тулы и при помощи В. М. Цыплакова договорился о переходе УВР-2 в оперативное подчинение 12 РАБ.

Почему потребовалось сохранение фиктивной части вместо прямого перехода в 12 РАБ, не вполне ясно. Возможно, у 12 РАБ не было необходимых штатных единиц. Возможно, Павленко и его товарищи опасались разоблачения аферы в случае реформирования. Возможно, они видели преимущества в сохранении определенной автономии своей команды, начальником которой числился Павленко. Численность организации должна была меняться на разных этапах войны. Павленко в своих заявлениях называл цифру 120–180 человек⁹⁴. В приговоре суда говорилось о более чем 200 «участниках преступной организации»⁹⁵.

Команда УВР-2 была зачислена на продовольственное снабжение при 12 РАБ. Оплата за выполненные подрядные работы переводилась на счета в конторах Госбанка. Наряду со старыми сотрудниками в организацию Павленко разными способами продолжали привлекаться новые люди. Часть из них прошли с тяжелыми боями первые годы войны. Так, В. И. Дедковский, числившийся в УВР-2 помощником командира взвода, служил в действующей армии с ноября 1941 года. Воевал на южных фронтах, был дважды ранен. Проведя восемь месяцев в госпитале после второго ранения, через запасной полк получил назначение в команду Павленко⁹⁶. Каким образом и почему происходило направление военнослужащих в УВР-2, из документов непонятно. Несомненно, в ряде случаев это был организованный процесс.

Так, родственник Павленко П. Н. Монастырский, который через 10 лет попадет вместе с ним под суд, перешел в УВР-2 в начале 1943 года через пересыльный пункт после второго ранения⁹⁷. Таким же был путь И. Ф. Лисовского, также командированного в организацию через запасной полк весной 1943 года после тяжелого ранения⁹⁸. Лисовский, скорее всего, был знаком с Павленко или с кем-либо из команды, поскольку призывался в армию из Солнечногорска Московской области, где до войны работала артель Павленко. А. В. Кузнецов и В. И. Зятков, мобилизованные в армию в самом начале войны в Калинин⁹⁹, могли быть известны кому-либо из членов команды Павленко или приняты по земляческому принципу. Они попали в УВР-2 в начале 1944 года после нескольких ранений.

---

⁹² АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 41.

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 15.

⁹⁴ Там же. Л. 17, 35.

⁹⁵ Там же. Л. 74.

⁹⁶ <https://podvignaroda.ru/?#id=45843319&tab=navDetailDocument> (дата обращения 01.05.2022).

⁹⁷ <https://podvignaroda.ru/?#id=26727854&tab=navDetailDocument> (дата обращения 01.05.2022).

⁹⁸ <https://podvignaroda.ru/?#id=26727854&tab=navDetailDocument> (дата обращения 01.05.2022).

⁹⁹ <https://podvignaroda.ru/?#id=26727854&tab=navDetailDocument> (дата обращения 01.05.2022).

Подобные примеры показывают, что во время войны в той или иной мере действовали неформальные механизмы перехода военнослужащих из части в часть, особенно в связи с новыми назначениями после ранений. Свою роль в этом процессе могли играть земляческие связи, личные знакомства и родственные отношения. Многие знакомые и родственники, даже если они были на фронте, могли поддерживать связи при помощи переписки. Очевидно, что в организации Павленко в силу ее теневых характера такие неформальные отношения играли особую роль.

При комплектовании УВР-2 особенно ценились водители, которые переходили в организацию вместе с закрепленными за ними грузовыми автомашинами¹⁰⁰. Как это могло происходить, из документов неясно. Видимо, в условиях боевых действий было сравнительно легко затеряться, тем более когда речь шла о переходе в новую военную часть. Несложно было приобрести для организации и оружие, недостатка которого в районах боевых действий не ощущалось.

Впрочем, оружия нужно было немного, ведь УВР-2 работала в тылу. Все члены команды выдавали себя за военнослужащих разных званий. Павленко как командир части носил форму со знаками различия инженер-майора, И. П. Клименко считался начальником финансовой части в звании старшего лейтенанта, на Г. В. Курицына и С. И. Туркина были сфабрикованы документы старшин и т. д. Используя старые связи, Павленко получил за взятки в подмосковной типографии бланки различных документов. Были изготовлены фиктивные командировочные предписания, красноармейские книжки и т. д.

Мы почти ничего не знаем о том, чем конкретно занималась УВР-2. Следствие и суд эти вопросы не интересовали, поскольку в центре их внимания была не позитивная деятельность организации, а ее преступный характер. Павленко в противовес этому в своих заявлениях всячески подчеркивал достижения команды:

Во время войны лжевоенно-строительная организация занималась строительством наземных сооружений на полевых аэродромах, а в некоторых случаях производила постройку или ремонт таковых. Некоторый период занимались строительством полевых госпиталей. С лета 1944 года команды нашей лжевоенно-строительной организации были в действующей армии, т. е. в составе 4-й воздушной армии и выполняли задания наравне с инженерными частями этого соединения. В этот период команды выполняли оперативные задания командиров боевых частей, которым они были приданы. За успешное выполнение заданий неоднократно имели благодарности от командиров частей и соединений. Команды всегда находились в непосредственной линии фронта или 15–25 км., т. к. они занимались подготовкой площадок для боевых самолетов¹⁰¹.

Некоторое представление о деятельности организации дают документы о представлении к наградам ее отдельных членов. Конечно, нужно учитывать, что суд признал сами награждения фиктивными¹⁰². Однако некоторую долю правды наградные документы должны были содержать. В представлении к награждению Павленко орденом Красной Звезды, например, говорилось, что с конца 1943 и в 1944 году организация Павленко построила 82 жилых и 5 технических землянок, 6 командных пунктов и 6 столовых и других сооружений, общей стоимостью 600 тыс. руб. Земляночные городки строились на аэродромах. Благодаря этому описанию мы можем понять характер деятельности УВР-2. В представлении говорилось также, что во время летней наступательной кампании 1944 года работы выполнялись в непосредственной

---

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 47.

¹⁰¹ Там же. Л. 22.

¹⁰² См. главу 8.

близости от линии фронта, под огнем противника, а в районе Минска подразделение Павленко даже участвовало в боях¹⁰³.

Большинство членов команды Павленко, прежде всего ее рядовой состав, конечно, ничего не знали о характере УВР-2. Внешне эта «часть» вряд ли чем-то выделялась из ряда других подразделений Красной армии, выполнявших аналогичные функции. Помимо организации строительных работ, нужно было решать много других задач материального снабжения. Павленко и в этом случае использовал любые методы. По данным следствия, он и его помощники не ограничивались получением положенных УВР-2 продовольственных пайков, но стремились незаконными методами пополнить запасы. Например, продовольствие систематически получали по фальшивым аттестатам и командировочным предписаниям в продпунктах различных городов¹⁰⁴. Похищенные таким путем ресурсы использовались как для дополнительного питания участников организации, так и для обмена на водку, бензин, фураж и частично – для дачи взяток.

Если продовольствие в определенных количествах команда Павленко получала централизованно, то на обмундирование, скорее всего, это не распространялось. Поэтому его искали всеми доступными способами. По версии следствия и суда, в этом случае Павленко и его помощники действовали через двух представителей вещевого и обозного снабжения Наркомата обороны. В течение 1943–1946 годов они за взятки выдавали УВР-2 наряды на получение формы, нижнего белья, ватных курток и т. д.¹⁰⁵ В своих заявлениях Павленко настаивал на обычном характере таких операций:

«Я не знаю, как можно считать хищение, если в период Отечественной войны получаемое по распоряжению военпредов выбракованное белье, как то: белье, гимнастерки, шаровары, фуфайки, рукавицы, нами полностью стоимость такого оплачивалась тем предприятиям, в которых получалось, т. е. швейным фабрикам, мастерским и т. д.»; «Все вышеуказанное обмундирование шло на личный состав которого было 120–180 чел.»; «Как исключение могла быть одна или две пары проданы или заменены на бензин, запчасти или питание во время командировки»¹⁰⁶.

Суд, однако, настаивал на том, что значительная часть незаконно полученного обмундирования продавалась на рынках по высоким ценам.

Суд предъявлял Павленко и его подельникам обвинения в массовых хищениях и других ресурсов. В 1943 году с колхозных полей Тульской области они неоднократно вывозили сено, которое продавали затем на рынке. В это же время в городе Клине, обманув (подкупив?) сторожа, со склада строительной организации члены УВР-2 похитили 200 листов шифера. В 1944 году они продали четырех лошадей, угнанных в районе Минска. Летом 1944 года в населенном пункте Березино УВР-2 досталось большое количество ржи. По указанию Павленко ее переработали на муку и продали на рынке, выручив от продажи крупную сумму денег, и т. д.¹⁰⁷

Оборотной стороной многочисленных преступлений и махинаций было, несомненно, падение дисциплины в организации. Ее поддержание Павленко, как и многие другие командиры, обеспечивал разными методами. Некоторые из дисциплинарных инцидентов были

---

¹⁰³ Соответствующий наградной лист ранее был размещен в базе «Электронный банк документов „подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.“», однако теперь изъят из нее.

¹⁰⁴ Этот способ хищения продовольственных пайков явно не был изобретен Павленко. Например, в июне 1942 года к 10 годам заключения был приговорен один из младших командиров Красной армии, который сфабриковал продовольственные аттестаты и командировочные удостоверения для получения 240 пайков (ГА РФ. Ф. Р-7863. Оп. 2. Д. 24. Л. 104 об.).

¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 48 об. – 49.

¹⁰⁶ Там же. Л. 17, 35.

¹⁰⁷ Там же. Л. 49 об.

зафиксированы позже судом и поставлены руководителям УВР-2 в вину. «Прибегая к различным мерам принуждения, подсудимый Павленко связывал отдельных участников УВР, запирали их в подвалы, погреба и сараи, учинял им допросы», – говорилось в приговоре суда.

Так, летом 1944 года в районе Минска был помещен в сырой блиндаж пьяный участник УВР-2 Кочкин. Ему удалось бежать. Спасаясь от преследования, Кочкин просил защиту у солдат проходившей мимо воинской части. Возникла перестрелка, в которой один из членов УВР-2 был убит, а сам Кочкин тяжело ранен. Осенью 1943 года «начальник штаба» УВР-2 Завада нанес пистолетом удар по голове шоферу за неповиновение¹⁰⁸. Особый акцент обвинение делало на три бессудных расстрела, произведенные в организации на завершающем этапе войны, о чем будет сказано далее.

Состоявшийся через 10 лет после этих событий трибунал по делу УВС объяснял такие инциденты стремлением Павленко и его ближайших сотрудников «предотвратить возможное разоблачение преступной организации со стороны рядовых участников УВР» и военных властей¹⁰⁹. Однако вряд ли это было так, по крайней мере в большинстве случаев. Речь шла о рутинном поддержании дисциплины способами, которые были привычны для Павленко, впрочем, как и для многих командиров в армии.

---

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 48 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 48, 74 об.

За пределами родины: трофейное имущество и самосуд

Было бы неправильно утверждать, что преступления и насилие были характерны во время войны только для организации Павленко в силу ее изначально преступного характера. Перемещение многих миллионов вооруженных людей, среди которых были и уголовники, досрочно освобожденные из лагерей для отправки на фронт, и несудимые с низким уровнем ответственности, сопровождалось многочисленными эксцессами, часто подогреваемыми массовым употреблением спиртных напитков. Героизм и самоотверженность соседствовали с подлостью и низостью. Чувство долга, сострадание и порядочность – с преступлениями и озлобленностью. Комплексы соответствующих документов недостаточно изучены, прежде всего по причине ограниченной доступности. Имеющиеся источники свидетельствуют о достаточно широком распространении насилия в армии¹¹⁰. Такую информацию регулярно получали высшие руководители страны, что свидетельствовало о значимости и широкой распространенности этого явления.

Так, в августе 1943 года управление НКВД Курской области направило Л. П. Берии спецсообщение о бандитской группе в составе 16 РАБ 2-й Воздушной армии¹¹¹. Для нас эта информация может представлять особый интерес, потому что речь шла о подразделении, аналогичном тому, в которое через несколько месяцев волеется команда Павленко, – 12 РАБ 4-й Воздушной армии. В спецсообщении говорилось, что командование 16 РАБ в начале августа 1943 года направило в Белгород техника-лейтенанта Липского во главе технического взвода для сбора трофейных автомашин и авиационного имущества. «Вследствие бесконтрольности офицерский состав пьянствовал, а рядовой состав занимался спекуляцией, продавая на рынке изготавливаемые им различные изделия».

В определенный момент Липский дал приказ старшине взвода ограбить трех пожилых учительниц Васильевых, у которых, как считали преступники, было «много ценностей и вещей». Предварительно напоив двух красноармейцев, старшина организовал вместе с ними налет с оружием. Сотрудники НКВД по горячим следам сумели найти похищенные вещи и определить налетчиков. Однако во время допроса в здание городского отдела НКВД ворвались Липский и его сослуживец. Они сделали попытку освободить арестованных и при задержании пытались оказать вооруженное сопротивление.

Эта информация о налете в Белгороде по распоряжению Берии была направлена Сталину. Накапливаясь, такие сигналы вызвали реакцию руководства страны и армии. Так, 30 мая 1944 года заместитель наркома обороны СССР (наркомом обороны был сам Сталин) маршал А. М. Василевский подписал приказ под красноречивым заголовком «О бесчинствах, вооруженных грабежах, кражах у гражданского населения и убийствах, творимых отдельными военнослужащими в прифронтовой полосе, и мероприятиях против них». В нем говорилось о преступлениях военнослужащих и о непринятии командованием «решительных мер» борьбы с ними.

В приказе перечислялись кражи личного имущества граждан, товаров в магазинах, собственности колхозов в западных областях СССР. Руководство Наркомата обороны предписывало усилить контроль над передвижениями военнослужащих, ограничивать командировки, усилить выявление дезертиров и т. д. Дела, связанные с грабежами, кражами, убийствами

---

¹¹⁰ О различных аспектах этой проблемы см.: *Edele M., Slavetski F. Violence from Below: Explaining Crimes against Civilians across Soviet Space, 1943–1947 // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. № 6. P. 1020–1035.*

¹¹¹ ГА РФ. Р-8131. Оп. 37. Д. 981. Л. 190–193.

и другими преступлениями, совершенными военными, предписывалось «разбирать немедленно и виновных привлекать к суду военного трибунала»¹¹².

Однако, судя по документам, таких сигналов сверху было недостаточно. Органы НКВД продолжали докладывать высшему руководству страны о преступлениях военнослужащих против гражданского населения. Так, в конце июля 1944 года Берия сообщил Сталину об аресте группы солдат и младших офицеров танковой ремонтной части в Молдавии. Поменяв обмундирование на спиртное и продукты, в состоянии алкогольного опьянения они ограбили несколько крестьян, отобрали у пастуха 12 овец, изнасиловали женщину¹¹³. В сводке донесений местных органов НКВД о преступлениях военнослужащих в июне – июле 1944 года приводились другие факты такого рода¹¹⁴.

Аналогичный доклад, направленный Берией Сталину в конце сентября, открывался сообщением об изнасиловании красноармейцами жительницы Крыма. Далее следовали уже привычные примеры грабежей в поездах, вооруженных стычек с милицией и т. д. В Москве несколько военнослужащих совершили вооруженное ограбление базы отдела снабжения авиационного завода, в Харьковской области – сельского магазина, в Воронежской области – колхозного зернохранилища и т. д.¹¹⁵ Сводки о преступлениях военнослужащих за сентябрь – октябрь и декабрь 1944 года содержали описания грабежей, изнасилований и убийств, совершенных как в глубоком тылу, так и недалеко от фронта на территории СССР¹¹⁶. Все это – преступления в отношении советских граждан на советской территории. Ситуация в огромной степени усугубилась, когда армия вышла на чужие земли, особенно в Германию.

С Красной армией путь до Германии прошла и группа Павленко, или, как было написано в приговоре суда, «пробралась» туда «вслед за наступающими войсками Советской Армии». Организация продолжала выполнять строительные работы в составе 12 РАБ 4-й Воздушной армии. Помимо этого, по утверждению суда, в 1944–1945 годах на территории Польши и Германии она занималась массовым хищением трофейного имущества: автомашин, тракторов, мотоциклов, радиоприемников, скота, продуктов питания и т. д.

Так, летом 1945 года в городе Шенебек (Германия) на одной из мельниц УВР-2 было захвачено большое количество ржи, несколько коров, лошадь, пианино и мебель. Значительное количество ржи было перемолото на муку и вывезено в СССР, она была поделена между участниками УВР-2, расходовалась на питание и частично продавалась. Как утверждал трибунал, по неполным данным, участниками организации на территории Германии было похищено около 80 лошадей, не менее 50 голов крупного рогатого скота, большое количество свиней, около 20 грузовых и легковых автомашин, до 20 тракторов, электромоторы, автотракторные прицепы, значительное количество муки, крупы и сахара¹¹⁷. Всего, как утверждалось в приговоре, этого имущества из Германии было распродано на территории Польши и СССР на 1,1 млн руб.¹¹⁸

Справедливости ради, в этом случае нужно дать слово обвиняемым, которые представляли ситуацию иначе. В заявлениях о помиловании Павленко писал:

Я не знаю, в чем выражается хищение государственных средств и имущества, или на территории врага, т. е. Германии, в период окончания войны, если было подобрано 10–15 колесных тракторов на резиновом ходу,

---

¹¹² Русский архив. Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР / Под ред. В. А. Золотарева. Т. 13 (2–3). М.: Терра, 1997. С. 290–293.

¹¹³ ГА РФ. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 9–10.

¹¹⁴ Там же. Л. 51–53.

¹¹⁵ Там же. Л. 334–340.

¹¹⁶ Там же. Д. 67. Л. 319–324; Д. 68. Л. 268–273.

¹¹⁷ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 49 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 74 об.

часть которых вышла из строя во время производства строительных работ, также взято несколько легковых и грузовых автомашин, подобрано 40–50 лошадей, 10–15 коров. Указанное имущество нами не взято на трофейных складах и базах, и на территории Германии находилось сотни голов лошадей, коров, свиней, которые были бесхозными и за отсутствием корма и ухода в некоторых случаях гибли. Спрашивается, каким образом это имущество и вырученные деньги считать хищением, ведь его могло и не быть. Кроме того, указанные средства выданы как пособия уходящим из армии, выдачи денег наличными взамен проездных литеров, оплаты командировочных, тарифа за железнодорожные вагоны, покупку продуктов и бензина... Кроме того, средства расходовались на выдачу пособий, т. к. от государства не могли получать, т. к. в воинских частях на денежном вещевом и некоторых других не состояли. Свиньи, коровы, мука и прочее расходовались на питание личного состава¹¹⁹.

Трудно сказать, было ли имущество, захваченное командой Павленко, действительно бесхозным или его отобрали у местных жителей. Могло быть и то и другое. Однако, как свидетельствуют многочисленные факты, охота за трофеями в данном конкретном случае была лишь микроскопической частью массового захвата материальных ценностей на территориях врага. Первые признаки осознания серьезности этой проблемы высшим руководством страны появились еще до выхода Красной армии на территории вражеских государств.

Так, 3 августа 1944 года был издан приказ первого заместителя наркома обороны СССР маршала Г. К. Жукова о запрещении награждения автомашинами личного состава Красной армии. В нем говорилось, что «военные советы и командующие фронтов и армий, а также командиры соединений и частей награждают отдельных военнослужащих и граждан легковыми автомашинами из наличного автопарка и военных трофеев Красной Армии». Приказом запрещались такие действия без специального решения правительства в каждом отдельном случае¹²⁰. 26 сентября 1944 года действие этого приказа было распространено также на награждение мотоциклами¹²¹.

Однако по мере продвижения Красной армии на Запад ситуация с трофеями обострялась. 1 декабря 1944 года, в связи с массовым присвоением материальных ценностей на территории Румынии, ГКО СССР принял постановление о незаконном использовании трофейного имущества. В нем говорилось о массовом вывозе материальных ценностей, а также о злоупотреблениях высокопоставленных военных. «Имели место факты, – отмечалось в постановлении, – когда военнослужащие для личных целей вывозили с фронтов трофейную мебель, радиоприемники, музыкальные инструменты и другие вещи даже самолетами».

Сталин проявил к этому документу особый интерес и тщательно отредактировал его. Ряду генералов и руководителей интендантских служб объявили выговоры или сняли с должности. Как указывалось в постановлении, трофейные ресурсы подлежали концентрации в руках государства. Их распределение и транспортировка в тыл должны были осуществляться централизованно по решениям правительства. Постановление, в частности, устанавливало такие нормы отправки личных посылок военнослужащими не более одного раза в месяц: для рядовых и сержантов 5 килограммов, для офицеров – 10, для генералов – 16¹²².

---

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 17.

¹²⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР / Под ред. В. А. Золотарева. Т. 13 (2–2). М.: Терра, 1997. С. 308.

¹²¹ Там же. С. 316.

¹²² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 420. Л. 86–90.

Однако, как показали дальнейшие события, во многих случаях такие предписания игнорировались. Для высокопоставленных советских генералов и маршалов, руководителей госбезопасности, для работников наркоматов, приезжавших в Германию в командировки для демонтажа оборудования в счет репараций, и многих других ценности вывозились вагонами¹²³. Пример организации Павленко доказывает, что возможности для бесконтрольного и масштабного расхищения ресурсов были не только у высокопоставленных командиров и руководителей. Хотя у обычных военнослужащих не было такого доступа к ценностям (золоту, драгоценностям, антиквариату и т. д.), который имели высокопоставленные руководители на оккупированных территориях.

Помимо присвоения трофейных ценностей, центральным пунктом обвинений против Павленко в период пребывания его организации в Германии было несколько самосудных расстрелов. Согласно версии следствия и суда, основанной на показаниях некоторых подсудимых, речь шла о трех эпизодах. В приговоре трибунала говорилось, что в конце 1944 года, когда УВР-2 находилась на территории Германии, Павленко при помощи нескольких участников организации «лично расстрелял гражданина Михайлова, незадолго до этого вовлеченного в УВР». Весной 1945 года на территории Германии по указанию Павленко был расстрелян военнопленный немец, которого Павленко забрал в 1944 году из военной комендатуры Минска как специалиста по ремонту автомашин. Вскоре после окончания войны на территории Польши по указанию Павленко был расстрелян шофер Коптев, который перешел в УВР в конце 1944 года вместе с грузовой автомашиной.

Отвечая эти обвинения, Павленко заявлял:

Действительно, весной 1945 г. на территории Германии по моему приказанию за неоднократное насилие и мародерство над населением были расстреляны два военнослужащих, и это я сделал после того, когда узнал, что приказом Верховного Главнокомандующего за эти действия виновные расстреливаются. Я это не делал с целью мести или террора... Также по моему указанию был расстрелян военнопленный немец, который был фашист и скрывался с расположения (из части. — *Авт.*)¹²⁴.

В ответ на такие оправдания Павленко суд в приговоре указал: «Все расстрелы указанных лиц были произведены без какой-либо проверки о якобы непозволительном их поведении среди местного населения»¹²⁵. Эта фраза, призванная доказать вину Павленко, по своей сути была двусмысленной. Получалось, что Павленко обвинялся не в бессудном расстреле (по сути, в убийстве), а в том, что эти в принципе допустимые расстрелы были произведены при отсутствии должных оснований.

Очевидно, такая формула обвинения отражала реальности военного времени, хорошо известные военным юристам из трибунала. Бессудные расстрелы вообще и на фронте в частности получили в годы войны широкое распространение¹²⁶. Легитимность этой меры была подтверждена известными приказами Ставки Верховного Главнокомандования № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа 1941 года¹²⁷ и № 227 от 28 июля 1942 года. В последнем, в частности, говорилось: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте»¹²⁸.

---

¹²³ Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 83–86; Военные архивы России. 1993. № 1. С. 184–222; Тепляков А. Г. О коррупции в органах НКГБ – МГБ СССР.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 14.

¹²⁵ Там же. Л. 48.

¹²⁶ См. подробнее: *Budnitskii O.* In parentheses: Extrajudicial executions during the Great Patriotic War // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 63. № 1. P. 223–242.

¹²⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–2). С. 58–60.

В целом, по оценке О. В. Будницкого, число жертв бессудных расстрелов в армии в годы войны могло быть сопоставимо с численностью казненных по приговорам военных трибуналов, которая составляла 130–150 тыс. человек¹²⁹. Хотя на завершающем этапе войны число самосудов могло снижаться, они оставались серьезной проблемой. Об этом свидетельствовал, например, проект приказа Сталина «О самочинных расстрелах военнослужащих», датированный февралем 1945 года. В документе Военным советам фронтов предлагалось «принять решительные меры к предупреждению и пресечению фактов превышения власти, беззаконий и самоуправства со стороны отдельных командиров и начальников, сурово наказывая виновных». Приводились в нем также многочисленные примеры бессудных расправ¹³⁰.

В общем, действия Павленко, который вершил свой суд примерно в то же время, когда готовился приказ Сталина о самочинных расстрелах, не представляли собой чего-либо особенного и чрезвычайного. Хотя личность самого Павленко они, несомненно, характеризуют соответствующим образом.

Суд не стал оспаривать также ссылки Павленко на приказ Сталина о расстрелах за насилие и мародерство над населением. Это удивительно, поскольку на самом деле такой приказ не существовал и суду было легко опровергнуть претензии Павленко на легитимность его действий. Очевидно, что в данном случае Павленко достаточно изобретательно апеллировал к общеизвестным в военной среде фактам массовых бесчинств на территории оккупированной Германии. Реагируя на такие явления, Сталин действительно подписал 20 апреля 1945 года директиву Ставки Верховного Главнокомандования, в которой говорилось:

1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с немцами лучше. Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам не выгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье р. Одер, р. Одер до Фюрстенберга и далее р. Нейсе (западная) создавать немецкую администрацию, а в городах ставить бургомистров немцев. Рядовых членов национал-социалистской партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами¹³¹.

С большой долей вероятности именно эта директива, широко доведенная до войск, была известна также Павленко и использовалась им для своей защиты. Однако в ней, как видно, речь о каком-либо ужесточении наказаний виновных в насилии в отношении гражданского населения не шла. Тем более о расстрелах. Павленко явно передергивал факты. Однако мотивы его самосудов с большой долей вероятности можно просчитать. На завершающем этапе войны, когда снизился накал боевых действий (и, соответственно, загрузка УВР-2 строительными работами), а также возросло количество трофейных соблазнов, Павленко было важно удерживать своих подчиненных в определенных дисциплинарных рамках.

---

¹²⁸ Там же. С. 277.

¹²⁹ *Budnitskii O.* In parentheses. P. 231.

¹³⁰ *Ibid.* P. 229.

¹³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 / Под ред. В. А. Золотарева. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999. С. 229.

Любой скандал грозил повышенным вниманием к организации и непредсказуемыми последствиями. Это же касалось и военнопленного немца-механика, которого Павленко приобрел на советской территории фактически в качестве раба. Его нельзя было без риска задержания просто отпустить на свободу. Его возможное бегство и поимка также грозили расследованием. В общем, как часто бывало во время войны и не только, проблемы решались самым «простым» способом. Павленко было важно закрыть военную страницу своей деятельности и распустить УВР-2 без конфликтов и разоблачений.

Прибыльная демобилизация

Поскольку УВР-2 была фиктивной военной организацией, «демобилизовать» ее после завершения войны можно было также только при помощи различных нелегальных схем и ухищрений. Этот процесс растянулся на некоторое время и заключался в решении двух взаимосвязанных задач. Первая – получение денежных средств, необходимых для выплаты «военнослужащим». Вторая – оформление документов о демобилизации.

Для решения первой задачи было необходимо перевезти в СССР и частично превратить в деньги материальные ценности, похищенные в основном в Германии. Эти операции осуществлялись через несколько каналов¹³². Часть имущества при случае вывозилась из Германии для реализации в Польше и СССР небольшими партиями.

Так, в апреле 1945 года в городе Гродно в Западной Белоруссии было продано около десятка швейных машин, доставленных из Германии. В то же время из Германии в Польшу перегнали десяток голов крупного рогатого скота, который был продан за польские злотые и царские золотые монеты. В мае 1945 года в Гродно доставили около 70 лошадей с повозками. В пути следования часть из них продали за польские злотые и золотые монеты. По тому же маршруту из Германии через Польшу в Гродно перегнали несколько десятков голов крупного рогатого скота, часть которого продали полякам. На территории Польши продавали также автомашины, тракторы и другое трофейное имущество.

Полученные в результате этих операций польские злотые нужно было обменять на советские рубли. Это было сделано летом 1945 года в Гродненской областной конторе Госбанка. Для этой цели сфабриковали фиктивные справки на вымышленных офицеров. Здесь также не обошлось без коррупции. Часть злотых обменяли с помощью начальника финансовой части Гродненского военкомата, заплатив ему 5 тыс. руб. По собранным следствием данным, всего было обменено более 330 тыс. польских злотых.

Летом 1945 года была предпринята передислокация основной части организации Павленко и ее имущества из Германии в СССР. С этой целью за взятку получили 25–30 железнодорожных вагонов. Следуя по территории СССР, участники организации реализовали часть германских фондов. Остальные вывезенные из Германии ценности, а также новые, приобретенные разными путями уже в СССР (лесоматериалы, лошади, обмундирование) также были в основном проданы. По данным следствия, только за перепроданное обмундирование Павленко и его сотрудники получили в 1945 году свыше 500 тыс. руб.¹³³ Всего с мая по сентябрь 1946 года, как утверждалось в приговоре трибунала, организация располагала 3 млн руб.¹³⁴

За счет этого с августа 1945 года Павленко начал проводить демобилизацию своей «части», которая была размещена с помощью военкома Щекинского района Тульской области на территории этого района. Военком получил взятку в виде легкового автомобиля. При демобилизации участники организации получали вполне приличные средства. Сам Павленко, по его признаниям, взял себе около 90 тыс. руб. Видимо, на эти деньги был куплен дом в Калинин, который обошелся Павленко в 70 тыс. руб.¹³⁵

Всего, по версии следствия, между членами организации было разделено 1,5 млн руб. Немало средств ушло на взятки. Помимо денег, участники организации (возможно, не все) получали при демобилизации различные вещи. Так, родственнику Павленко П. Н. Монастыр-

---

¹³² Приведенные далее факты содержатся в приговоре военного трибунала по делу УВС: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 49 об. – 52.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 76.

¹³⁴ Там же. Л. 50 об.

¹³⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 167.

скому помимо 6 тыс. руб. досталось дамское пальто и мотоцикл¹³⁶. Шофер М. Н. Смирнов получил 5 тыс. руб., 100 метров ткани и офицерский шерстяной костюм. В. В. Ермоленко – 5 тыс. руб., два костюма, три пары ватного обмундирования и сапоги. Водитель И. И. Щеголев, помогавший Павленко с самого начала, – 8,5 тыс. руб., корову, пальто, плащ, 30 метров ткани, мешок муки, 20 килограммов сахара, 15 руб. царской золотой монетой. Кроме того, он, говорилось в материалах суда, «присвоил» трофейный мотоцикл¹³⁷. Столь подробное перечисление этих материальных приобретений и сам их состав свидетельствовали о невысоком уровне жизни в стране, где каждое пальто, костюм и сапоги представляли собой значительную ценность.

Распределив материальные ресурсы организации, Павленко решил воспользоваться еще и государственной помощью, которая полагалась демобилизованным военным служащим, но не членам организации Павленко, которые состояли в вооруженных силах на основании фальшивых документов. В декабре 1945 года на имя Тульского облвоенкома была составлена бумага с просьбой выделить около 30 тыс. руб. для 20 участников организации. Облвоенкомом к тому времени стал бывший военком Щекинского района, который уже получал от Павленко взятку. Так что исход дела был предрешен.

Для ускорения процесса Павленко подарил начальнику финансовой части областного военкомата отрез габардина и поросенка. Через некоторое время таким же путем в Тульском областном военкомате было получено еще около 20 тыс. руб., а потом еще 15 тыс. Благодаря этим операциям областной комиссар приобрел автомобиль, корову, ковер, радиоприемник и продукты питания. Аналогичные операции с получением государственных пособий были проведены при помощи взяток и в ряде других военкоматов. Всего было похищено 150 тыс. руб.¹³⁸

По версии следствия и суда, еще в начале 1945 года Павленко и другие участники организации «установили преступные связи с работниками отдела кадров 4-й Воздушной армии и при их содействии, путем использования фиктивных документов незаконно получили для участников „УВР“ большое количество орденов и медалей Союза ССР». С этой целью якобы составлялись фиктивные наградные листы с вымышленными заслугами и боевыми подвигами. Всего таким образом было сфабриковано 86 наградных листов и издано семь приказов командования 4-й Воздушной армии о награждении членов команды Павленко правительственными наградами.

Используя в качестве образца привезенные подлинные удостоверения о награждении, Павленко заказал в типографии фальшивые бланки. Они заполнялись произвольно на участников организации и других лиц. При содействии все того же военкома Тульской области на основании этих фальшивых документов были получены ордена и медали. Как выяснил суд, всего Павленко и его сообщники получили более 230 орденов и медалей. Эти награды использовали даже в качестве взяток. Так, обосновавшись в Калинин, Павленко «подарил» ордена Красной Звезды директору местной швейной фабрики и военпреду этой фабрики, а также заместителю председателя областной промысловой кооперации¹³⁹.

В последующем в ходатайстве о помиловании Павленко слабо пытался оспорить эти обвинения:

Стр. 15 приговора имеет формулировку, что в начале 1945 года установили преступные связи с отделом кадров 4-й Воздушной Армии. Это в действительности не так, первые награды получили я и много других лиц, когда еще даже не знали, что приказы оформлялись через отдел

---

¹³⁶ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 89.

¹³⁷ Там же. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 16701. Л. 6–8, 12.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 51.

¹³⁹ Там же. Л. 51 об. – 52.

кадров Армии, т. к. нас представляли к награде командиры дивизий, для которых выполнялись задания, кроме того много лиц получили награды, оформленные через нас, которые имели по два-три ранения, о чем имели справки, которые получали из госпиталей и службу их в строевых частях. Указанное число 230 наград в большинстве случаев являлись медалями «За победу над Германией», «Освобождение Варшавы», «Оборону Москвы» и т. д. В приговоре неправильно фигурирует, что я орденом Красной Звезды был награжден по документам от нашей организации. Это неправда. Представление и заполнение документов к награде этим орденом делало командование, для которого выполняли работы¹⁴⁰.

Можно предположить, конечно, что какая-то часть наград была получена вполне заслуженно теми реальными военнослужащими, которые оказались в составе организации Павленко, ничего не зная о ее истинном характере. Однако по поводу собственного ордена Красной Звезды Павленко кое-что недоговаривал. Орден был получен на основании приказа по 4-й Воздушной армии от 28 февраля 1945 года. Однако представление о награждении подписал начальник отдела авиационной службы 12-го района авиационного базирования подполковник В. М. Цыплаков. С Цыплаковым, как мы уже знаем, у Павленко были особые отношения. После разгрома организации Цыплаков также будет осужден по обвинению в получении от Павленко взяток.

Если вопрос о справедливости отдельных награждений в организации Павленко может обсуждаться, то присвоение воинских званий в УВР-2 было целиком сфальсифицированным. Павленко сам изготовил документы о собственной «демобилизации» в звании инженер-майора и о «демобилизации» своих сотрудников в разных званиях. Во время войны, как уже говорилось, Павленко сам оформлял на своих сотрудников офицерские звания, используя фальшивые документы. Однако провести фальшивую демобилизацию «офицеров» было затруднительно. По этой причине Павленко вначале намеревался «демобиловать» «офицеров» как «рядовых».

По свидетельству И. П. Клименко, соратники Павленко воспротивились этому. Павленко пришлось оформлять ложные офицерские дела. По ним (видимо, и здесь дело не обходилось без взяток) сотрудники Павленко становились на учет в местных военкоматах и получали военные билеты¹⁴¹. Однако приобрести офицерский военный билет в ряде случаев было непросто даже за взятку. Так, остался лишь «старшиной» водитель Щеголев, хотя во время войны он на определенном этапе носил офицерскую форму¹⁴². Видимо, по этой причине Щеголев, как говорилось выше, получил щедрые отступные в виде денег и товаров. Сам Павленко приобрел военный билет в Солнечногорском районном военкомате, заплатив военному около 600 руб.¹⁴³

---

¹⁴⁰ Там же. Л. 36.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 197–198.

¹⁴² Там же. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 16701. Л. 8.

¹⁴³ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 320.

Место в мирной жизни

После демобилизации перед Павленко и его сотрудниками встал вопрос, волновавший десятки миллионов людей в СССР и других странах мира: как жить дальше? Победоносное завершение страшной войны открывало новые перспективы, для каждого свои и не всегда благоприятные. Команда Павленко вернулась в родные края целая и невредимая и даже обеспеченная материально. В среднем 30-летние молодые люди должны были выбрать свое будущее, над которым, впрочем, тяготел предыдущий жизненный опыт. И, как мы увидим дальше, именно привычки и приобретенные на войне навыки сыграли решающую роль.

Демобилизация и устранение угрозы смерти на фронте открывали для Павленко путь к новой жизни – к возвращению к довоенному легальному прошлому. На первый взгляд, именно в этом направлении Павленко и устремился. Он приехал в Калинин, где жила его сестра. Позже на вопрос следователя о недвижимости Павленко сообщил, что в конце 1945 или в начале 1946 года купил дом в Калинин «пополам с сестрой Анной Максимовной»¹⁴⁴. Очевидно, сестра сыграла какую-то роль в жизни Павленко как единственный близкий родственник, к которому он мог вернуться после окончания войны. Из этих мест была также жена Павленко¹⁴⁵. Ко времени мобилизации у Павленко был 10-летний ребенок. Второй родился пять лет спустя¹⁴⁶.

Вернувшись в Калинин, Павленко воссоздал кооперативную строительную артель «Пландорстрой», которую возглавлял до войны. Вместе с Павленко в это предприятие вступили около двадцати его старых и вновь приобретенных сотрудников¹⁴⁷. Вряд ли создание артели было сложной задачей. Артель имела понятное для властей прошлое, в Калинин сохранились какие-то связи. Павленко и его помощники имели хотя и сфальсифицированные, но формально чистые документы и вернулись с фронта с орденами и медалями на груди.

Сам Павленко о двух с половиной годах послевоенной жизни в Калинин на первых допросах говорил скупой: «В 1947 году я за нарушение финансовой дисциплины был уволен с занимаемой должности председателя артели „Пландорстрой“ города Калинина»¹⁴⁸. Следователей же, судя по всему, вначале не интересовал этот эпизод, так как они были нацелены на разоблачение организации, действовавшей с 1948 года.

Дополнительные детали послевоенной активности команды Павленко появились после того, как из Калининской прокуратуры пришло дело об артели «Пландорстрой». Из него выяснилось, что прокуратура в конце 1947 – начале 1948 года выявила в артели многочисленные нарушения и махинации. Во время ревизии был зафиксирован важный канал проведения спекулятивных операций – денежные расчеты артели «Пландорстрой» с неизвестной военной организацией УВР-2. Как выяснили контролеры, УВР-2, которую возглавлял Павленко, получала от государственных организаций различные ресурсы, оплата которых шла по счетам артели «Пландорстрой», председателем организационного бюро которой был тот же Павленко¹⁴⁹. В дальнейшем следствие вскрыло большое количество незаконных операций артели, что стало одним из пунктов судебного приговора¹⁵⁰.

---

¹⁴⁴ Там же. Л. 167.

¹⁴⁵ Там же. Л. 110. Показания Ю. Б. Константинова, который был женат на сестре жены Павленко.

¹⁴⁶ В заявлении от 7 апреля 1955 года Павленко писал: «У меня двое детей: пяти и двадцати лет» (Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 14).

¹⁴⁷ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 80.

¹⁴⁸ Ibid. F. 17.

¹⁴⁹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 81–83.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 52–54.

Выявленные следствием факты позволяют понять, что Павленко изначально создавал «Пландорстрой» в качестве так называемой «лжеартели» для официального прикрытия нелегальных операций. Возможно, артель занималась и строительными работами (сведений об этом нет), однако они явно не входили в круг приоритетов команды Павленко. Сохранив печати и бланки УВР-2 и создав «Пландорстрой», Павленко и его помощники манипулировали подложными документами этих структур для приобретения в государственных организациях различных ресурсов, которые затем перепродавались на черном рынке.

Условия жизни в СССР всегда благоприятствовали процветанию таких спекуляций. Тотальный дефицит элементарных потребительских ресурсов, продовольствия и промышленных товаров был характерной чертой советской действительности. Значительную часть своих денег советские люди оставляли не в государственных магазинах, а на рынке и у спекулянтов, где по бешеным ценам можно было приобрести все необходимое. Военная разруха только усугубила ситуацию.

В течение нескольких лет государственные предприятия легкой промышленности лишь в минимальном количестве выпускали товары широкого потребления и работали на фронт – шили обмундирование и военную обувь. Еще в ходе войны обозначились признаки голода, пик которого пришелся на 1946–1947 годы. От голода умерли более миллиона человек. Еще около 4 млн человек перенесли различные эпидемические заболевания, вызванные недоеданием. Из них около полумиллиона умерли¹⁵¹. Война и голод вызвали рост уголовной преступности, расцвет черного рынка.

Павленко и его команда быстро сориентировались в этой ситуации. Имея богатый опыт присвоения и перепродажи ресурсов, полученный на завершающем этапе войны, в 1946–1947 годах они продолжили подобные операции. Показательными для понимания сути «Пландорстроя» были махинации с военным обмундированием и другой одеждой, вскрытые следствием. Еще на фронте Павленко познакомился с Ф. Спиридоновым, служившим в период войны военпредом управления вещевого снабжения. После войны Спиридонов стал военпредом на Калининской швейной фабрике, изготавливающей обмундирование. С его помощью за взятки Павленко получал большие партии военной формы, белья, ватных курток и другой одежды якобы для нужд УВР-2. Соответствующие документы оформлялись при помощи фальшивых бланков и печати УВР-2. Однако фиктивная УВР-2 не могла проводить расчеты через банковскую систему. В этом случае использовались счета официально существовавшей артели «Пландорстрой».

Судя по всему, такая схема использовалась неоднократно, возможно не без помощи того же Спиридонова. Так, в одной из калининских артелей по поддельной доверенности от УВР-2 были получены мужское белье, ватные тужурки, обмундирование. В Калининском ателье мод была таким же способом получена тысяча мужских нательных рубаш, а через областную сбытовую контору изделий легкой промышленности – 3 тыс. метров ткани. Эти товары, стоившие более чем 100 тыс. руб. по государственным ценам, были перепроданы на рынках Калинина, Клина, Киева и других городов в несколько раз дороже¹⁵². Даже с учетом больших накладных расходов – взяток, затрат на транспортировку и т. д., организация Павленко получала приличную прибыль.

Помимо ценных промышленных товаров повседневного спроса, артель приобретала (якобы для нужд УВР) и перепродавала и другие ресурсы. В Киев и Николаев было переправлено три вагона сена. Полученных от одной из воинских частей во временное пользование лошадей оформили как купленных «Пландорстроем», присвоив соответствующие суммы.

---

¹⁵¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 170.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 285; АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 82–83; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 52–53.

Лошади, полученные во временное пользование артелью в другой воинской части, были проданы колхозам. Одному из колхозов был продан автомобиль, принадлежавший артели, а взамен в артель была сдана приобретенная по дешевке сломанная машина.

Общий объем выявленных операций такого рода следствие оценивало по-разному. На начальном этапе после ареста руководителей организации Павленко хищения оценивались в 350–360 тыс. руб.¹⁵³ В судебном приговоре говорилось, что за два года хищения в «Пландорстрое» составляли 200 тыс. руб.¹⁵⁴, сами подсудимые признавались в хищении 70–80 тыс. руб.¹⁵⁵, видимо полагая, что остальные деньги принадлежали им по закону. В любом случае речь шла о значительных суммах, которые вряд ли можно было получить столь же быстро за счет строительных работ.

Подобная деятельность артели «Пландорстрой» продолжалась до тех пор, пока в конце 1947 года не была проведена ее ревизия. Вполне возможно, интерес контрольно-прокурорских органов к артели Павленко был частью общей кампании против частных и кооперативов, которая развертывалась в этот период. Недовольное ростом частного предпринимательства, прежде всего под крышей легальных кооперативных предприятий, руководство СССР решило принять жесткие меры и провести масштабную чистку в этой сфере.

Зимой 1947/48 года Министерство государственного контроля СССР осуществило массовую ревизию предприятий потребительской, промысловой кооперации и кооперации инвалидов. Соответствующие материалы представили Сталину. 14 апреля 1948 года было оформлено постановление «О проникновении частного в кооперацию и предприятия местной промышленности»¹⁵⁶. Оно придало новый импульс уже начавшейся в 1947 году кампании подавления частного. В 1947 и 1948 годах вдвое по сравнению с 1946 годом и втрое по сравнению с 1945 годом выросло количество приговоров судов по делам о спекуляции¹⁵⁷. В 1948 году было закрыто более 25 тыс. мелких частных предприятий и «псевдоартелей», около 18 тыс. администраторов кооперативов были осуждены к заключению, а более 5 тыс. уволены¹⁵⁸.

Кампанейский характер чистки кооперации, несомненно, позволял многим частникам и кооператорам ускользнуть из-под удара. Ничего удивительного в этом не было. Так называемое «кампанейское правосудие», одним из проявлений которого была борьба со спекулянтами и «лжеартелями», всегда отличалось выборочным применением репрессий по принципу детской считалки: «кто не спрятался, я не виноват». Жертвы массовых карательных акций сталинского периода попадали в жернова государственной машины выборочно, часто для отчета. Более изворотливые, опытные и предусмотрительные нарушители и преступники знали, как действовать в подобных ситуациях.

К числу последних принадлежали Павленко и его сотрудники. В очередной раз они проявили необходимую изворотливость. Узнав, что материалы ревизии направлены в прокуратуру, команда в декабре 1947 года скрылась из Калинин. Объявленный Калининской прокуратурой в розыск, Павленко чувствовал себя в безопасности. Как отмечалось позже в материалах следствия, «работники прокуратуры Калининской области не проявили должной оперативности в организации розыска преступников по делу артели „Пландорстрой“ и ограничились лишь формальной перепиской по этому вопросу»¹⁵⁹. Действия прокуроров нетрудно понять. Пере-

¹⁵³ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 80; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 29.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 54.

¹⁵⁵ Там же. Л. 28, 91.

¹⁵⁶ См. подробнее: *Говоров И. В.* Из истории одной сталинской кампании (Постановление СМ СССР «О проникновении частного в кооперацию и предприятия местной промышленности» и его последствия) // Клио. 2010. № 3. С. 67–69.

¹⁵⁷ История сталинского Гулага. С. 633, 636.

¹⁵⁸ *Hessler J.* A Postwar Prestroika? P. 539, 540.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 336; АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 83.

груженные работой, в том числе в рамках очередной кампании против частника, они отчитывались в успехах за счет ареста тех, кто не успел сбежать.

Вполне возможно, ликвидация «Пландорстроя» проходила более плавно и организованно, чем это представляло позже следствие. В 1955 году в ходатайстве о помиловании Павленко отрицал, что он и его помощники бежали из Калинина. Сам он якобы был уволен, а другие взяли расчет по собственному желанию. Павленко утверждал, что из «Пландорстроя» он перешел в систему промкооперации Московской области. Оттуда выехал во Львов по направлению с нового места работы. Во Львове несколько дней жил у своего родственника П. Н. Монастырского, а затем – в гостиницах Львова и Золочева, где и был прописан¹⁶⁰. Эти утверждения похожи на правду. Для путешествий по стране, а тем более в западные районы, где шли столкновения с местными партизанами, нужны были командировочные документы. Скорее всего, Павленко ими и обзавелся, используя связи в московской промкооперации.

Вместе с Павленко во Львов сразу же уехали и несколько его сотрудников. Позже на допросе Павленко показал, что в выборе нового места жительства он ориентировался на помощь своего родственника Монастырского, который примкнул к Павленко на фронте. Видимо, наличие во Львове своего человека действительно играло немалую роль.

Однако Западная Украина могла привлекать Павленко и по другим причинам. Здесь в Прикарпатском военном округе служил давний знакомый Павленко по фронту, офицер частей аэродромного строительства Цыплаков. В случае необходимости Павленко мог рассчитывать на его помощь. Наконец, этот сравнительно недавно присоединенный к СССР район находился далеко от центра и был охвачен партизанской войной. Условия здесь не вполне стабилизировались и больше подходили для того, чтобы не только ускользнуть от ареста, но и организовать новое дело. А с поиском новых источников для существования Павленко не мог затягивать.

Судя по данным прокуратуры, Павленко должен был уехать из Калинина с приличной суммой денег. Видимо, так и было. Однако деньги эти, скорее всего, пропали. Дело в том, что в декабре 1947 года, в то время, когда Павленко был поглощен атаками ревизоров на его артель, в стране произошло событие глобального характера, затронувшее всех и каждого, но особенно тех, у кого на руках были сколько-нибудь значительные суммы денег. После отсрочек, вызванных разрухой и голодом, была проведена планировавшаяся уже несколько лет денежная реформа. О ее проведении и условиях советские люди узнали, как и положено в таких случаях, неожиданно и в последний момент. Хотя слухи об обмене денег будоражили страну и вызывали ажиотажные закупки товаров уже некоторое время до этого¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 37.

¹⁶¹ О денежной реформе 1947 года существует значительная литература и публикации документов. См., например: Чудинов И. Денежная реформа 1947 года. М.: Росспэн, 2018.

34
Копия:

ПОДРЯДНЫЙ ДОГОВОР ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ

г. Владимир-Волынский 1950 г. " I " февраля

Совзный Государственный трест Западшахтострой, именуемый в дальнейшем "ЗАКАЗЧИК", в лице Вр.И.о. Управляющего трестом т.КУРМАЗА, Анисима Антоновича, действующего на основании устава треста, и Управления УВС-I, именуемое в дальнейшем "ПОДРЯДЧИК" в лице Начальника Управления Инженер-Подполковника т.ПАВЛЕНКО, Николая Максимовича, действующего на основании приказа № С-15 от 15 февраля 1949 года, заключили между собой настоящий договор, о нижеследующем:

§ 1. "ЗАКАЗЧИК" сдает, а "ПОДРЯДЧИК" принимает на себя производство общестроительных работ, по объектам, указанным в приложенных к настоящему договору титульных списках, согласно техническим проектам, сметам и сметно-финансовым расчетам на эти объекты.

§ 2. "ЗАКАЗЧИК" обязан в календарные сроки, указанные в приложении к настоящему договору, передать "ПОДРЯДЧИКУ" всю техническую документацию по объему работ, подлежащих выполнению в 1950 г.

§ 3. Стоимость всех поручаемых "ПОДРЯДЧИКУ" по настоящему договору работ, определяется в ценах 1949 года в сумме 2.900000 руб. /два миллиона девятьсот тысяч рублей/.

§ 4. Все работы по предусмотренным в договоре объектам производятся "ПОДРЯДЧИКОМ" в полном соответствии с прилагаемым к настоящему договору календарным планом производства работ и указанными в нем начальными, промежуточными и окончательными сроками выполнения их.

§ 5. "ЗАКАЗЧИК" перечисляет в течение 10-ти дневного срока на расчетный счет "ПОДРЯДЧИКА" аванс в сумме 290000 рублей, в том числе 145000 руб. перечисляет 15 апреля 1950 г.

Ил. 5. Договор УВС с трестом «Западшахтострой» на строительство дорог для Поризких угольных шахт от 1 февраля 1950 года (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 34). Это был первый значительный заказ, полученный организацией Павленко (см. главу 2)

В ночь с 14 на 15 декабря страна вступала в жизнь с новыми деньгами, а население лишалось значительной части сбережений. Обмен наличных денег, имевшихся на руках, производился из расчета 10 старых рублей к одному новому. Вклады в сберкассах переоценивались по сложной схеме. До 3 тыс. руб. включительно – один к одному. По вкладам от 3 до 10 тыс. за 3 руб. старых денег давали 2 руб. новых. Вклады свыше 10 тыс. руб. менялись в пропорции два к одному. Хотя реформа больно ударила по всем, в массовых представлениях была очень популярна идея об обмене денег как средстве конфискации добра, несправедливо нажитого спекулянтами и расхитителями. Это было верно только отчасти, поскольку зажиточные советские граждане имели преимущественные возможности превратить деньги в материальные ценности. Вместе с тем какую-то часть своих накоплений советские богачи тоже потеряли.

Павленко и его сотрудники могли потерять много. Трудно представить себе, чтобы они хранили деньги в сберегательной кассе. Находясь под проверкой, они вряд ли рискнули бы превратить большие суммы в товары. Поменяв же старые купюры на новые после объявления реформы, они получили бы только 10 % от накоплений. В общем, Павленко вполне мог приехать во Львов с минимальными средствами. Косвенно об этом свидетельствовали показания на допросе родственника Павленко Ю. Б. Константинова, ставшего позже одним из основных участников новой организации: «В начале 1948 года, примерно в апреле месяце меня вызвал из гор. Львова на междугородние переговоры Павленко и обратился ко мне с просьбой, чтобы я ему помог материально, так как он в это время находился во Львове и не имел совершенно денег. Я ему из города Хуст послал 500 рублей. Тогда он проживал во Львовской гостинице „Европа“»¹⁶².

Однако вскоре ситуация изменилась. Павленко от имени фиктивной военно-строительной организации заключил с трестом «Львовуголь» первый договор на строительство дорог на несколько сот тысяч рублей с выплатой 10-процентного аванса. В кармане появились деньги. Когда несколько месяцев спустя Константинов с семьей проезжал через Львов по пути в отпуск, на вокзале его встречал Павленко и передал 200 руб. на подарок своему ребенку. Вместе с Павленко пришел на вокзал Туркин. «Оба они, – по свидетельству Константинова, – были одеты в военную форму инженерных войск»¹⁶³. В жизни Павленко начиналась новая глава, наступал его звездный час.

---

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 111.

¹⁶³ Там же.

Глава 2

СОЗДАНИЕ КОРПОРАЦИИ

Долгие годы в мирное и военное время Павленко был занят в легальных и нелегальных организациях, которые выполняли строительные работы на основании подрядных отношений с заказчиками – гражданскими и военными государственными учреждениями. Неудивительно, что, оказавшись в сложном положении после бегства из Калинина, Павленко не нашел ничего лучшего, как воспользоваться своим богатым опытом и создать нелегальную строительную артель под новой вывеской, а затем найти новых заказчиков, как можно более надежных и богатых.

Несколько обстоятельств способствовали успеху этого предприятия. Сам Павленко знал, что и как нужно делать для легализации теневой артели. Он и его сотрудники были энергичны и хорошо знакомы с организацией строительных работ. Что касается потенциальных заказчиков, то их было достаточно. В стране наблюдался дефицит строительных мощностей. Многие предприятия и организации, даже получив централизованные ресурсы, не всегда могли их освоить из-за недостатка строителей.

Начав с малого, Павленко шаг за шагом продвигался к более амбициозным целям. Заказы, которые он получал, становились все более значительными. Организация разрасталась и вела работы на нескольких строительных площадках одновременно в разных районах страны.

Конечно, это поступательное развитие не было легким. Оно требовало огромных усилий и постоянного внимания Павленко и его сотрудников. Они обзаводились нужными связями, налаживали отношения с многочисленными чиновниками в экономических ведомствах, в местных органах власти и в правоохранительных структурах. Алгоритм ведения дел организации многократно повторялся и превратился в рутину, что обеспечивало ее сравнительно устойчивое положение в течение четырех с половиной лет – с весны 1948-го до поздней осени 1952 года.

Организация строительства в плановой экономике

Строительство было одной из самых значительных отраслей советской экономики. Довоенная форсированная индустриализация предъявляла повышенный спрос на строителей, возводивших многочисленные предприятия, многие из которых отличались огромными масштабами и сложностью. Массовая эвакуация промышленности в годы войны потребовала дополнительных усилий от строителей. Нужно было в экстремальных условиях восстанавливать работу эвакуированных предприятий в восточных регионах. При этом строились многочисленные новые объекты.

После завершения войны задача восстановления разрушенной страны и ее дальнейшего развития легла в значительной степени на строителей. Объем общих капитальных вложений в строительно-монтажные работы за 1946–1952 годы вырос с 33 до 73 млрд руб., т. е. более чем в два раза¹⁶⁴. При этом численность рабочих и служащих в строительной отрасли увеличилась с 2,3 млн человек в 1945 году до 4,1 млн в 1950 году и 4,9 млн в 1954 году¹⁶⁵.

Однако эти показатели не охватывали всех работников, занятых на строительных объектах. Например, крупнейшим строительным ведомством в послевоенном СССР было Министерство внутренних дел, располагавшееся значительными ресурсами принудительного труда заключенных. В 1952 году силами МВД выполнялось более 10 % общего объема строительно-монтажных работ в стране¹⁶⁶. На стройках была занята значительная часть из более чем 2,6 млн заключенных, содержавшихся на 1 января 1953 года в лагерях, колониях и тюрьмах¹⁶⁷. Силами заключенных начиная с 1950 года возводились многочисленные гидротехнические сооружения, названные официальной пропагандой «сталинскими стройками коммунизма»: Волго-Донской, Волго-Балтийский и Туркменский каналы, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции и т. д. Особое место в экономике МВД занимали военно-промышленные объекты, прежде всего стройки атомной промышленности¹⁶⁸.

Приоритетная нацеленность строительной отрасли на крупные объекты, прежде всего в тяжелой и военной промышленности, была характерной чертой советской и особенно сталинской экономической системы. Постоянное расширение фронта строительных работ и наращивание капитальных вложений вели к перегреву экономики. Для освоения денег, выделенных на новые объекты, не хватало рабочей силы и материальных ресурсов. В результате росли объемы незавершенного строительства. На 1 января 1952 года его стоимость достигла 99,2 млрд руб., что составляло около 83 % от общего объема капитальных вложений 1951 года.

Прирост незавершенных работ за 1951 год (14 млрд руб.) был выше прироста общих капитальных вложений за это же время (11,5 млрд руб.). Аналогичная ситуация повторилась в 1952 году. На 1 января 1953 года объем незавершенного строительства увеличился до 112,9 млрд руб.¹⁶⁹ Нередко предприятия получали от государства денежные ресурсы, но не могли их использовать, потому что не имели соответствующих строительных мощностей. Это вызывало недоиспользование и фактическую потерю средств, выделенных из бюджета. На следующий год финансирование не переводилось, более того, оно могло быть сокращено. Это

---

¹⁶⁴ Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1956. С. 158.

¹⁶⁵ Там же. С. 168; СССР в цифрах: Статистический сборник. М.: Государственное статистическое издательство, 1958. С. 277.

¹⁶⁶ История сталинского Гулага. Т. 3. С. 41.

¹⁶⁷ ГУЛАГ. 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. С. 435, 447.

¹⁶⁸ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ – НКВД – МВД. 1930–1952. Масштабы, структура, тенденции развития // Гулаг. Экономика принудительного труда / Ред. Л. И. Бородин и др. М.: Росспэн, 2008. С. 67–89.

¹⁶⁹ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Росспэн, 2011. С. 170–171.

означало, что многие предприятия не получали новые мощности и сталкивались с угрозой невыполнения своих производственных планов.

Особенно большие трудности испытывали отрасли группы «Б» (легкая, пищевая промышленность), сельское хозяйство, социальная сфера, которые обеспечивались строительными ресурсами по остаточному принципу, вслед за приоритетными для государства отраслями тяжелой и военной промышленности. Характерной была ситуация в пищевой промышленности Молдавии, когда туда прибыла организация Павленко в поисках заказов. Министерству пищевой промышленности этой республики в 1952 году было отпущено на строительство 80 млн руб., а освоило оно 57 млн¹⁷⁰. Помимо плановых работ периодически возникала потребность в экстренном строительстве, которое было невозможно заранее предусмотреть и обеспечить ресурсами. Один из таких случаев применительно к пищевой промышленности Молдавии содержится в мемуарах Л. И. Брежнева, возглавлявшего эту республику в начале 1950-х годов, когда там появился Павленко:

Расскажу, для примера, как мы с Кириллом Ивановичем Цурканом, тогдашним министром пищевой промышленности, спасали урожай винограда. В тот год виноград уродился на славу. Приходит ко мне Цуркан:

– Что делать, Леонид Ильич? Аврал! Тары, наличных емкостей по всей Молдавии вдвое меньше, чем нужно под такой урожай, – сусло некуда сливать.

По правде говоря, ночь не спал, все прикидывал, что предпринять. Не нашли другого выхода, как отправить нашего министра в Москву – просить цистерны. Штук двести нам тогда выделили. Но их еще надо было привезти, а время не ждет... В конце концов комиссия предложила такой план действий. В засушливых районах Молдавии крестьяне имеют во дворе цементированный колодец для сбора дождевой воды. Подумали: если эти колодцы нужным образом обработать – сгодятся. На будущее надо, конечно, закладывать большие новые емкости, а пока и эти могут выручить. Уполномоченные нашего пищевого треста тотчас разъехались по районам – искать колодцы, заключать с колхозниками договоры на хранение государственного виноматериала¹⁷¹.

В общем, не приходится удивляться, что молдавские руководители охотно откликнулись на возможность заключить с Павленко договоры подряда на строительные работы, для ведения которых в республике не хватало собственных сил.

Поиски подрядчиков, которые могли выполнить запланированные, но не обеспеченные соответствующими строительными мощностями государственные планы, являлись распространенным способом преодоления трудностей. Более того, перевод строительной отрасли с хозяйственного способа ведения работ на подрядный с середины 1930-х годов рассматривался как магистральный путь создания современной строительной отрасли, повышения качества и производительности труда в этой сфере экономики.

Разница между этими двумя методами ведения строительства заключалась в следующем. При хозяйственном способе работы выполнялись собственными силами застройщика. Иначе говоря, ведомство само строило предприятия, которые затем использовало. Это означало, что каждый раз создавалась строительная организация для решения каждой конкретной задачи. Результаты такого хозяйственного способа были оценены в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» от 11 февраля 1936 года:

---

¹⁷⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 167. F. 105.

¹⁷¹ Брежнев Л. И. Воспоминания. М.: Издательство политической литературы, 1982.

...В организации строительного дела преобладают полукустарные методы, при которых каждая стройка заново обзаводится механизмами и подсобными предприятиями, заново вербует и обучает кадры строителей, а по окончании строительства созданная материально-техническая база и строительные кадры в большинстве случаев распыляются, вместо того, чтобы стать основой развития строительной индустрии, опирающейся на передовую технику и постоянные строительные кадры¹⁷².

Для преодоления этих системных пороков и был выдвинут лозунг перехода на подрядные отношения:

Основой упорядочения строительного дела и удешевления строительства является переход от кустарщины и партизанщины в строительном деле на путь крупной строительной индустрии. Для этого необходимо перейти к выполнению строительных работ подрядным способом, то есть постоянно действующими подрядными строительными организациями, обладающими собственной материально-технической базой (механизмами, транспортом, оборотными средствами, жилым фондом и т. д.) и постоянными кадрами строителей и опирающимися в своей работе на крупное промышленное производство строительных деталей, полуфабрикатов и конструкций¹⁷³.

Вместо строительных подразделений на предприятиях создавались строительные тресты. В результате реализации этого курса удельный вес строительно-монтажных работ, выполненных подрядными организациями, вырос с 25 % в 1933 году до 81 % в 1952 году¹⁷⁴. Этот рост был поступательным и неуклонным.

Конечно, в целом подрядные строительные организации оставались государственными и действовали в рамках государственного плана. Первоначально они создавались в составе промышленных наркоматов. В 1939 году на волне разукрупнения наркоматов был создан специальный Наркомат по строительству СССР, в который передавались все подрядные организации. Строительство шахт и предприятий нефтяной и энергетической промышленности производилось хозяйственным способом соответствующими промышленными наркоматами при помощи их собственных строительных организаций.

В январе 1946 года на базе Наркомстроя и других структур были образованы три строительных наркомата (с марта 1946 года наркоматы были переименованы в министерства): по строительству военных и промышленных предприятий, по строительству предприятий тяжелой промышленности и по строительству топливных предприятий. В конце 1948 года последнее из перечисленных министерств было ликвидировано и вошло в состав нового Министерства угольной промышленности СССР¹⁷⁵.

Именно со структурами Министерства угольной промышленности, которое самостоятельно занималось строительством своих объектов, заключала самые значительные договоры организация Павленко.

Таким образом, большинство подрядных строительных организаций входили в состав министерств и действовали в соответствии с утвержденными государственными планами. Это означало, что они были прикреплены к определенным заказчикам, а заказчики к ним. Вместе с тем подрядный способ потенциально расширял возможности для развития ограниченного

---

¹⁷² Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. 12 февраля; СЗ СССР. 1936. № 9. Ст. 70.

¹⁷³ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. 12 февраля; СЗ СССР. 1936. № 9. Ст. 70.

¹⁷⁴ Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. С. 161.

¹⁷⁵ Совет народных комиссаров, Совет министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923–1991. Энциклопедический справочник / Сост. С. Д. Гарнюк. М.: Мосархив, 1999. С. 73, 91.

квазирынка строительных работ. Пока имеющиеся исследования не позволяют понять, в какой мере строители могли действовать самостоятельно, в частности, искать оптимальные для себя контракты. Однако, как будет показано далее, такая практика существовала. На ее основе была построена вся деятельность организации Павленко, но не только.

Документы свидетельствуют о распространении свободных подрядных отношений, например в подразделениях Министерства вооруженных сил, от имени которого якобы действовал Павленко. Военные строительные части использовались не только на собственных объектах, но и в гражданских организациях. Причем нередко не вполне законно, на основании личных договоренностей предприятий с отдельными командирами. В одном из приказов министра вооруженных сил говорилось:

Материальные ценности и наличные деньги, которые командование воинских частей незаконно получало за выполненные солдатами и сержантами работы, в подавляющем большинстве случаев не учитывались и расходовались бесконтрольно, денежные средства в доход союзного бюджета не сдавались... Практика «отходного промысла»... подрывает государственную и финансовую дисциплину и создает благоприятные условия для разбазаривания и даже хищения государственных средств и материалов¹⁷⁶.

Если бы организация Павленко действительно входила в число реальных воинских частей, это вполне могло быть сказано и о ней.

Скорее всего, хотя этот вопрос требует дальнейшего изучения, больше свободы для маневров было у строительных кооперативных артелей, в которых долго работал Павленко и по образцу которых он создавал свои организации во время и после войны. Несмотря на огосударствление кооперации и пристегивание ее к выполнению централизованных планов, артели сохраняли некоторые возможности для экономической самостоятельности, в частности в выборе клиентов. Многие из них участвовали и в различных схемах теневой экономики. Наличие такого контекста позволяло Павленко создать свою организацию, вполне успешно действовавшую с начала 1948 по конец 1952 года.

---

¹⁷⁶ Приказ «О незаконном использовании солдат и сержантов на хозяйственных и строительных работах в гражданских организациях» от 24 февраля 1950 года (Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР и Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. / Сост. П. Н. Бобылев и др. М.: Терра, 2011. С. 49–50).

Старые схемы в новых условиях: первые заказы

Приехав во Львов, Павленко повторил схему, успешно сработавшую в 1942 году, когда он получил подряд на строительство военных госпиталей. Он вновь использовал печать и штамп участка «Управления военно-строительных работ № 2» и сфабриковал удостоверение на свое имя как начальника этого участка. С фальшивым удостоверением Павленко начал искать государственные хозяйственные организации, которые бы согласились выдать ему подряд на проведение строительных работ.

Задача осложнялась тем, что у Павленко не было ни денег, ни техники, ни материалов. Он мог предложить своим заказчикам только рабочую силу, которую рассчитывал набрать после заключения договора. На такие условия соглашались далеко не все организации. Как рассказал Павленко на допросе, свой выбор он остановил на предприятиях угольной промышленности, поскольку в других организациях «не имелось своей техники, в частности автотранспорта и механизмов для производства строительства»¹⁷⁷.

В конце февраля 1948 года Павленко удалось заключить договор на строительство дорог с трестом «Львовместуголь». Контракт был значительным – 1,5 млн руб., однако он не состоялся, поскольку тресту не открыли финансирование. Несмотря на неудачу, Павленко продолжал поиски в том же направлении и вел переговоры с начальником отдела капитального строительства (ОКС) треста «Львовуголь». Павленко предложил предоставить подряд на дорожно-строительные работы, пообещав выделить специалистов и рабочих-дорожников. Начальник ОКС, несомненно испытывавший дефицит строителей, согласился. Как объяснил Павленко на следствии, «ко времени когда я обратился к начальнику ОКС у меня ни специалистов, ни рабочих еще не было, но я легко мог их набрать при согласии треста заключить со мной договор»¹⁷⁸.

В марте 1948 года соглашение было достигнуто. Павленко заключил договор с Золочевским шахтоуправлением на производство дорожно-строительных работ на 350–400 тыс. руб.¹⁷⁹ Договор от имени шахтоуправления подписал его начальник, а санкционировал управляющий трестом «Львовуголь» Л. Плятченко. Павленко от имени своей организации, названной Управлением военного строительства (УВС), обязался построить булыжную автодорогу к группе шахт, а Золочевское шахтоуправление финансировало работы, выдав 10-процентный аванс, и предоставляло дефицитные транспорт, строительную технику и горюче-смазочные материалы, спецодежду и постельные принадлежности¹⁸⁰. В Золочевском отделении Госбанка, опять же с помощью поддельных документов, был открыт счет для организации. На него поступали, а затем снимались деньги заказчика.

Заключив договор, Павленко вызвал к себе сотрудников, с которыми работал во время войны и в Калинин. С их помощью была создана организация и наняты, по словам Павленко, 60–70 рабочих¹⁸¹. Постоянно преувеличивавший цифры Константинов говорил на допросах о 150 рабочих¹⁸². Вся команда перебралась в Золочевский район, где был организован «штаб» УВС. В июне – сентябре 1948 года с тем же шахтоуправлением были подписаны еще четыре договора более чем на миллион рублей¹⁸³.

---

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 158.

¹⁷⁸ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 17.

¹⁷⁹ В дальнейшем в материалах суда говорилось о контракте «на общую сумму 600 тыс. руб.». Скорее всего, она включала какие-то дополнительные работы (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 54).

¹⁸⁰ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 17, 24–26; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 113, 157, 200.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 157–158.

¹⁸² Там же. Л. 117.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 61 об.

Как несколько лет спустя выяснило следствие, важным условием деятельности Павленко с самого начала были взятки и услуги, которые он оказывал различным чиновникам. Взятку, по утверждению арестованных, на начальном этапе создания организации получили управляющий трестом «Львовуголь», управляющие Золочевским отделением Госбанка и межобластной Львовской конторой Промбанка¹⁸⁴. Взрывчатка, которой пользовались для карьерных работ, была получена за вознаграждение у знакомых Павленко в воинской части¹⁸⁵. Для начальника Золочевского шахтоуправления Павленко устраивал застолья¹⁸⁶. Через председателя Золочевского райсовета была проведена мобилизация трудоспособного населения и гужевого транспорта двух сельских советов в порядке трудгужповинности¹⁸⁷.

Привлеченные к повинности крестьяне фактически бесплатно работали на объекте Павленко. Вместе с тем очевидно, что организация Павленко справлялась со своими обязательствами. Иначе руководители угольной промышленности не рискнули бы вступить с ней в договорные отношения даже за взятки. Действительно, осенью 1948 года строительство дорог для Золочевского шахтоуправления было успешно завершено.

Одновременно началось расширение фронта работ за счет новых заказов. В 1948 году был заключен первый договор с Кременецким шахтоуправлением; затем с июня 1948 по ноябрь 1949 года последовало еще пять договоров. По стоимости в общей сложности они были чуть меньше, чем договоры в Золочевском районе. Вместе с репутацией добросовестного подрядчика УВС получило от того же треста «Львовуголь» новый заказ – два договора на строительство автодороги и мостов к Коломыйским шахтам¹⁸⁸. Как всегда, дело не обходилось без поддержания особых отношений с местными руководителями. После подписания договора было организовано застолье Павленко с управляющим трестом «Львовуголь» и его заместителем, начальником Коломыйского шахтоуправления, секретарем местного райкома партии и другими чиновниками¹⁸⁹. Продолжались выплаты «поощрений» руководителям треста «Львовуголь».

Однако пока это были сравнительно небольшие контракты, порядка миллиона рублей. Павленко искал дополнительные доходы и обратился к предприятиям нефтяной промышленности. С начала 1949 года он заключил договор с трестом «Бориславнефть» на постройку шоссе-сех дорог и мостов. Силы с участка Коломыйских шахт были перебазированы в Борислав, известный центр нефтяной промышленности Украины. Здесь опять использовалась техника, предоставленная заказчиком, однако прибавившая в весе организация Павленко сумела удержать за собой часть автотранспорта и некоторую строительную технику, полученную от шахтоуправлений по прежним договорам¹⁹⁰. Между делом в 1949 году были выполнены сравнительно небольшие работы для Бориславского горкомхоза и Николаевского цементного завода в Дрогобычской области. В обоих случаях также строились автодороги¹⁹¹.

В общем, начало было положено. Выполнив работы по договорам с трестом «Львовуголь», Павленко вошел в число надежных клиентов отрасли. Позже, при обыске у Павленко обнаружили удостоверение на значок «Отличник Министерства угольной промышленности СССР», в котором указывалось, что он награждался приказом министра от 9 мая 1949 года¹⁹².

---

¹⁸⁴ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 112–113, 143.

¹⁸⁵ Там же. Л. 114.

¹⁸⁶ Там же. Л. 116.

¹⁸⁷ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 60.

¹⁸⁸ Там же. Л. 62.

¹⁸⁹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 117.

¹⁹⁰ Там же. Л. 201.

¹⁹¹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 62 об.

¹⁹² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 26.

На начальном этапе работы новоявленной строительной организации сложились основные методы ее деятельности и были достигнуты первые успехи. УВС было готово к получению более крупного заказа. Однако за него еще нужно было побороться.

Расширение фронта работ

Первым крупным заказом стало строительство автодороги к Порицким угольным шахтам. Внешние обстоятельства заключения соглашения по этому объекту описал в своих показаниях Ю. Б. Константинов¹⁹³.

В начале июня 1949 года для Павленко пригнали первую легковую машину «Победа». Ее купили в автомагазине в Киеве. Такой автомобиль был редкостью и символом успеха. Его начали выпускать на Горьковском автозаводе в середине 1946 года. После проведения денежной реформы, с сентября 1948 года правительство решило организовать розничную продажу легковых автомобилей «Москвич» и «Победа» населению за наличный расчет. Павленко воспользовался этим разрешением.

Автомобили, и первый и последующие, покупали на имя кого-либо из руководителей организации, а затем переводили на баланс УВС. Приобретение такой машины было непростой задачей. Так, во втором полугодии 1948 года «Побед» планировалось продать всего 900 штук по всей стране. В магазинах желающих совершить покупку включали в списки-очереди, по выражению одного из современников, «сказочно длинные, как борода Черномора». Успешное приобретение автомобиля для Павленко, скорее всего, не обошлось без взятки, что было обычно для советского автомобильного рынка в целом¹⁹⁴.

На новой престижной «Победе» Павленко уехал во Львов и через несколько дней по телефону дал Константинову поручение готовить «обед и встречу генерала». «Угольным генералом» между собой руководители УВС называли начальника украинского шахтостроительного главка Л. Д. Вергасова, так как у него на форменных брюках были голубые лампасы¹⁹⁵. Вскоре в «штаб» организации на двух легковых машинах приехали начальник треста «Львовуголь» А. А. Датуашвили, Л. Д. Вергасов и министр местной топливной промышленности Украины. Для пущей важности, демонстрирующей возможности Павленко, или из реальных соображений безопасности они прибыли в сопровождении грузовика с охраной из вооруженного отряда УВС.

Два дня продолжалось застолье, потом поехали осматривать выполненные заказы. Возвратившись через несколько дней, Павленко сообщил, что предстоят большие работы, так как УВС предложили договор на строительство шоссейных дорог к Порицким шахтам во Владимир-Волынском районе. Это был действительно крупный куш.

Однако вскоре желаемый заказ чуть было не уплыл из рук. Дело в том, что первоначально Порицкие шахты подчинялись тресту «Львовуголь», с начальником которого Датуашвили Павленко установил особые отношения. Однако договор на строительство дорог с этим трестом заключить не успели – не была готова техническая документация. Работы Павленко начал разворачивать без договора на основании письма Датуашвили. Такой шаг, несомненно, предполагал достаточно высокий уровень доверия между Павленко и руководством треста, однако был чреват определенными рисками. Действительно, в конце 1949 года был организован трест «Западшахтострой» с местом пребывания в городе Владимире-Волынском, к которому перешло строительство Порицких шахт¹⁹⁶.

Павленко столкнулся с угрозой потери так и не подписанного контракта. Как свидетельствовал позже Константинов, руководство «Западшахтостроя» выражало сомнения, что УВС

---

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 122.

¹⁹⁴ Твердюкова Е. Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930-е – 1960-е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 169–172.

¹⁹⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 62.

¹⁹⁶ Ibid. F. 18.

справится с таким объемным заказом. Павленко пришлось задействовать все свои связи в Министерстве угольной промышленности в Москве и на местном уровне¹⁹⁷. Совместными усилиями сопротивление недоброжелателей было сломлено. 1 февраля 1950 года Павленко подписал желаемый договор. Он предусматривал выполнение строительных работ на 2,9 млн руб. В июне этого года было заключено дополнительное соглашение сразу на 6 млн руб.¹⁹⁸

Это был самый крупный из заказов, которые когда-либо получил Павленко. Условия договора были вполне стандартными. Подрядчик обеспечивал выполнение работ своей рабочей силой и некоторыми материалами (камень, песок, щебень). Заказчик передавал аванс, проектно-сметную документацию, машины и механизмы, горючее и некоторые стройматериалы, сборные дома для рабочих¹⁹⁹.

Строительство велось с размахом. На площадку, по свидетельству Константинова, было собрано 350 рабочих, правда, Павленко говорил о 150–200 рабочих. Организация Павленко уже имела в своем распоряжении 50 автомашин, экскаватор, два бульдозера, четыре скрепера, два трактора, грейдер, канавокопатель и т. д. Технику получали от заказчика, а частью купили или украли. Брошенный кем-то в нерабочем состоянии канавокопатель нашли и отремонтировали²⁰⁰.

Одновременно началось строительство железнодорожной ветки к строящемуся Здолбунскому цементному заводу в Ровенской области. Недалеко от цементного завода были организованы мастерские по ремонту автомашин, находящихся в распоряжении УВС. Цементный завод стал долгосрочным заказчиком организации Павленко. Работы, хотя и не очень большие, велись для него еще в 1950–1951 годах²⁰¹.

Шоссейная дорога для треста «Западшахтострой» была завершена осенью 1950 года. После этого силы организации перебазировали в город Йыхви в Эстонию, на строительство автодороги для треста «Эстонсланцестрой». Этот значительный заказ на 5,3 млн руб. был получен через Москву по рекомендации начальника соответствующего управления в Министерстве угольной промышленности А. Т. Картозии, после успешного выполнения договора с трестом «Западшахтострой». Оба треста находились в подчинении Картозии.

Стройплощадку в Эстонии возглавил один из ближайших сотрудников и родственник Павленко Константинов. В Эстонию выехали около 50 человек. Туда перебросили три грузовые автомашины, экскаватор, три скрепера, бульдозер, трактор, шесть лошадей с грабарками. В условиях всеобщего дефицита с собой нужно было взять немало продовольствия: несколько вагонов солений, картофеля, мяса²⁰².

Не прекращалось и сотрудничество с трестом «Львовуголь», самым старым партнером Павленко. В Закарпатской области в сентябре 1950 года, а затем в январе 1951 года были подписаны соглашения на строительство железнодорожной ветки от станции Мукачево до Березинской шахты № 2 с Мукачевским шахтоуправлением этого треста. Общая стоимость работ составляла 1,7 млн руб.²⁰³ На строительстве ветки использовались силы и средства, которые оставались в 1950 году в Ровенской области. Однако работу не закончили ввиду консервации строительства шахт. Это компенсировалось другими объектами, в частности строительством дорог для треста «Дорогобужуголь», которое велось с конца 1950 года. Этот контракт оценивался в 3,2 млн руб.²⁰⁴

---

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 124.

¹⁹⁸ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 62 об.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 63–65.

²⁰⁰ Там же. Л. 124, 159.

²⁰¹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 62 об. – 63.

²⁰² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 130; Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 63.

²⁰³ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 68–69; Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 63 об.

²⁰⁴ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 63.

Из Закарпатской области Павленко перебазировал рабочую силу и технику, полученную из треста «Львовуголь», в Звенигородский район Киевской области. Здесь строились автодороги для треста «Юрковразрезстрой». Договор был заключен в середине 1951 года на 2 млн руб.²⁰⁵ С осени 1951 года в Станиславской области строилась также дорога по договору с Долинской конторой бурения. По окончании этих работ в городе Снятине Станиславской области были открыты мастерские по ремонту автомашин.

Работы в Киевской области и Эстонии закончились одновременно в декабре 1951 года. Однако Павленко не остался без новых заказов. Часть организации переехала в Калужскую область для производства работ для треста «Калугашахтострой», который возглавлял теперь Датуашвили. Выполнялись также заказы в белорусском Могилеве. Здесь при помощи управляющего Белорусской республиканской конторой Промбанка были заключены пять договоров на сумму около 4 млн руб.²⁰⁶ По ним предусматривалось, в частности, строительство мощеных и железных дорог для Министерства строительства предприятий тяжелого машиностроения СССР стоимостью 1,3 млн руб. (правда, эта стройка была заморожена²⁰⁷) и железнодорожной ветки к мясокомбинату²⁰⁸. В Могилев было переброшено около 100 человек, включая около 20 «охранников»²⁰⁹.

После завершения заказа в Калужской области работавшее там подразделение организации Павленко перевели в город Сахновщину Харьковской области для строительства железнодорожной ветки для пункта «Заготзерно». Выполнялись также работы в Харькове²¹⁰.

С конца 1951 года внимание Павленко привлекли возможности заключения договоров в Молдавии. Осенью 1951 года в республику был отправлен один из сотрудников Павленко с целью найти место для авторемонтных мастерских. Помещений для мастерских он не нашел, но сообщил, что можно получить заказ на строительство подъездной автодороги к виноградно-винодельческому совхозу «Гратиешты» возле Кишинева. Совхоз был готов предоставить камень и жилье для строителей. У Павленко в это время простаивала часть рабочих на других объектах, и он заинтересовался предложением.

В октябре Павленко выехал в Молдавию. 21 ноября 1951 года был заключен договор с директором совхоза. Объект был не очень дорогим, всего 200 тыс. руб.²¹¹ Дорогу закончили за несколько месяцев, в начале 1952 года.²¹² В связи с этим Павленко был представлен замминистра пищевой промышленности Молдавии М. А. Азарьеву.

В установлении контактов с чиновниками Павленко имел богатый опыт и вскоре получил от Азарьева письмо в адрес директора винно-коньячного завода в Бельцах, в котором предлагалось заключить договор на строительство для завода железнодорожной ветки. Работы были начаты, но не завершены, поскольку заказчик не смог предоставить шпалы и рельсы. Весной 1952 года были получены заказы на мощение хозяйственных дворов для совхоза «Гратиешты» и строительство железнодорожной ветки и автодороги для вино-коньячного завода в Тирасполе²¹³, а в августе – дороги для совхоза «Гратиешты»²¹⁴. Всего в Молдавии организация Павленко заключила 11 договоров на 2,5 млн руб.²¹⁵

---

²⁰⁵ Там же. Л. 63 об.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 19.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 83–85.

²⁰⁹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 64.

²¹⁰ Там же. Л. 84 об.

²¹¹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 72–73.

²¹² AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 44.

²¹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 79–81; AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 45–46, 97–98.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 86–87.

²¹⁵ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 64.

В сентябре 1952 года, за два месяца до раскрытия и ликвидации УВС, работы в Могилеве и Сахновщине были завершены. Организация Павленко сосредоточилась на объектах Молдавии, Украины и Тульской области. В городе Первомайске в Одесской области производилась заготовка булыжного камня, а также были заключены договоры с Первомайским горкомхозом и директором Первомайского центрального колхозного рынка. В Тирасполе продолжались работы для винно-коньячного завода и строительство железнодорожной ветки для стеклотарного завода. В городе Калараше был принят договор на строительство внутризаводских площадок на новом консервном заводе. Такую же работу выполняли в селе Страшены и в Кишиневе на строящихся винных заводах.

До последнего момента действовала площадка в Днепропетровске в Украине. Там строились железнодорожные ветки и автоподъезды для завода № 12 угольной промышленности. В Запорожье создавали карьер для добычи камня и мастерские по ремонту автомашин. В Тульской области были заключены небольшие контракты при помощи Датуашвили²¹⁶. В приговоре суда говорилось, что в августе 1952 года, совсем незадолго до провала организации, велись переговоры в Запорожье и Харькове о заключении новых контрактов²¹⁷. Константинов утверждал, что в конце октября – начале ноября 1952 года уже была достигнута договоренность с трестом «Запорожстрой» на строительство шоссеиной дороги. На этом объекте предполагалось организовать штаб всего УВС²¹⁸. В общем, организация явно не собиралась останавливаться на достигнутом.

---

²¹⁶ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 18–20, 46–47; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 64 об. – 65.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 83 об.

²¹⁸ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 184.

Глава 3

«ОТЛИЧНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ»

После ареста у Павленко было обнаружено удостоверение «отличника социалистического соревнования», выданное ему Министерством угольной промышленности СССР. Судя по всему, это особенно возмутило советских бюстителей политической чистоты. Покушение на высокое звание со стороны Павленко воспринималось советскими функционерами как цинизм и антисоветская диверсия. Неосторожность министра угольной промышленности, факсимиле подписи которого красовалось в наградных корочках, оценивалось как отсутствие бдительности. Однако было ли такое негодование обоснованным? Как работала организация Павленко, если абстрагироваться от ее самозванной сути? Что означала формула судебного приговора о «нанесении экономического ущерба государству»?

Следствие и суд после провала организации дали по этому поводу понятные и запрограммированные ответы, не вдаваясь в неудобные тонкости. Доходы организации автоматически считались похищенными у государства. Вопросы эффективности предприятия Павленко и выполнения/невыполнения им подписанных контрактов никого не интересовали. Сама идея экономической целесообразности частной инициативы в строительных подрядах не возникла, да и не могла возникнуть. Сравнительная экспертиза работы УВС и других аналогичных легальных организаций была невозможна. Между тем для изучения проблем советской экономики в единстве ее видимой государственной части и теневых структур такие вопросы имеют, конечно, огромное значение, даже если пока они не могут быть исследованы в должной мере.

Итоги павленковской пятилетки

Очевидно, что экономическую деятельность корпорации Павленко необходимо рассматривать в контексте экономического развития страны и, в частности, строительной отрасли. Как уже говорилось, в послевоенные годы, на которые пришлась деятельность УВС, восстановление и развитие экономики сопровождалось нарастанием кризисных явлений²¹⁹. Значительные диспропорции, вызванные непомерным ростом капитальных вложений, вели к увеличению масштабов незавершенного строительства. Сама строительная отрасль, несмотря на рост механизации, также находилась не в лучшем состоянии. Своеобразным символом ее проблем были кризисные тенденции на строительных площадках МВД. Охватывая более десятой части общих объемов капитального строительства, лагерная экономика работала плохо. Она сталкивалась с многочисленными проблемами, которые можно было разрешить, лишь демонтировав саму систему принудительного труда, что и началось сразу же после смерти Сталина²²⁰.

Послевоенные трудности в строительстве были продолжением негативных тенденций развития отрасли в течение длительного периода, что фиксировалось во многих документах. В уже упоминаемом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства», принятом в феврале 1936 года, говорилось о высокой стоимости строительства, низкой производительности труда, плохом использовании имеющихся машин и механизмов, отставании производства, дороговизне строительных материалов и т. д.²²¹ Усилия, предпринимаемые для улучшения положения, судя по многим документам, не приносили ожидаемого результата. В целом строили не очень хорошо, недостаточно и некачественно. Вот один из частных примеров, интересный тем, что он прямо корреспондировал профилю будущей организации Павленко и отражал многие общие тенденции.

В 1940 году в поле зрения прокуратуры попало строительство автомагистрали Кисловодск – Минеральные Воды на юге РСФСР. Работы по договору с управлением уполномоченного СНК по Минераловодской группе курортов (влиятельной государственной структурой, занимавшейся в числе прочего организацией лечения и отдыха советской номенклатуры) вела государственная подрядная организация трест «Комдортрансстрой». Несмотря на важность задания, трест работал из рук вон плохо. Как показала проверка, в результате бесхозяйственности, нарушения технических условий и расхищения стройматериалов дорога была сдана в строй с опозданием и длинным перечнем дефектов. Покрытие проезжей части и тротуаров на больших площадях было произведено некачественным асфальтом и требовало переделки. Во многих местах использовался некондиционный камень и щебень, поэтому сразу после сдачи в дорожном полотне образовались выбоины. При подведении общего баланса в наличии не оказалось значительного количества неизрасходованных дефицитных материалов, выделенных заказчиком: цемента, нефтебитума, бензина. Зато начальник треста активно строил из государственных материалов собственный дом²²².

Десять лет спустя, 15 августа 1950 года, в газете «Известия» сообщалось о плохом строительстве дорог во многих областях страны. Принимаемые решения не выполнялись. «...Шоссейная дорога от Ярославля к Вологде строится пять лет, а конца строительству так и не видно... На шоссе и грунтовых дорогах Тамбовской, Рязанской, Кокчетавской и Павлоградской областей – многочисленные ухабы и рытвины, полуразрушенные мосты, а в результате – частые поломки машин и большой пережог горючего», – сообщала газета.

---

²¹⁹ См. главу 2.

²²⁰ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ – НКВД – МВД. С. 74–76.

²²¹ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. 12 февраля; СЗ СССР. 1936. № 9. Ст. 70.

²²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 142. Л. 14–15.

Общую характеристику состояния строительной отрасли в послевоенный период можно найти в различных документах Совета министров СССР, например в постановлении от 9 мая 1950 года «О снижении стоимости строительства». В нем говорилось о «чрезмерно высокой стоимости строительства», об отсутствии проектов и смет, что вело к непроизводительным затратам, о росте размеров незавершенного строительства, о низком уровне механизации и плохом использовании имеющегося оборудования, о простоях, о дефиците промышленных материалов, которые, с одной стороны, выпускались в недостаточном количестве, а с другой – «бесхозяйственно расходовались» и т. д.²²³ Именно в этом контексте необходимо оценивать деятельность организации Павленко. Сделать это, однако, затруднительно, поскольку соответствующие экспертизы не проводились, а упор делался на обоснование тезиса о хищениях и ущербе.

Одним из первых вопросов, который интересовал следствие и суд, было исчисление стоимости произведенных корпорацией работ и полученной оплаты. Конечно, эти сведения были нужны прокурорам и судьям для демонстрации масштабов преступлений подсудимых, а не их достижений. На первых допросах Павленко и его сотрудники называли разные суммы освоенных организацией капиталовложений. Павленко заявил, что за время существования организации на ее счет поступило 13–16 млн руб., хотя оговорился, что «точно общую сумму не знает»²²⁴.

Возможно, Павленко по каким-то причинам решил скрыть истинные обороты предприятия. А может быть, он действительно не знал итоговую цифру или не интересовался ею. Скорее всего, в организации велся текущий учет контрактов и получаемых средств. Непонятно, зачем Павленко нужно было бы четко фиксировать все заказы, проходившие через организацию почти за пять лет ее существования. В докладе прокуратуры руководству страны сразу после ареста Павленко фигурировала цифра 20 млн руб.²²⁵ Видимо, были использованы показания членов организации Константинова, который называл цифру 21 млн²²⁶, и Клименко, говорившего о примерно 20 млн, хотя и указавшего, что точной цифры назвать не может²²⁷.

В конце концов соответствующие расчеты были произведены во время следствия на основании банковских транзакций УВС. Полученные показатели были включены в приговор трибунала. Они показывают такую динамику строительных операций под руководством Павленко²²⁸.

Год	1948	1949	1950	1951	1952	Всего
Количество договоров	8	11	7	12	17	55
Стоимость договоров (тыс. руб.)	2 375	2 980	13 524	14 736	5 189	38 804

Едва ли будучи точными, эти цифры тем не менее отражали важные тенденции развития организации Павленко. В течение первых двух лет ее существования наблюдался своеобразный разгон, завоевание репутации на рынке. Пик пришелся на 1950–1951 годы, когда были заключены крупные договоры на строительство дорог для предприятий угольной промышленности. В последний неполный год существования организации было заключено максимальное

²²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 603–614.

²²⁴ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 26.

²²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 22.

²²⁶ Там же. Л. 134.

²²⁷ Там же. Л. 203.

²²⁸ Таблица составлена по данным: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 36–44.

количество договоров, менее значительных по объемам работ. Это могло произойти по разным причинам, точно определить которые не позволяют источники.

Отсутствие дорогих контрактов в угольной промышленности могло быть вызвано прекращением активного шахтного строительства в регионах, где работала организация Павленко. Возможно, была утрачена часть связей с руководителями угольной промышленности. Нельзя исключать также, что напряженная работа в 1950–1951 годах привела к перегреву корпорации, что характерно для экономических систем разного уровня. В 1952 году организация Павленко, как будет показано дальше, все чаще попадала в разные скандалы, свидетельствующие об ослаблении в ней дисциплины. Один из этих скандалов завершился общим провалом, который не позволил подписать уже готовые новые договоры, намеченные на последние месяцы 1952 года.

Несмотря на нисходящую динамику экономической активности, которая, вполне возможно, опять сменилась бы восходящей, не будь разгрома организации, корпорация Павленко была жизнеспособным и даже успешным предприятием. Причем ее развитие зависело не только от связей с чиновниками, ответственными за заключение контрактов. Принципиально важную роль для выживания и заключения новых контрактов имело своевременное и достаточно качественное выполнение обязательств. Иначе говоря, корпорация работала вполне хорошо, чтобы не вызывать нареканий и привлекать новых клиентов²²⁹. Для организации, не имевшей гарантированных плановых заказов, репутация и рекомендации имели принципиальное значение.

Судя по имеющимся источникам, отношение заказчиков к Павленко и его команде было в целом положительным. «Должен сказать, что организация, которую представлял Павленко, по-видимому, располагала большим количеством рабочих, никогда нас не задерживала с производством работ, задержки имели место только из-за отсутствия материалов... Я был высокого мнения об организации, возглавляемой Павленко», – говорил руководитель строительно-монтажного управления, сотрудничавшего с УВС²³⁰. Ему вторил другой заказчик: «Кроме того, он произвел на меня впечатление хорошего исполнителя работ, как подрядчик»²³¹.

«Павленко произвел на меня впечатление человека сведущего в вопросах дорожного строительства. Он хорошо разбирался в проектно-сметной документации и на совещании (совещание в тресте «Западшахтострой». – *Авт.*) заверил всех присутствующих в том, что он обеспечит качественное строительство шоссейной дороги к Порицким шахтам», – свидетельствовал на допросе начальник главка шахтного строительства Министерства угольной промышленности СССР²³².

Замминистра пищевой промышленности Молдавии примерно в тех же выражениях говорил о работе УВС в этой республике: «У меня при разговоре с Павленко возникло сомнение о возможности строительства дороги в такой короткий срок, как один месяц, с учетом зимних морозов. Павленко же нас заверил, что он располагает большим количеством транспорта,

²²⁹ Примерные подсчеты на основании общих показателей деятельности строительной отрасли могут дать некоторое представление об уровне эффективности предприятия Павленко. Так, в 1950 году стоимость строительно-монтажных работ, выполненных в строительстве, составляла 54,7 млрд руб. При этом на строительно-монтажных работах было занято 2,569 млн человек (Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. С. 161, 168). Таким образом, на одного занятого в этом году приходилось строительно-монтажных работ на 21 292,3 руб. Организация Павленко, занятая именно строительно-монтажными работами, выполняла в 1950 году договоры на 13,524 млн руб. При средней выработке по отрасли ей было необходимо иметь на такой объем заданий 635 работников. Однако, как будет показано далее, в материалах следствия фигурировали меньшие данные о средней численности рабочих, занятых в УВС. Павленко говорил о 300–400 рабочих в сезон. Таким образом, с учетом контингента служащих и руководителей средняя численность работников УВС могла быть примерно на треть ниже, чем можно было бы ожидать исходя из средней производительности труда по отрасли. Соответственно, эффективность УВС была выше средней. (Благодарю Б. Грозовского за указание на возможность такой оценки.)

²³⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 149, 151. Показания Н. Т. Волкова.

²³¹ Ibid. F. 162. Показания А. К. Осадчего.

²³² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 354.

механизмов и людской силы и они в состоянии выполнить в максимально короткий срок»²³³. Сам Павленко в заявлении о помиловании патетически писал: «Благодаря моей натуры любви к строительству и сознания, что созидательный труд – главное, я сам день и ночь работал и заставлял своих приближенных и не ставил задачу хищения крупных сумм и быть тунеядцем...»²³⁴

Действительно, имеющиеся документы позволяют говорить, что Павленко и его помощники справлялись с управлением многочисленными объектами корпорации. Павленко был хорошим организатором, знал строительное дело и относился к своему предприятию с интересом реального хозяина. Как рассказал следствию Ю. Б. Константинов, «в начале февраля (1949 года. – *Авт.*) Павленко возвратился из Москвы, собрал весь руководящий состав и начал с ними проводить занятия по вопросу, как нужно заключать договора с хозяйственными организациями и иметь прибыли от производимых работ»²³⁵. В Москве он приобретал технические справочники по строительству²³⁶.

Защищая свои позиции на допросах, Павленко демонстрировал знание законов об организации подрядных строительных работ. В частности, он ссылаясь на основополагающее постановление СНК СССР «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства» от 26 февраля 1938 года²³⁷. Этот документ, действовавший в течение нескольких десятилетий, содержал общие положения и конкретные указания об оформлении подрядов, их реализации, взаимодействии заказчиков, подрядчиков, субподрядчиков, контролирующих банков и т. д. Частью постановления была инструкция по составлению проектов и смет по промышленному строительству, правила финансирования строительства Промышленным банком, правила подрядных договоров по строительству и типовые подрядные договоры. Именно этими документами руководствовались строительные организации страны, включая организацию Павленко.

В силу ограниченности интереса следствия к сугубо производственным вопросам трудно судить, насколько квалифицированными специалистами-дорожниками были Павленко и его сотрудники. Лишь один случай из этого ряда заинтересовал следователей, да и то потому, что его можно было трактовать как свидетельство хищений государственных средств. В начале 1950 года на строительстве дороги для треста «Западшахтострой» Павленко предложил использовать без ухудшения качества вместо щебеночного покрытия (щебень был в дефиците) покрытие из грубоколотого камня. Это позволяло получить значительную экономию как в стоимости, так и в сроках строительства. В соответствии с действующими инструкциями работники Министерства угольной промышленности СССР официально провели это нововведение как рационализаторское предложение с соответствующей оплатой более 300 тыс. руб.²³⁸

Правда, и здесь мы в очередной раз сталкиваемся с разными трактовками одного факта. Работники Министерства угольной промышленности настаивали на том, что предложение Павленко действительно заслуживало вознаграждения. Допрошенный в феврале 1953 года в качестве свидетеля, начальник главка шахтного строительства этого министерства, несмотря на давление следователя, твердо заявил: «Предложение Павленко о замене щебеночного покрытия шоссейной дороги Владимир-Волынский – Порицкие шахты на более дешевое из грубоколотого камня, конечно, не является рационализаторским, так как ничего нового, неизвестного ранее, в этом предложении не было. Однако его предложение изменило конструкцию

---

²³³ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 106.

²³⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 24 об.

²³⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 118.

²³⁶ Там же. Л. 192.

²³⁷ Собрание постановлений правительства СССР. 1938 г. № 9. Ст. 58.

²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 65 об.

дороги, упростило и удешевило строительство без ущерба для качества, и поэтому оно подпадает под соответствующий пункт постановления СНК СССР от 18 февраля 1938 года, предусматривающее возмещение подрядчику разницы в стоимости между первоначальной сметной стоимостью и стоимостью по измененному проекту»²³⁹. Следствие и суд предпочли квалифицировать этот факт как обман, подлог и в конечном счете хищение государственных средств²⁴⁰.

Следуя обвинительному уклону, следователи и трибунал искали и без труда находили различные негативные факты в деятельности УВС. Так, важным условием существования организации, судя по обвинительным материалам, была неуплата налогов государству. Правда, полной ясности в этом вопросе не было. Суд не вменял Павленко в вину неуплату налогов с прибыли самой организации. Из этого можно предположить, что такие налоги уплачивались. В приговоре суда говорилось, что в организации «при выплате зарплаты рабочим удерживали с них и присваивали крупные денежные суммы под видом подоходного налога, взносов по государственным займам и налогам за бездетность. Присваивались значительные суммы денежных средств, подлежащих отчислениям по социальному страхованию». Трибунал счел, что таким способом было похищено 3 млн руб.²⁴¹

Сама округлость этой цифры свидетельствовала об отсутствии полной ясности в вопросе. Судя по формуле приговора, речь шла скорее о двойной бухгалтерии, серых схемах выплаты зарплат, позволявших недоплачивать государству налоги, но не уклоняться от них полностью²⁴². Сам Павленко заявлял следователю на вопрос о налогах так: «Кроме подоходного налога и культсбора с рабочих и служащих никаких отчислений организация в доход государства не делала»²⁴³. Это заявление еще больше запутывает ситуацию. Павленко фактически признавался в неуплате налогов с прибыли организации, но суд не поставил ему это в вину.

Следствие выявило, что в организации Павленко достаточно широко применялись разного рода приписки, позволявшие получать оплату за работы, которые не были реально выполнены. В ряде случаев присваивались деньги, выделенные заказчиком на строительство временных сооружений²⁴⁴. Этот вид работ было трудно проконтролировать, что создавало условия для злоупотреблений. За взятки в отчеты УВС приписывались работы, которые на самом деле выполняли другие организации²⁴⁵. Завышались объемы и стоимость работ. Например, в 1949 году в Кременце, где камень добывали на месте в 5–8 километрах от строительной площадки, в документы вписывались затраты за транспортировку на расстояние 30–40 километров. Этот прием использовался и на других площадках²⁴⁶.

Следствие утверждало, что, по признанию арестованных руководителей организации, за счет завышения объема работ и фактической стоимости материалов у заказчиков незаконно было получено свыше 2 млн руб.²⁴⁷ Очевидно, что вывести такие показатели на основании реальных данных было бы затруднительно, поэтому следствие ссылалось на протоколы допросов²⁴⁸. Независимо от верности приведенной очень значительной цифры, можно не сомневаться, что в организации Павленко действительно занимались приписками. Приписки вообще были распространенным явлением в советской экономике. Нередко они принимали огромные

²³⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 357.

²⁴⁰ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 65 об.

²⁴¹ Там же. Л. 72 об. – 73.

²⁴² Там же. Л. 72 об.

²⁴³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 26–27.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 66.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же. Л. 66–66 об.

²⁴⁷ Там же. Л. 66 об.

²⁴⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 64, 119.

размеры и заканчивались громкими скандалами, самый известный из которых – хлопковый – разразился на излете советской власти²⁴⁹.

В общем, во многих отношениях корпорацию Павленко можно считать достаточно типичным советским предприятием. Выполнение планов и заданий, получение прибыли достигалось в ней не только за счет реальных трудовых усилий, но и при помощи различных серых схем, включая большие или меньшие по размерам приписки. Несмотря на фиктивный характер, организация и ее руководители сталкивались с трудностями ведения хозяйственной деятельности, которые испытывали легальные государственные предприятия. В числе перво-степенных была проблема квалифицированной и стабильной рабочей силы.

---

²⁴⁹ *Shenfield S.* Pripiski: False Statistical Reporting in Soviet-Type Economies // *Corruption: Causes, Consequences and Control* / Ed. M. Clarke. London: Pinter, 1983. P. 239–258; *Harrison M.* Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // *The Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol. 39. № 1. P. 43–64; *Gorlizki Y.* Scandal in Riazan: Networks of Trust and the Social Dynamics of Deception. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14. № 2. P. 243–278; *Cucciolla R. M.* Legitimation through Self-Victimization // *Cahiers du Monde Russe*. 2017. Vol. 58. № 4. P. 639–668.

Рабочие и организация труда

Для выполнения заказов Павленко были необходимы сотни рабочих. Их точное количество на основании имеющихся документов определить сложно. В различных справках прокуратуры и органов госбезопасности, в протоколах допросов назывались разные цифры. Всегда преувеличивавший в своих показаниях различные цифры, Константинов определял численность рабочих на стройучастке в Золочевском районе примерно в 150 человек, а в Яблоновском районе – примерно в 100 человек, на площадке Порицких шахт – 350 человек²⁵⁰.

Как свидетельствовал один из хозяйственных руководителей Молдавии, Павленко говорил ему, что если заказчик «представит материалы в достаточном количестве, то он, Павленко, кроме этой рабочей силы, которая у него работает сейчас, может привести (при этом он называл город Умань и Киев) 50, а если нужно 200 солдат»²⁵¹. Очевидно, что состав рабочих не был постоянным. Их численность могла меняться в зависимости от объема работ. В целом несколько сотен человек в каждый данный момент находились на разбросанных в разных местностях объектах организации. По свидетельству Павленко, в период строительного сезона работало в среднем по 300–400 рабочих и 60–80 автомашин и строительных механизмов²⁵².

В отличие от военного периода, когда Павленко прибегал к призыву рабочих на военную службу через некоторые военкоматы, после завершения войны он мог использовать обычный наем за зарплату. Советский рынок рабочей силы лишь в некоторой степени регулировался централизованными планами, хотя государство стремилось монополизировать трудовые ресурсы, распределять их по своему усмотрению. В значительной части перемещения населения контролировались при помощи паспортов, но не полностью. Система государственного набора рабочей силы не охватывала все трудовые ресурсы.

После начала Второй мировой войны и падения Франции советское руководство, крайне обеспокоенное сложившейся перспективой столкновения с Германией, принимало лихорадочные усилия для наращивания военно-промышленного потенциала. Одним из способов этого было удлинение рабочего дня, борьба с нарушениями дисциплины, прикрепление рабочих и служащих к предприятиям и учреждениям – запрещение увольнений без разрешения администрации. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР был принят 26 июня 1940 года. Он предусматривал жесткие меры наказания: за опоздания на работу – до полугода исправительно-трудовых работ с отчислением части заработной платы в пользу государства, за самовольный уход с предприятия – до четырех месяцев тюрьмы. Под суд попадали также руководители предприятий, которые недостаточно активно реагировали на нарушения дисциплины.

После начала Великой Отечественной войны эти санкции были сильно ужесточены. В дополнение к указу от 26 июня 1940 года, который распространялся на невоенные отрасли, 26 декабря 1941 года был принят указ об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Он объявлял работников военной промышленности мобилизованными. Самовольный уход с предприятий считался дезертирством и карался заключением на пять – восемь лет.

Постепенно сфера применения указа расширялась: в условиях войны растущая часть предприятий либо работала на фронт, либо выполняла отдельные задания для военных произ-

---

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 117, 118.

²⁵¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 150; D. 168. F. 49. Показания и заявление начальника строительного управления Н. Т. Волкова.

²⁵² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 30.

водств. После завершения войны чрезвычайное военное законодательство в сфере труда продолжало какое-то время действовать. Указ от 26 декабря 1941 года утратил силу только в мае 1948 года. Указ от 26 июня 1940 года был отменен только в 1956 году²⁵³. В целом за 1940–1952 годы по трудовым указам было вынесено более 14 млн приговоров к заключению в лагеря и тюрьмы и к исправительным работам с отчислением части заработка в пользу государства²⁵⁴.

Все эти меры ограничивали свободное перемещение рабочей силы, но не могли подавить его полностью. Люди продолжали искать более выгодные места работы, а руководители предприятий в условиях дефицита рабочей силы нарушали законы и принимали перебежчиков с распростертыми объятиями. Многие судебные приговоры в отношении нарушителей фактически не исполнялись²⁵⁵. В общем, в СССР, даже в периоды максимально жесткого регулирования передвижения рабочей силы всегда существовал относительно свободный рынок труда.

Многочисленные прорехи в системе централизованного регулирования рынка труда позволяли Павленко и другим хозяйственным администраторам почти беспрепятственно нанимать необходимых рабочих. В его организацию могли попадать строители, самовольно оставившие государственные предприятия в нарушение указа от 26 июня 1940 года. Огромным резервуаром рабочих рук была колхозная деревня. Крайне низкий уровень жизни выталкивал наиболее энергичных и трудоспособных крестьян на заработки в города.

В западных регионах СССР, где преимущественно действовала организация Павленко, определенную роль могли играть также политические факторы. Повторная советизация этих стран, сопровождавшаяся партизанской войной, заставляла часть населения скрываться от властей при помощи перемены места жительства. Строительные участки УВС выглядели надежным убежищем. Несомненно, руководители организации использовали такие возможности для вербовки. Однако приоритетом было привлечение рабочих через родственников и земляков.

Как свидетельствовал Константинов, «приступив к работам во Владимире-Волынском, туда было собрано большое количество рабочих, преимущественно из Киевской области, которые в разное время работали с Павленко и значительная часть его близких и дальних родственников, через которых также вербовались люди на стройплощадки»²⁵⁶. Следствие утверждало, что вербовка по земляческому принципу шла преимущественно в трех районах Киевской области. В сентябре 1951 года руководство одного из них даже обратилось в Киевский обком партии с жалобой на то, что вербовки Павленко, проводимые без документов (т. е. без формального согласия председателей колхозов), отражаются на дисциплине в колхозах и выполнении ими своих работ. В марте 1952 года такая жалоба была послана вновь²⁵⁷.

Материалы следствия, на которых основаны наши знания об организации труда в корпорации Павленко, отрывочны. Прокуроров и сотрудников госбезопасности не интересовало, при помощи каких методов Павленко выполнял полученные заказы. Их целью была компрометация арестованных как членов антигосударственной группы. По этой причине с самого начала Павленко обвиняли в «частно-собственнической эксплуатации временных рабочих». Указы-

---

²⁵³ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л. И. Бородин и др. М., 2008. С. 17–66.

²⁵⁴ История сталинского Гулага. Т. 1. С. 623.

²⁵⁵ Кодищев А. Я. Кампания по борьбе с «дезертиризмом» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Российская история. 2008. № 6. С. 101–107; Kragh M. Stalinist Labour Coercion during World War II: An Economic Approach // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 7. P. 1253–1273; Панков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Росспэн, 2012; Khlevniuk O. Deserters from the Labor Front. The Limits of Coercion in the Soviet War Economy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504; Goldman W. Z., Filtzer D. Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II. N. Y., 2021; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. С. 240–252.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 124.

²⁵⁷ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 59 об. – 60.

валось, что их заставляли трудиться по 14–15 часов без выходных, недоплачивали заработную плату²⁵⁸. В приговор суда было внесено такое положение:

Показаниями свидетелей и другими материалами дела установлено, что со стороны Павленко и его сообщников полностью игнорировались и попирались Советские законы о труде и финансовой дисциплине. Продолжительность рабочего дня, нормы выработки и расценки устанавливались по усмотрению подсудимого Павленко. В отдельных случаях труд рабочих оплачивался не по нормам выработки, а по личному усмотрению Павленко... Наряду с этим, подсудимый Павленко и его сообщники выплачивали рабочим зарплату не регулярно, задерживая ее в отдельные периоды на 2–3 и более месяцев²⁵⁹.

Павленко отрицал эти обвинения:

...В летний период ввиду сезонности работ продолжительность рабочего дня была 9–11 часов с перерывом на обед 3–4 часа, т. е. в самое жаркое время. Шофера и некоторые рабочие в исключительных случаях работали по 14 часов. Во всех случаях это согласовывалось с рабочими. Кроме того, расценки были повышены в полтора – два раза. Я не знаю, почему это является эксплуатацией, если мне известно, что существовала сезонность работ на сельскохозяйственных работах, лесосплаве, на вывозке зерна, свеклы, овощей, где шофера 2–3 месяца работали по 14–18 часов в сутки. Кроме того, я знаю и сам работал, что сезонники грабари-землекопы и мостовщики на постройке железных и шоссейных дорог работали по 10–14 часов, в том числе и на строительстве аэродромов²⁶⁰.

Судя по всему, в отличие от руководителей, которые получали фиксированную зарплату, рабочим платили сдельно, в зависимости от выработки²⁶¹. Это был хороший стимул для повышения производительности труда. По утверждению Павленко, рабочим выдавалась компенсация за отпуск, проездные и командировочные, пособия по временной нетрудоспособности и в связи с призывом в армию. Они получали также спецодежду, инструмент, жилье, питание²⁶².

В приговоре суда был зафиксирован только один пример рукоприкладства руководителей в отношении рабочих. В этом обвинялся А. Губский, в разное время возглавлявший строительные площадки организации в Ровенской, Могилевской областях и Тирасполе²⁶³.

В разговорах со знакомыми Павленко представлял себя отцом-командиром, вникавшим в нужды доверившихся ему рабочих: «Я сам был в колхозах, а также проезжал по другим колхозам и видел, как там живут – работают много, а хлеба нет, голодают и поэтому бегут из деревни. Ко мне бегут из разных мест. Я с ними разговаривал и хорошо знаю их жизнь»²⁶⁴.

В целом из отрывочных свидетельств корпорация Павленко предстает как достаточно большая традиционная строительная артель крестьян-отходников, построенная отчасти на патриархальных принципах.

---

²⁵⁸ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 30. О 14–15-часовом рабочем дне говорил на допросе Н. Т. Волков (АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 149).

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 72 об.

²⁶⁰ Там же. Л. 14.

²⁶¹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 166.

²⁶² Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 18.

²⁶³ Там же. Л. 81 об.

²⁶⁴ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 369. Протокол допроса М. В. Андриевского.

Характерным был цикл труда и отдыха на объектах организации, привычный для крестьян, которых только по касательной затронули многие нововведения советской власти. Ближайший соратник Павленко свидетельствовал на допросе (стилистика и стиль текста документа ярко выдавали идеологические установки следователей):

Кулацкая психология Павленко подчеркивалась им постоянно. В революционные праздники – 1 Мая, Октябрьской революции и другие Павленко, как правило, заставлял всех работать, а в религиозные праздники, такие, как пасха, рождество, Троица и престольные праздники устраивались выходные дни и даже выделялся автотранспорт, чтобы отвозить рабочих в свои деревни на праздники. Если учесть, что большинство так называемых рабочих состояли из земляков и родственников Павленко и других лиц, укрывавшихся от колхозов и от органов Советской власти, то эти мероприятия Павленко встречали в этой среде одобрение. В апреле 1950 г. Павленко выделил около четырех автомашин для поездки так называемых рабочих на родину на празднование пасхи, а 1 и 2 Мая заставил весь коллектив работать. Часто, выступая на так называемых «совещаниях», Павленко говорил рабочим: «Поработаем до пасхи или до пречистой, а потом в отпуск на неделю»²⁶⁵.

Один из руководителей организации-заказчика, наблюдавший за рабочими Павленко на площадке в Тирасполе, рассказывал следователям:

«Видите ли, их рабочие, они, видимо, никакого отношения к воинской части не имеют. Это набранные рабочие, причем из армейцев там никого не было. У них оригинальная постановка рабочего дня была. С 6 часов утра и до 3 часов дня они работали. С 3 до 5-ти перерыв. Потом снова работали. Ну, я думал, что воинская дисциплина. Они не имели почти общения с нашими людьми, очень они заняты были работой»; «...Тут своими силами мы бы делали многие годы, а у них это дело пошло молниеносно, работали они зверски, приехали с большими лопатами»²⁶⁶.

О достаточно высоком уровне мобилизованности рабочих организации свидетельствовал еще один очевидец:

Однажды был такой случай – СМУ-4 (строительно-монтажное управление, с которым организация Павленко состояла в подрядных отношениях. – *Авт.*) добилось наряда на 300 кубометров камня твердой породы в карьере Гиндигич. Но вывозка камня была сопряжена с большими трудностями из-за большого наплыва машин из г. Кишинева. Как-то под вечер я приехал в с. Страшены на строительство винодельни. У территории стройки встретил грузовую машину с людьми, одетыми в шинели и пилотки (их было человек 16). На мой вопрос начальнику участка...: кто такие? Я получил ответ: солдаты нашего подрядчика. Сегодня им дано задание до 11 часов ночи сделать по четыре ходки машинами. Завтра вывезти весь камень. Я им предоставил четыре своих машины²⁶⁷.

Очевидно, что Павленко и другие руководители старались поддерживать на стройплощадках твердую дисциплину. Очевидно, что рядовые рабочие не были посвящены в тайну фальшивого характера УВС. Самое большее, что они могли наблюдать, – это отдельные зло-

---

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 338. Протокол допроса Ю. Б. Константинова.

²⁶⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 167. F. 152, 153. Показания А. К. Осадчего партийной комиссии ЦК компартии Молдавии.

²⁶⁷ Ibid. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 49. Заявление в ЦК компартии Молдавии Н. Т. Волкова.

употребления и нарушения при выполнении договоров с заказчиками. Чтобы предотвращать скандалы и недовольство, использовалась своеобразная служба безопасности и осведомления, состоявшая из доверенных членов команды охраны. У принятых рабочих отбирались документы, вместо них выдавались справки²⁶⁸. По свидетельству Павленко, документы не возвращались, чтобы нанятые не могли уйти с работы²⁶⁹. Таким способом поддерживался псевдоофициальный фасад организации и приближенная к армейской дисциплина. На это была нацелена вся организация труда и быта рабочих. Очевидец работ на площадке в Тирасполе свидетельствовал:

Рабочие организации ни в какие отношения ни с рабочими СМУ, ни даже с техперсоналом не вступали... Все производственные вопросы решались лишь мастерами организации, которые получали разбивку сооружений на месте и передавали указания своим рабочим. Жили рабочие организации в отдельном доме с огороженной сплошным забором территорией. У ворот забора у них стоял часовой с автоматом (так было в Тирасполе, как было на участках – не знаю)²⁷⁰.

Выдвигая повышенные требования к рабочим, Павленко, очевидно, мог предложить вполне выгодные условия найма и относительно комфортные условия труда и быта. В документах нет жалоб на питание, хотя, если бы такие существовали, следователи не преминули бы их зафиксировать. Переезд на новые площадки, как видно из материалов следствия, начинался с обустройства общежитий для рабочих.

В справках прокуратуры не очень определенно говорилось, что Павленко недоплачивал рабочим. Видимо, некоторые перебои в оплате, связанные с задержкой перевода средств от заказчика, действительно имели место. Однако в целом материалы следствия не позволяют говорить о систематических обсчетах. Это противоречило бы сути системы артельной организации труда и патримониальных отношений руководителей организации с рабочими. Сам Павленко не был склонен агитировать рабочих за идеалы коммунистического труда, но всячески подчеркивал их благоприятное положение в организации, особенно в сравнении с жизнью в колхозной деревне, откуда многие из них приехали. По свидетельству одного из арестованных, рабочим, выражавшим какое-либо недовольство, говорили: «Давно ли ты из колхоза? Забыл уже лапти, разжирел. Поезжай обратно в колхоз, там узнаешь»²⁷¹.

Очевидно, что Павленко считал такие аргументы убедительными, и они действительно были таковыми. Положение советской деревни оставалось тяжелым во все годы правления Сталина. Разрушенное сначала коллективизацией, голодом, а затем войной, сельское хозяйство вступило в период восстановления на волне нового голода и эпидемий, продолжавшихся несколько лет до 1948 года. В последующем неблагоприятные климатические условия очередной раз ударили по ослабленному аграрному сектору²⁷².

Согласно официальным данным, в сопоставимых границах валовый сбор зерновых составлял в 1913 году 86 млн тонн, в 1940 году – 95,5, а в 1953 году – 82,5 млн тонн. Падало также производство картофеля, одного из основных продуктов питания советского населения²⁷³. Значительным был дефицит мясо-молочной продукции. поголовье коров, даже по официальным данным на 1 января 1953 года, составило всего 24,3 млн, что было меньше

---

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 125. Протокол допроса Ю. Б. Константинова.

²⁶⁹ Там же. Л. 174. Протокол допроса Н. М. Павленко.

²⁷⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 49. Заявление в ЦК компартии Молдавии Н. Т. Волкова.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 372. Протокол допроса М. А. Завады.

²⁷² Круглов В. Н. Последний сталинский голод. С. 403–426.

²⁷³ Народное хозяйство СССР в 1960 году: Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 374.

уровня 1928 года (33,2 млн) и неблагоприятного предвоенного периода (27,8 млн на 1 января 1941 года)²⁷⁴.

Негативное воздействие на развитие сельского хозяйства оказывал рост налогового бремени и обязательных практически бесплатных поставок продукции государству. Средний размер сельскохозяйственного налога на один колхозный двор в 1952 году в 2,7 раза превышал уровень 1941 года²⁷⁵, когда налоги были высокими в связи с подготовкой к войне. Задавленные государственными поборами, крестьяне сокращали личное потребление.

Некоторое представление об этом давали секретные, скорее всего приукрашенные данные бюджетных обследований. В 1952 году в крестьянских семьях в день потреблялось в среднем на человека половина килограмма хлеба, 600 граммов картофеля, около 400 граммов молока и молочных продуктов. Это была основа хлебно-картофельного рациона. Мяса и мясопродуктов на человека приходилось всего 40 граммов в день, а животного масла – 3 грамма. Примерно раз в неделю крестьяне могли съесть яйцо²⁷⁶.

Такой уровень питания был совершенно недостаточен для поддержания людей, занятых тяжелым физическим трудом. Нужно учитывать также, что бюджетные обследования приводили средние цифры и не учитывали качество продуктов. По многим свидетельствам, часто оно было низким. Как говорилось в письме, отправленном Сталину в ноябре 1952 года из Черниговской области, «теперь выпекают черный хлеб, и то некачественный. Кушать такой хлеб, особенно больным людям невозможно»²⁷⁷.

Предметом роскоши для основной массы крестьян были промышленные товары. В деревне довольствовались простейшими сравнительно дешевыми изделиями, но и их покупали немного. Например, кожаную обувь в 1952 году смог приобрести только каждый третий крестьянин²⁷⁸. Не все имели даже самую простую обувь и одежду. Как жаловался в письме Сталину в декабре 1952 года житель одной из деревень Тамбовской области, «в нашем колхозе колхозники имеют одну зимнюю одежду на 3–4 члена семьи, дети зимой у 60 % населения учиться не могут, ибо нет одежды»²⁷⁹. Подобных обращений поступало в Москву немало. Крестьяне и горожане, руководители колхозов и сельская интеллигенция сообщали советским вождям об отчаянном положении деревни²⁸⁰. Характерным было письмо колхозницы О. Жиделевой из Курганской области, направленное Сталину в ноябре 1952 года:

Работаю круглый год, и притом без выходных дней. Дочь тоже прошлый год работала, а заработать на пропитанье не можем. Двое у меня еще детей школьников. Как их учить? И чем кормить? Не знаю. Нечем. За год я заработала около 500 трудодней, а получила на них 140 кг потому, что 200 кг вычли за какой-то прошлый долг. Дочь окончила 3 класса учебы, и из-за недостатка питания я вынуждена отдать ее в город в няньки, одевать тоже нечем. На трудодни денег не дают. От продажи молока деньги идут на налоги и покупаем муку, чтобы пропитаться. Остальные двое детей, одному 9 лет,

---

²⁷⁴ Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. С. 118.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 87. Д. 1202. Л. 69; Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2000. С. 205.

²⁷⁶ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. С. 176. По некоторым другим данным, потребление хлеба могло быть выше – до 700 граммов (Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М.: Росспэн, 2003. С. 95).

²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 901. Л. 37. С письмом ознакомился Г. М. Маленков.

²⁷⁸ Советская жизнь. С. 107.

²⁷⁹ Советская жизнь. С. 263.

²⁸⁰ Там же; Последние письма Сталину, 1952–1953. Реконструкция документального комплекса / Сост. Г. В. Горская и др. М.: Росспэн, 2015.

второму – 14, вынуждены бросить школу (один ходит в 3 класс, второй – в 5-й), потому что нет питания, нет одежды и обуви²⁸¹.

В таких условиях многие колхозники всеми правдами и неправдами бежали из деревни на заработки. Некоторые нанимались в организацию Павленко и, скорее всего, были благодарны ему.

---

²⁸¹ Последние письма Сталину. С. 373.

Хитрости снабжения

Предметом постоянной головной боли каждого советского администратора было материально-техническое снабжение, получение сырья, материалов, оборудования, необходимых для ведения производства и выполнения планов. Централизованное обеспечение ресурсами как часть плановой системы работало плохо. Нередко предприятия не могли получить даже те фонды, которые полагались им согласно государственному плану. В случае, если возникала необходимость освоить новую продукцию, под которую заранее не выделялись соответствующие ресурсы, или произвести срочные внеплановые работы (например, экстренный ремонт или реконструкцию), ситуация вообще была отчаянной. УВС, заключавшее договоры с государственными организациями, также сталкивалось со всеми этими проблемами. Нередко заказчики, на бумаге имевшие необходимые деньги, технику и строительные материалы, не могли обеспечить условия договора, так как запланированные фонды на деле не выделялись.

Страдая от дефицита планового снабжения, советские хозяйственные руководители изобретали многочисленные приемы и методы хотя бы частичного его преодоления. В ход пускались неформальные связи, блат, взятки, нелегальные бартерные обмены²⁸². Для восполнения недопоставок предприятия разными способами приобретали ресурсы на теневом рынке. Широко использовались услуги так называемых «толкачей», агентов-снабженцев, которые всеми правдами и неправдами добивались получения выделенных предприятию фондов или договаривались о внеплановых поставках.

На командировки «толкачей», взятки и угощения, которые они использовали как метод стимулирования поставок, тратились значительные средства. Периодически государство проводило карательные кампании против «толкачей». Некоторые из них отправлялись в тюрьмы, а руководители предприятий получали строгие взыскания. Однако широко востребованная деятельность агентов снабжения не прекращалась ни на час²⁸³.

В материалах по делу УВС упоминаются несколько таких агентов, работавших на организацию. С. И. Туркин, считавшийся «начальником снабжения», закупал в магазинах, на рынках у частных лиц (очевидно, во многих случаях по ценам черного рынка) продовольствие, обмундирование, запасные части, горюче-смазочные материалы. Аналогичные операции проводили в случае необходимости руководители строительных участков²⁸⁴. Так, летом 1951 года заместитель руководителя участка в поселке Сафоново Смоленской области И. В. Невинский выезжал в Москву с 10 тыс. руб. для закупки военного обмундирования²⁸⁵. Получал деньги для закупок продовольствия, фуража и обмундирования и И. М. Пашун. Следствие выяснило, что иногда он представлял своим начальникам подложные счета, пропивал деньги²⁸⁶.

Как снабженец работал на организацию родственник Павленко Монастырский, гостеприимством которого Павленко воспользовался, когда бежал из Калинина во Львов. Как говорилось в приговоре суда, «установив связи с Павленко, начиная с 1948 года [Монастырский] получал от него крупные суммы денег на закупку незаконным путем бензина, авторезины к машинам и запасные части к ним, присваивая при этом часть денег себе»²⁸⁷. В целом, по данным следствия, Монастырский приобрел материалов на 75–80 тыс. руб., присвоив сверх этого

---

²⁸² Berliner J. S. *Factory and Manager in the USSR*.

²⁸³ Хлевнюк О. В. «Толкачи».

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 67 об.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 83 об.

²⁸⁶ Там же. Л. 86.

²⁸⁷ Там же. Л. 58 об.

10–12 тыс.²⁸⁸ Это было очень типично для всех «толкачей». Как и другие агенты по снабжению, Монастырский постоянно находился под угрозой ареста. Осенью 1949 года против него было возбуждено уголовное дело за хищение колхозного зерна и спекуляцию. Речь шла о закупках в пользу организации Павленко. Однако «начальнику контрразведки» УВС Константинову, который действовал по поручению Павленко, удалось добиться прекращения дела²⁸⁹. Вряд ли и в этом случае обошлось без взятки.

Привыкшие нарушать законы и правила, Павленко и его сотрудники использовали для обеспечения работ даже обычные кражи того, что плохо лежало. Такого плохо лежащего в советской государственной экономике, обходившейся без реальных хозяев, было более чем достаточно. Хищения корыстные и вынужденные распространялись широко и повсеместно²⁹⁰. Организация Павленко вносила свой вклад в эту вакханалию воровства.

По версии суда, в 1950 году, узнав о том, что в районе города Острог Ровенской области имеется значительное количество бутового камня, заготовленного одной из строительных организаций, руководители УВС организовали его хищение. Павленко, правда, настаивал на том, что камень этот был бесхозным, завезен в свое время немцами и лежал без движения со времен войны²⁹¹. Аналогичные разногласия существовали и по поводу другого инцидента. Весной 1950 года Литвин, выполнявший в то время роль начальника участка в городе Владимире-Волынском, организовал хищение бутового камня на старой государственной границе, разбирая для этого бывшие долговременные огневые точки. Было разрушено 15 старых оборонительных сооружений и аэродром военного времени. Правда, после вмешательства военного командования камень пришлось вернуть, хотя не ясно, в полном ли объеме. Павленко доказывал, что заброшенные оборонные объекты начала разбирать вовсе не его организация, а предприятия треста «Западшахтострой», причем делали это безнаказанно и указали УВС на этот источник стройматериалов²⁹².

Правда, другие аналогичные факты Павленко не оспаривал. Среди них было хищение в 1948 году значительного количества бутового камня и щебенки с государственной автомагистрали Львов – Киев. Осенью 1950 года Константинов, разворачивавший стройку в Эстонии, организовал хищение камня и щебенки с государственной автодороги Ленинград – Таллин. В апреле 1949 года Павленко вместе с Константиновым, Курицыным и Литвиным похитили в районе города Стрый Дрогобычской области тяжелый раскирковщик (прицепной механизм, применявшийся для разрушения покрытий), стоявший у шоссе и принадлежавший дорожно-эксплуатационному участку № 891.

Летом 1949 года Павленко и Федоренко похитили с автодороги Станислав – Борислав каток. На электростанции в городе Йыхви было украдено значительное количество проволоки, кровельного железа и т. д. В колхозах воровали сено, овес, дрова, картофель. При перечислении всех этих случаев следствие не объясняло, шла ли речь о прямом воровстве или о покупке уже похищенного имущества у работников соответствующих организаций. Только в одном слу-

²⁸⁸ Там же. Л. 89.

²⁸⁹ Там же. Л. 58 об.

²⁹⁰ О массовых хищениях и борьбе с ними в сталинский период, в том числе в послевоенные годы, существует много публикаций, в том числе подготовленных на основе архивов центрального аппарата и подразделений МВД. См., например: *Говоров И. В., Кокучев С. Б.* Теневая экономика; *Пушкарёв В. С.* «Черный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // *Экономический журнал*. 2006. № 12. С. 212–226; *Богданов С. В., Остаток В. Г.* Послевоенное советское общество; *Клишова М. А., Трофимов А. В.* «Установить строжайший контроль за сохранностью социалистической собственности»: кампания по борьбе с хищениями во второй половине 1940-х гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 1. С. 82–86; *Никопорова Т. Н.* «Азербайджанское дело»: ревизия Совета Министров Азербайджанской ССР в 1948 г. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 116–129; *Gorlizki Y.* Theft under Stalin: A Property Rights Analysis // *The Economic History Review*. 2016. Vol. 69. № 1. P. 288–313; *Cadiot J.* La société des voleurs. Propriété et socialisme sous Staline. Paris, 2021.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 26 об.

²⁹² Там же. Л. 26 об., 67, 82 об.

чае в приговоре суда было указано, что Туркин в мае 1952 года присвоил на Белорусской железной дороге несколько тонн металлических изделий «по сговору с дорожным мастером»²⁹³.

Одним из обвинений в адрес организации Павленко были махинации с машинами и техникой, полученными согласно договорам от организаций-заказчиков во временное пользование для производства работ. Наиболее крупные операции такого рода осуществлялись, как утверждало следствие, при содействии руководителей треста «Львовуголь». Они находились с Павленко в особых небескорыстных отношениях. По материалам суда, в 1951 году при содействии главного бухгалтера треста был похищен экскаватор. А затем его перепродали тресту «Калугашахтострой», начальником которого стал бывший руководитель «Львовугля» Датуашвили. Всего через «Львовуголь», по данным следствия, организация Павленко присвоила, помимо этого экскаватора, три десятка автомашин и строительных механизмов.

Правда, и здесь суд не удержался от явных преувеличений размера хищений. В приговор был включен пассаж о том, что всего с 1948 по 1952 год организацией было получено от заказчиков свыше 160 грузовых автомашин, два экскаватора, два скрепера, бульдозер, два трактора, грейдер, канавокопатель и другая техника. Это якобы свидетельствовало «о большом масштабе преступной деятельности участников УВС»²⁹⁴. Однако на самом деле речь в данном случае шла о технике, вполне легально передававшейся по договорам на период проведения работ. Эти машины и механизмы было неправомерно ставить в один ряд с похищенными.

Кошмаром для любого советского хозяйственника были транспортные проблемы. Выделенные или полученные с большим трудом обходными путями ресурсы нередко не удавалось доставить до места назначения. Транспортные мощности были ограниченными, нормировались государственными планами, которые, как и планы снабжения, нередко не выполнялись. Павленко преодолевал эти препятствия, как и другие руководители предприятий, при помощи «толкачей» и особых договоренностей²⁹⁵.

Такая сложная ситуация с транспортом возникла, например, в 1952 году при выполнении работ для Тираспольского винно-коньячного завода. Заготовленный для мощения камень не удавалось вывезти из-за отсутствия вагонов. По просьбе директора завода соответствующую телеграмму на имя начальника Одесской железной дороги подписал секретарь Тираспольского окружкома партии. Был подключен к делу также заместитель председателя Совета министров Молдавии Н. А. Щелоков (в будущем министр внутренних дел СССР, всесильный соратник Л. И. Брежнева). От его имени были отправлены соответствующие телеграммы.

Однако эти обычные для советской системы и нередко действенные методы бюрократического решения вопроса в данном случае не помогли. Вагоны смог получить Павленко. Он направил в Москву «толкача», работника организации-заказчика с тысячей рублей командировочных. Гонец побывал в Москве в Министерстве пищевой промышленности и Министерстве путей сообщения. В результате было выделено 50 вагонов²⁹⁶.

Этот случай не был единичным. «Павленко и его сообщники устанавливали связи с отдельными работниками ж.-д. транспорта и путем обмана и спаивания их добивались получения ж.-д. вагонов для погрузки грузов своей преступной организации. Так, за период с 1950 по 1952 гг. преступной организацией „УВС“ было получено около 800 платформ и крытых вагонов», – говорилось в приговоре²⁹⁷. Павленко, как и многие другие хозяйственники, сталкивающиеся с подобными обвинениями, настаивал на том, что подобные договоренности служили интересам дела. Полученные вагоны, писал он в заявлении, «были использованы на подвозку

---

²⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 67.

²⁹⁴ Там же. Л. 66 об.

²⁹⁵ См. главу 3.

²⁹⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 171–172, 190; D. 168. F. 47–48.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 72 об.

стройматериалов, в основном камня, на строительство дорог, которые для предприятий были первоочередными и жизненно важными объектами... Во время судебного разбирательства не было предметом обсуждения или претензий МПС (Министерства путей сообщения. – *Авт.*), что вагоны использовались не по назначению»²⁹⁸.

В этом случае, как и во многих других, Павленко оспаривал обвинения, настаивая на положительных результатах деятельности организации и законности договоров. Этой линии он придерживался и тогда, когда речь шла о взаимоотношениях организации с многочисленными чиновниками хозяйственных организаций и ведомств. Связи с ними Павленко предпочитал характеризовать как деловые и бескорыстные. Как выяснило следствие и суд, картина на самом деле была не столь однозначной.

---

²⁹⁸ Там же. Л. 29 об.

Глава 4

«ПАТРОНЫ», ЗНАКОМСТВА, ВЗЯТКИ

В мае 1947 года, когда Павленко и его сотрудники проворачивали различные операции через свою артель в Калининe, на экраны страны вышел новый советский художественный фильм-сказка «Золушка». Сценарий картины, написанный блестящим драматургом Евгением Шварцем, отличался не только искрометным остроумием, отточенностью диалогов и сцен, но и злободневностью – конечно, в рамках строгих советских цензурных правил. В сказочных героях и их жизненной философии зрители без труда могли распознать типаж собственной послевоенной жизни и ее социальные язвы.

Откликаясь на массовые настроения, цензура, в частности, позволила авторам фильма вдоволь поглумиться над укоренившимися практиками связей, знакомств, блата (правда, само это слово на экран не допустили), которые были опорой социального неравенства в стране и вызывали широкое недовольство. «Одним словом, у меня столько связей, что можно с ума сойти от усталости, поддерживая их»; «Не плачь. Король – вдовец, мы и тебя пристроим», – заявляет отрицательный персонаж сказки, лесничиха в исполнении непревзойденной Фаины Раневской. «Связи связями, но совесть тоже надо иметь»; «Когда-нибудь спросят: А что вы, собственно, можете предъявить? И никакие связи не помогут сделать ножку маленькой, душу – большой и сердце – справедливым»; «Ненавижу старуху лесничиху, да и дочек ее тоже. Я давно наказала бы их, но у них такие большие связи!» – так положительные герои фильма демонстрируют свое бессилие перед этими неистребимыми реальностями советской жизни. Эти «недостатки» можно осуждать, но не более.

Мы не знаем, был ли Павленко или кто-либо из его сотрудников в числе тех многих миллионов советских зрителей, кто посмотрел фильм. Однако не вызывает сомнений, что создатели УВС были не только отлично осведомлены о том, какую роль в советской действительности играют неформальные отношения и коррупция, но и сами являлись частью этой системы. Обзаведение связями с нужными людьми, умение «дружить» и давать взятки было в числе навыков, которыми члены организации вполне овладели.

Особые отношения с чиновниками, распределяющими дефицит или приставленными к правосудию, приобретение покровителей и блата – важные условия деятельности руководителей всех советских предприятий и учреждений во все периоды советской власти, включая сталинский. Однако для Павленко этот вопрос имел особую остроту. Фиктивный характер организации делал ее особенно зависимой от прочных и доверительных отношений с теми, кто распределял заказы, ресурсы, имел власть на местах.

Конечно, Павленко не нужно было изобретать велосипед и придумывать оригинальные способы взаимодействия с «нужными людьми», вызывая ненужные подозрения. Он использовал то, что лежало на поверхности и было в той или иной мере доступно всем и каждому. Связями, блатом, коррупцией Павленко и его сотрудники пользовались особенно часто: и для заключения договоров, и в решении производственных вопросов, и для приобретения ресурсов, и для сокрытия преступлений, и для получения новых фальшивых документов и оружия и т. д. Для изучения этих сторон советской жизни, имевших универсальный характер, материалы следствия и суда по делу УВС представляют немалый интерес.

Неформальные связи и коррупция в советской системе

Использование связей, блата, взятки и других подобных явлений в официальном советском дискурсе преподносилось как пережитки прошлого, неминуемо обреченные на отмирание по мере движения к светлому коммунистическому будущему. Именно по этой причине такие распространенные и характерные для советской системы явления никогда в СССР всерьез не анализировались, а упоминались лишь в своеобразных пропагандистских резервациях: на страницах сатирических изданий, в фельетонах и газетных рубриках «из зала суда».

Однако советские люди, жившие по реальным, а не вымышленным правилам, относились к протекции, благу и взяткам более чем серьезно. В разных источниках фиксируются своеобразные политические поговорки, отражавшие массовые представления о значимости злоупотреблений и коррупции в советской повседневности. «Блат выше Совнаркома», – горько шутили в народе. Известную аббревиатуру «ЗИС» (Автомобильный завод имени Сталина) расшифровывали как «знакомства и связи».

Подобные шутки не были случайными. Советские люди на каждом шагу сталкивались с необходимостью искать обходные пути для решения многочисленных проблем повседневной жизни – даже тех, которые должны были решаться чуть ли не автоматически. Блат, знакомства, угощения и взятки, обращения к спекулянтам и посредникам использовались для приобретения дефицитных товаров, список которых включал значительную часть того, что вообще можно было приобрести в советской торговле.

Дополнительные усилия требовались для получения государственного жилья или строительства собственного, для доступа к медицинскому обслуживанию, поступления в институты, приобретения путевок на курорт, удачного трудоустройства, спасения от уголовного преследования (как правило, не по политическим статьям), для получения паспортов и прописки в нужном месте. Этот перечень может быть бесконечным. Неформальные и корыстные подпорки компенсировали плохую работу формальных взаимоотношений граждан с государством и между собой, взаимоотношений, основанных на законах, правилах и обезличенных рыночных механизмах. Слабый, дефицитный рынок во всех сферах жизни порождал злоупотребления. Советская коррупция в числе прочего опиралась и на давние традиции российских бюрократических злоупотреблений, на практику кормлений, обеспечения чиновников за счет населения и т. п.²⁹⁹

По наблюдениям историков, дополнительный импульс этим процессам придала война, разрушившая судьбы и привычный быт десятков миллионов людей и породившая проблемы, связанные с эвакуацией и последующим возвращением в родные места, уничтожившая многие документы, имущество и т. д. Послевоенный голод усугубил ситуацию. В таких условиях расцвели коррупционные схемы и обслуживающие их криминальные группы.

В качестве характерного и символического примера посмотрим на дело под названием «Скорпионы» в послевоенном Ленинграде. В начале 1946 года в поле зрения отдела по борьбе с бандитизмом попал некто Карнаков, служивший центром притяжения значительной группы дельцов черного рынка и чиновников, обеспечивающих за взятки «решение вопросов»: получение квартир, освобождение от службы в армии, прекращение уголовных дел и т. д. Всего было выявлено около 700 контактов Карнакова. Материалы, необходимые для передачи в суд, были собраны на 316 фигурантов. Из них 59 человек составляли работники милиции, 47 – прокуратуры, адвокатуры и судов, 10 чиновников служили в отделах здравоохранения и соци-

---

²⁹⁹ Кондратьева Т. Кормить и править: о власти России XVI – XX в. М.: Росспэн, 2006; Kelly C. Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s / Eds S. Lovell, A. V. Ledeneva, A. Rogachevskii. Houndmills: St. Martin's Press, 2000. P. 65–94.

ального обеспечения, семь – в жилищных органах, восемь были офицерами Ленинградского военного округа и т. д. В число полутора сотен выявленных взяточдателей входили хозяйственные работники, служащие торговли, кооперации, баз, системы общепита и т. д.³⁰⁰

Поставленные на поток коррупционные связи представляли собой лишь вершину айсберга повседневных, как относительно организованных, так и эпизодических практик обхода законов и получения нелегальных преференций. О степени их распространенности или, по крайней мере, о субъективных оценках осведомленных современников свидетельствовало письмо бывшего сотрудника органов госбезопасности, слушателя Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) С. Арбузова. Этот пространный 34-страничный машинописный документ, своеобразную аналитическую записку, Арбузов направил Сталину в августе 1946 года. Обращение привлекло внимание руководства канцелярии вождя, было включено в перечень доложенных ему писем³⁰¹.

Арбузов обращал внимание Сталина на широкое распространение в стране взяточничества. Оно «проникло во многие поры нашей общественной жизни и приобрело форму неписаного гражданства», – говорилось в письме. Арбузов выделил девять основных сфер применения взяток. Прежде всего, по его мнению, это были органы суда и прокуратуры, где за взятки закрывали уголовные дела, выносили мягкие или оправдательные приговоры. Широкий спектр вопросов при помощи взяток решался в органах милиции – прописка, выдача пропусков, освобождение задержанных за различные преступления, сокрытие результатов обысков и инспекций хозяйственных организаций.

На уровне министерств, сообщал Арбузов, за взятки решались вопросы трудоустройства и возвращения в центральные районы эвакуированных во время войны работников, получения дефицитных материалов, успешного и быстрого утверждения бухгалтерских и других отчетов, согласования фиктивных командировок. «Взяточный ажиотаж распространен до чудовищных размеров» в транспортных организациях, утверждал автор записки. Платили за приобретение билетов и провоз безбилетных пассажиров, за возможность оставить вещи в камере хранения, за прием багажа сверх нормы и его быструю отправку, за нелегальные перевозки автомобилями пассажиров и грузов.

В медицинских учреждениях оплачивались фиктивные больничные и возможность получить место в стационаре. Работники жилищных управлений за вознаграждение помогали получить жилье или улучшить жилищные условия, за прописку и внеочередной ремонт. «Буквально во всех» учреждениях бытового обслуживания «аванс-взятка дается закройщикам-портным, сапожникам за хорошую и быструю пошивку». «Чтобы сшить платье или даже только перелицевать костюм, нужно выстоять в очереди, занимая ее еще днем, – от одной до двух ночей и не всегда с успехом. Этот дефицит в портных-закройщиках только усиливает размеры взяточничества. Надо сказать, многие из них ловко используют эту конъюнктуру. Они заметно часто „болеют“. За взятку покупают бюллетень у врачей и в это время по баснословным ценам выполняют частные заказы на дому», – разъяснял Арбузов.

Широко использовались взятки для получения ресурсов, которые предприятия или учреждения в любом случае должны были получить на основании государственного снабжения: «Во многих хозяйственных организациях, особенно у снабженцев, имеется специально выделенный „узаконенный“ фонд для подкупа в других учреждениях влиятельных хозяйственников, бухгалтеров, заведующих базами, особенно кладовщиков, ведающих выдачей дефицитных продуктов и товаров по нарядам». Отдельным девятым пунктом Арбузов выделил приобрете-

---

³⁰⁰ Иванов В. А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 247; Говоров И. В. Разгул преступности. С. 140–141.

³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 870. Л. 1. 114–147. Опубликовано с подробными комментариями: Дружинин П. «Взяточников надо ловить и расстреливать!» // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 230–246.

ние при помощи взяток дефицитного и крайне необходимого бензина на базах и в автоколоннах.

Общие выводы записки были неутешительными. Арбузов, хотя и с натужными смягчающими оговорками, настаивал на широком распространении и укоренении мздоимства: «Я не ставлю себе задачи устанавливать, какая категория населения больше всего поражена взяточничеством, но я хочу отметить позорный факт, что взяткодателями оказываются коммунисты и блюстители революционной законности. Их не трясет от нравственного негодования при виде взяточника. Они смотрят на его и свои деяния как на нормальное явление. Значит, далеко разрослось это социальное уродство, если так развилось чувство терпимости и примиримости».

Мы не знаем точно, как оценивал распространение взяточничества Сталин. Вряд ли он считал ситуацию критической. Очевидно, что вести слишком активную борьбу с взятками было политически опасно. Это могло создать впечатление всеобщей коррумпированности аппарата, который составлял основу власти вождя и стабильности системы. Однако, как показывают новейшие исследования, проведенные на основании архивных документов, в последние годы жизни Сталина недемонстративная, скорее внутренняя кампания против взяточников, прежде всего в правоохранительных органах, действительно усилилась. Факты не позволяют говорить о ее значительных результатах. Однако само усиление внимания к проблеме взяток, несомненно, свидетельствовало о ее остроте³⁰².

Для темы этой книги особое значение имеют не столько теневые отношения между рядовыми гражданами и чиновниками в решении повседневных проблем, сколько нелегальные операции на предприятиях и в учреждениях. Именно такие операции использовал Павленко, не отличаясь в этом смысле от других хозяйственных руководителей. Широкое распространение подобных схем подтверждается научными исследованиями, наиболее значительные из которых были проведены еще в 1950-х годах.

Так, в ставшей классической книге Дж. Берлинера на основании интервью с советскими гражданами, эмигрировавшими на Запад после Второй мировой войны, а также тщательного изучения открытых ведомственных изданий и периодической печати, были зафиксированы различные виды неформальных отношений, позволявших решать насущные производственные проблемы. К их числу относились корректировка планов, повышавшая шансы их выполнения, получение дополнительных фондов на материалы и оборудование, внеплановое снабжение за счет приобретения ресурсов на нелегальном и полунелегальном рынке, в том числе за счет так называемых «товарообменных операций», т. е. бартера и т. д. Для реализации всех этих схем использовались блат, взятки, приобретение полезных связей в различных ведомствах, принимающих решения и утверждающих планы³⁰³.

Современные исследования с привлечением архивов подтверждают и развивают эти наблюдения специалистов по советской экономике. Они показывают, например, что важным и масштабным механизмом реализации неформальных связей для обеспечения жизнеспособности экономики был институт так называемых «толкачей»³⁰⁴. Эти люди представляли собой пеструю группу легальных советских служащих и дельцов теневой экономики. Самую многочисленную их часть составляли работники предприятий и учреждений, командированные на другие предприятия или в руководящие органы для решения определенных задач: получения уже выделенных или дополнительных ресурсов, согласования или текущей корректировки планов и т. д. Такие командировки могли быть короткими и длительными. В них направлялись

---

³⁰² Хайнцен Джс. Искусство взятки.

³⁰³ Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. См. также обзор этой ранней литературы в статье: Kontorovich V. A Child, Not a Tool, of the Cold War // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 3. P. 691–704.

³⁰⁴ Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. Ch. XI; Хлевнюк О. В. «Толкачи».

инженерно-технические работники, руководители и служащие разных подразделений, не обязательно связанные со снабжением.

Нередко предприятиям и учреждениям требовались постоянные агенты на предприятиях-поставщиках и в крупных промышленных центрах. В этих случаях они могли полулегально нанимать специальных представителей (включая и агентов теневой экономики), формально находившихся в длительной командировке, но фактически безвыездно проживавших в промышленных и административных центрах, прежде всего в Москве.

«Толкачи» решали две основные задачи. Во-первых, они обеспечивали получение и доставку сырья и различных изделий, которые формально были выделены предприятию по плану, но постоянно задерживались у поставщиков или в дороге. Во-вторых, искали и закупали внеплановые ресурсы, которые было нелегко получить формальным путем – через утверждение новых фондов в планирующих организациях.

Для выполнения этих задач «толкачи» использовали широкий набор методов установления полезных связей: от застолий и мелких подношений до откровенных взяток. Однако, несмотря на постоянную борьбу контролирующих и карательных органов с «толкачами», размах их деятельности по меньшей мере не сокращался ни в предвоенные годы, ни во время войны, ни после ее завершения.

В июле 1944 года ГКО СССР утвердил максимально жесткое постановление «Об ограничении командировок представителей наркоматов, учреждений и предприятий по вопросам отгрузки материалов, готовых изделий, сырья и топлива»³⁰⁵. В документе говорилось, что командировки представителей и «толкачей» «достигли недопустимо больших размеров». Только на Магнитогорский металлургический комбинат с 1 января по 15 мая 1944 года приезжало 1014 представителей. Роль «толкачей» в постановлении ГКО оценивалась традиционно отрицательно. Постановление исходило из того, что «толкачи» своими злоупотреблениями дезорганизуют «устанавливаемый правительством порядок очередности поставок». Поэтому было принято кардинальное решение: агентов запрещалось посылать вообще.

Однако фактически такие меры не работали. Все новые и новые решения и указания не приносили результата. Определенные итоги положения дел в этой области подводила проверка Министерства государственного контроля, состоявшаяся вскоре после смерти Сталина, в начале 1954 года. В представленной в правительство записке говорилось, что рассылки «толкачей» по-прежнему остаются массовым явлением. На Магнитогорский комбинат в 1953 году прибыли 559 представителей от 334 организаций и предприятий из 145 городов СССР. На Запорожсталь – 593 представителя³⁰⁶.

Ключевым фактором стабильности института «толкачей» была его высокая востребованность. Плановая экономика не могла работать без дополнительных стимулов и параллельных структур-подпорок. Деятельность «толкачей» официально осуждалась, но фактически признавалась неизбежным злом, компенсирующим недостатки централизации. «Толкачи» оперативно обеспечивали предприятия необходимыми ресурсами, которые, следуя формальным правилам, получить вовремя (а то и получить вообще) было невозможно.

Столь же противоречивым было отношение сталинского государства к распространению патрон-клиентских отношений. Этот вид неформальных связей предполагал поиски покровителей, способных оказать карьерную поддержку, решение постоянно возникающих проблем материального обеспечения, взаимодействие с бюрократическим аппаратом и т. д. Вокруг патрона в большинстве случаев формировались клиентские сети разных размеров. Принадлежность к такой сети позволяла рассчитывать и на поддержку других ее участников. Покровителю и друг другу клиенты могли оказывать услуги и помощь разного свойства. В

---

³⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 282. Л. 135–136.

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 8300. Оп. 13. Д. 720. Л. 69–84.

экстремальных условиях советской жизни, характеризовавшихся значительными материальными лишениями, политической неопределенностью и постоянной угрозой репрессий, поиски патронов были неизбежны и необходимы.

Несмотря на признание широкого распространения и роли патрон-клиентских сетей в советской системе, изучение этого явления как конкретно-исторической проблемы трудно признать достаточным. Давние традиции имеет постановка вопроса о патрон-клиентских отношениях в политической сфере. Вслед за важными работами Т. Г. Ригби, привлечшего внимание к этой проблеме несколько десятилетий назад³⁰⁷, появились другие публикации, в том числе мотивированные частичным открытием архивов советского периода.

Историки ставят вопрос о системообразующей роли патрон-клиентских сетей в советской политической системе, что позволяло ей функционировать даже в периоды значительных потрясений³⁰⁸. Изучаются номенклатурные сети на уровне регионов, которые периодически подвергались атакам со стороны центра, но никогда не утрачивали своего ключевого значения. Исследования показывают, в частности, что региональные партийные секретари являлись, с одной стороны, лидерами местных руководящих сетей, а с другой – сами входили в неформальные сообщества, группировавшиеся вокруг отдельных высших руководителей, членов Политбюро. Такая система облегчала лоббирование региональных интересов и усиливала административные возможности местных секретарей³⁰⁹. Внимание привлекают патрон-клиентские отношения в среде советской творческой интеллигенции, искавшей покровителей среди руководителей партии-государства³¹⁰. Вместе с тем действие патрон-клиентских отношений во многих других областях, например в сфере экономики, которая является центральной для этой книги, практически не изучается.

На основании имеющихся исследований о неформальных отношениях в литературе представлены их типология и сравнительный анализ. Показано, что известные практики теневого взаимодействия во многих странах и в разные исторические эпохи были похожи, но и различались между собой, по крайней мере если вести речь об их идеальных типах³¹¹. Априори можно предположить, что использование блага, как правило, не предполагало дачу взяток, а строилось на взаимных услугах, личных отношениях, включая родственные и т. д. Одноразовая выплата взятки для решения определенной проблемы вряд ли предполагала установление между взяткодателем и взяткополучателем устойчивых и длительных отношений по принципу патрон-клиент.

³⁰⁷ Широко известны его первые статьи по проблеме: *Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin*, *Soviet Studies*. 1981. Vol. XXXIII. № 1. P. 3–28; *Idem. Political Patronage in the USSR from Lenin to Brezhnev*. *Politics*. 1983. Vol. XVIII. № 1. 1983. P. 84–89. Основные работы по теме см.: *Idem. Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev*. Aldershot: Edward Elgar, 1990.

³⁰⁸ *Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России*. М.: Росспэн, 2010.

³⁰⁹ *Fairbanks Ch., Jr. Clientelism and Higher Politics in Georgia, 1949–1953* // *Transcaucasia: Nationalism and Social Change. Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia* / Ed. R. G. Suny. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983. P. 339–368; *Harris J. R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca: Cornell University Press, 1999; *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941* / Ed. E. A. Rees. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2002; *Люшилин Е. Л. Красный Олимп. Советско-партийное руководство Дальневосточного края в процессе социально-экономического развития региона. 1926–1938*. Хабаровск: Арно, 2011; *Хлевнюк О. В. Взаимоотношения центра и регионов в 30-е годы: «лоббирование» и «клиентелизм» в сталинской системе управления* // *Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество)*. 2004. № 3. С. 79–98; *Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era* // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. № 2. P. 203–232; *Gorlizki Y., Khlevniuk O. V. Substate Dictatorship: Networks, Loyalty, and Institutional Change in the Soviet Union*. L.; New Haven: Yale University Press, 2020.

³¹⁰ *Фицпатрик Ш. Срывайте маски!* Гл. 10; *Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

³¹¹ *Ledeneva A. V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Патрон-клиентские отношения в истории и современности*. Хрестоматия. М.: Росспэн, 2016; *The Global Encyclopaedia of Informality*. Vol. 1–2. / Ed. A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018.

В свою очередь, патрон-клиентские сети не обязательно были основаны на взятках, а могли скрепляться иными механизмами, например так называемым обобщенным обменом – дарами, услугами, гостеприимством и т. д.³¹² Не всякие знакомства и поддержка обязательно имели патрон-клиентский характер. Они могли быть равноправными и скорее приближаться либо к практикам блата, либо к взаимодействию на основании регулярных выплат взяток. Очевидно, что для убедительной систематизации таких многообразных явлений необходимо накопление конкретных фактов, изучение репрезентативного количества отдельных случаев. С этой точки зрения организация Павленко, широко применявшая различные из описанных выше методов теневого взаимодействия, также представляет немалый интерес.

---

³¹² *Эйзенштадт Ш. Н., Ронигер Л.* Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности. С. 379–383.

Приобретение покровителей

Как было показано в главе 2, павленковское УВС начиналось с поиска хозяйственных руководителей, которые были готовы предоставить организации заказы, денежный аванс, материалы и технику для выполнения работ. Павленко взамен предлагал кадры, имевшие опыт деятельности в строительной сфере. Мы не знаем, какие разговоры и при каких обстоятельствах вел Павленко с управляющим трестом «Львовуголь» Л. Плятченко, который согласился подписать договор на строительство дороги к шахте.

Очевидно, что этот первый контракт было подписать труднее всего. Павленко и его организацию никто не знал. Заказчик покупал «кота в мешке». По показаниям Константинова, Плятченко получил взятку³¹³. Однако, как будет показано далее, к свидетельствам Константинова нужно относиться с долей недоверия, поскольку он очень старался угодить следствию и обвинял в получении взяток (причем неправдоподобно крупных) всех и каждого³¹⁴. Не похоже, что у Павленко на этой начальной стадии до заключения первого договора вообще были деньги на взятки³¹⁵. С другой стороны, у руководства Львовского треста были основания довериться Павленко вполне бескорыстно по причине отсутствия свободных строительных мощностей.

Судя по документам, сочетание деловых и личных интересов было движущей силой взаимодействия Павленко с чиновниками на следующих этапах. Так, новый руководитель треста «Львовуголь» А. А. Датуашвили действительно получал взятки. Однако Павленко связывали с ним не только деньги. Датуашвили после первых успешных проектов и укрепления личных связей с Павленко мог быть уверен, что, отдавая заказы УВС, он не рискует главным – угрозой невыполнения планов строительства. Пока такой угрозы не было, минимальным оставался и риск разоблачения самого взяточничества.

Взаимная зависимость усиливалась по мере вовлечения в новые проекты, которых в 1948–1949 годах становилось все больше. Павленко, как и другим агентам советской экономики, требовалось обеспечение условий бесперебойной деятельности корпорации и ее снабжение в соответствии с заключенными договорами. Это в значительной степени зависело от Датуашвили. Ему, в свою очередь, было необходимо, чтобы договоры, которые он утверждал и под которые выделялись государственные деньги, своевременно и качественно выполнялись. Взятки были дополнительной подпиткой для этих взаимовыгодных деловых отношений.

Вместе с тем взятки, которые получал Датуашвили от Павленко, касались не только их совместных проектов. В качестве покровителя Датуашвили оказывал Павленко своеобразные консультационные услуги и сводил его с нужными людьми в руководстве угольной промышленности. Фактически он продавал свои связи и репутацию. Рекомендации Датуашвили действовали через механизмы сетевого доверия в аппаратной среде, о которых будет подробнее сказано в следующем параграфе.

Датуашвили ввел Павленко в мир вышестоящих руководителей угольной отрасли. То, как воспользовался Павленко новыми знакомствами и сумел ли он их укрепить, зависело уже от него самого. Чем выше становились связи Павленко, тем больше они зависели не от открытых денежных взяток (которых вообще могло не быть), а от умения налаживать личные отношения, демонстрировать свою компетентность, готовность оказывать «дружеские услуги» и гостеприимство покровителю.

Первым в ряду высоких угольных начальников, с которыми Павленко начал выстраивать такие отношения, был «угольный генерал» Л. Д. Вергасов, начальник республиканского шах-

---

³¹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 96, 112–113.

³¹⁴ См. главы 4, 7.

³¹⁵ См. главу 2.

тостроительного главка в Украине. С Павленко его познакомил Датуашвили летом 1949 года³¹⁶. В это время решался вопрос о возможности получения Павленко первого действительно крупного заказа на строительство дорог к Порицким шахтам. Объект находился в ведении треста «Львовуголь», которым руководил Датуашвили. Но для решения столь значительного вопроса требовалось заручиться поддержкой вышестоящего начальства, а именно Вергасова. Павленко, как уже говорилось, организовал вывоз Вергасова на свои объекты. Показательное выступление прошло успешно. В сентябре 1949 года Вергасов прибыл в трест «Львовуголь» и вместе с Павленко, Датуашвили и другими работниками отправился в инспекционную поездку для осмотра строительных площадок шахт и поселков в районе города Владимира-Волынского. К тому времени вопрос о договоре с организацией Павленко на строительство дорог для Порицких шахт был в принципе решен. Речь шла об уточнении деталей.

Пока утрясалось подписание договора с трестом «Западшахтострой», в ведение которого перешли Порицкие шахты, Павленко, чтобы закрепить отношения с Вергасовым, возил его на свои объекты – в район города Коломыя и в Кременец. В этих местах Павленко мог не только организовать для Вергасова хорошие условия пребывания, но продемонстрировать ему результаты работы УВС. Таким образом, тактика Павленко, искавшего покровителей, состояла из двух взаимосвязанных сценариев. Во-первых, он старался продемонстрировать эффективность организации (и свою собственную) в выполнении заказов. Во-вторых, установить с нужным чиновником особые отношения, продемонстрировать ему свое уважение и «дружбу». Как показал Павленко на допросе, поездки по Западной Украине «дали возможность мне близко познакомиться с Вергасовым и в дальнейшем поддерживать с ним близкие товарищеские взаимоотношения»³¹⁷.

Можно предположить, что такие способы были типичными для создания патрон-клиентских связей. Покровитель должен испытывать уверенность, что его подопечный обладает необходимой компетенцией и не подведет его при решении служебных вопросов. Вместе с тем деловые отношения требовали подкрепления личными связями, которые позволяли рассчитывать на взаимное доверие и преданность в неблагоприятных ситуациях. Не стоит сбрасывать со счетов и эмоциональные факторы «дружеских» отношений. И патрон, и клиент для прочности своего союза должны были испытывать друг к другу определенную симпатию, легкость в общении и проведении совместного досуга.

Однако, однажды установленные, патрон-клиентские связи требовали регулярного подтверждения и своеобразной тренировки. Павленко в отношениях с Вергасовым не нужно было изобретать особые поводы для взаимодействия. Их связывали совместные проекты. После строительства дорог для Порицких шахт Павленко занимался железной дорогой для Мукачевского шахтоуправления, что также входило в сферу ответственности Вергасова. Как обычно, возникало немало проблем экономического характера. Весной 1951 года Павленко ездил к Вергасову в Киев для утверждения технического проекта, финансирования и снабжения этого объекта. Просьбы Павленко были в основном удовлетворены³¹⁸.

В июне 1951 года Павленко встретил Вергасова в поселке Ватутино в Киевской области. Вергасов прибыл в командировку в трест «Юрковразрезстрой», а УВС строило для него автодороги. Как всегда, у Павленко имелось немало проблем, требующих разрешения. Нужно было получить жилье для рабочих, финансирование, материалы (камень и бензин). Вергасов оказал

---

³¹⁶ Обстоятельства сотрудничества Павленко с Вергасовым далее изложены на основании показаний Павленко на допросе 10 декабря 1952 года и показаний Константинова 3 декабря 1952 года (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 122, 183–187). См. также главу 2.

³¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 184.

³¹⁸ Там же. Л. 184–185.

помощь. При поддержке Вергасова в это время были решены и вопросы, связанные с оплатой работ по договорам и переброской техники с объекта на объект³¹⁹.

Получили продолжение «дружеские» отношения. Павленко несколько раз обедал с Вергасовым и даже однажды ночевал в его гостиничном номере. Во время этих встреч Вергасов сказал, что собирается в Одессу для устройства семьи в санаторий. Павленко сразу же поменял свои планы и вызвался путешествовать вместе с Вергасовым. Расчет был очевиден. Совместный отдых служил укреплению «дружбы». Павленко «вспомнил», что ему и его жене необходимо лечение в грязелечебнице. В течение двух дней Павленко жил с семьей Вергасовых в одной из одесских гостиниц. По словам Павленко, для отпуска Вергасов одолжил у него 3 тыс. руб., но долг не вернул. Через несколько месяцев Павленко вновь встретился с Вергасовым в Ватутино, где УВС продолжало свои работы. Встречи были неформальными, вместе они гостили у сестры Вергасова, что вновь указывало на их неформальные отношения³²⁰.

На допросе Павленко всячески подчеркивал, что продолжал поддерживать «дружеские» отношения с Вергасовым даже после того, как тот в конце 1951 года потерял свою должность. Уезжая в Москву, Павленко в начале 1952 года заходил к Вергасову на квартиру в Киеве, «как к товарищу». Потом оказал ему помощь в Москве, где Вергасов дожидался нового назначения³²¹. Поддержание прежних связей даже после приобретения новых было важнейшим принципом взаимодействия Павленко с «нужными людьми».

Он не прекратил многолетних отношений с В. М. Цыплаковым, продолжавшим служить в армии в ведомстве аэродромного строительства. Сотрудничал с А. А. Датуашвили после того, как тот был переброшен из треста «Львовуголь» в трест «Калугашахтострой». Это помогло в начале 1952 года получить контракт с трестом «Калугашахтострой». Однако в этом случае одной лишь поддержки Датуашвили было недостаточно. Павленко пришлось обратиться для утверждения договора в Министерство угольной промышленности в Москву³²², где к тому времени он также оброс некоторыми полезными связями.

Приобрел он их при помощи Датуашвили и Вергасова. В период строительства дорог к Порицким шахтам Павленко познакомился с начальником главка шахтного строительства Министерства угольной промышленности СССР А. Т. Картозией. Как уже говорилось, Павленко произвел на высокого начальника «впечатление человека сведущего в вопросах дорожного строительства»³²³. Хорошие отношения Павленко установил с подчиненным Картозии, инженером по строительству шоссейных и железных дорог главка Зайцевым, который выезжал в командировки на Порицкие шахты. Зайцев также был высокого мнения об организации Павленко³²⁴. Павленко несколько раз встречался с Картозией во Львове и на стройке во Владимире-Волынском, а однажды – в Эстонии, куда Картозия выезжал в командировку и где организация Павленко строила дороги для треста «Эстонсланцестрой». По разным вопросам они встречались в Москве. Дважды Павленко посещал московскую квартиру Картозии³²⁵.

В январе 1951 года Картозия познакомил Павленко с замминистра угольной промышленности СССР Э. О. Миндели, который курировал шахтное строительство. Произошло это во время визита Миндели в поселок Сафоново, где Павленко выполнял работы для треста «Дорогобужуголь». Миндели, Картозия и Павленко вместе ужинали в местной гостинице. После

---

³¹⁹ Там же. Л. 184–186.

³²⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 185, 186.

³²¹ Там же.

³²² Там же. Л. 312.

³²³ Там же. Л. 354. См. также главу 3.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. Л. 310–313.

этого Павленко отправился вслед за Миндели в Смоленск, где при его поддержке добился от конторы Промбанка погашения задолженности по оплате работ своей организации³²⁶.

Летом 1951 года А. А. Датуашвили и Л. Д. Вергасов пригласили Павленко на встречу с замминистра угольной промышленности СССР В. Т. Шibaевым и А. Т. Картозией во Львове, куда они прибыли с инспекцией. На этой встрече Павленко удалось решить несколько деловых вопросов³²⁷. В общем, связи с московскими руководителями Павленко пытался выстраивать по оправдавшему себя, хотя и скорректированному сценарию. Следствие не выявило, что Павленко платил высоким московским чиновникам взятки. Однако он демонстрировал им свое умение эффективно работать и «дружить», встречался с ними, как говорилось в справке прокуратуры, «во внеслужебной обстановке»³²⁸.

Следствие не выявило каких-либо незаконных действий московских руководителей в их служебных контактах с Павленко³²⁹. Применительно к организации Павленко эти чиновники решали рутинные вопросы, которые, как правило, касались выполнения условий договоров, заключенных между угольными трестами и УВС. Павленко прибегал к министерским руководителям как к арбитрам в случае, если обязательства трестов по финансированию и материальному обеспечению срывались, что было обычным в советской системе экономических связей.

Таким образом, в Москве Павленко время от времени помогали решать вопросы, которые в принципе должны были решаться и без особых отношений и связей, но при их наличии решались лучше. В свою очередь, московские руководители рассчитывали на готовность Павленко в случае необходимости решать производственные вопросы неформально, по договоренности. Так, по просьбе Картозии Павленко взялся за достройку небольшого участка дороги для треста «Дорогобужшахтострой», хотя материалы и транспорт этот трест не выделил³³⁰.

Только в случае упомянутой в главе 2 премии за рационализаторское предложение прокуратуры настаивали на «незаконной выплате», обмане и хищении государственных средств, хотя на самом деле премия была оформлена в соответствии с законом и за реальную экономию³³¹. Основные претензии к руководителям Министерства угольной промышленности сводились к отсутствию бдительности: они проявили «беспечность» и «не заинтересовались, кем в действительности является Павленко и что за организацию он возглавляет»³³².

Такое «благодущие», однако, не обязательно обуславливалось коррупцией. Было бы неправильно считать, что предприятие Павленко держалось исключительно на взятках. На самом деле строительные работы УВС были востребованы многочисленными государственными организациями и их руководителями. У Павленко и чиновников существовали реальные взаимные интересы. Павленко искал заказы, позволяющие извлекать прибыль. Чиновники были озабочены выполнением работ, которые по разным причинам игнорировали государственные строительные структуры. Это было главной и первостепенной основой взаимоотношений.

Даже самые близкие покровители, такие как Датуашвили, получавший от Павленко значительные выплаты, несомненно, прервали бы с УВС все контакты, если бы узнали о ее подлинной сути. Риски провала в этом случае были чрезвычайно высоки. Доверчивость чиновников всех уровней Павленко не нужно было покупать. «Благодущие» было следствием более

---

³²⁶ Там же. Л. 307–308.

³²⁷ Там же. Л. 185.

³²⁸ Там же. Л. 254.

³²⁹ Показания Константинова, который был особенно активен во время допросов, о взятках руководящим работникам Министерства угольной промышленности СССР, судя по всему, не нашли подтверждения (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 97). См. главу 6.

³³⁰ Там же. Л. 311.

³³¹ Там же. Л. 312, 357; Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 65 об.

³³² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 308, 313.

глубоких факторов, которые действовали помимо Павленко и его организации. Важнейшим среди них был феномен сетевого доверия в аппаратной среде, на котором держалось советское самозванство в целом.

«Благодушие» и «утрата бдительности»: феномен сетевого доверия

Применительно к советской действительности, прежде всего в ее сталинском варианте, историки нередко предпочитают говорить о недоверии или принудительном доверии³³³. Априорные представления о советской жизни нередко рисуют картину всеобщей подозрительности и ослабления доверия между людьми, что стимулировалось государственной политикой террора, поощрения доносов и идеологическими кампаниями бдительности и ксенофобии. В значительной степени это верно. Вместе с тем даже тоталитарная система не способна полностью ликвидировать доверие как важнейший институт социального взаимодействия.

В отношениях между населением и государством его можно заменить принудительным доверием, основанным на страхе или грубой индоктринации. В отношениях между людьми оно может быть сведено до минимума опасениями доносов и риском компрометации «подозрительными связями». Однако в целом вне доверия невозможно решение основной массы проблем повседневной жизни и само существование социума даже в условиях тоталитаризма. А значит, доверие должно сохраняться и проявлять себя в разных формах в разных социальных общностях и группах.

Для прояснения этого вопроса недостаточно априорных социологических конструкций и общего взгляда на некоторые характерные черты советской политической системы. Как верно отмечает Йорам Горлицкий, «одна из сложностей, связанных с доверием, состоит в том, что чем более изощренным является даваемое ему определение, тем сложнее подобрать для него эмпирическое наполнение»³³⁴. Изучение этого «эмпирического наполнения» и уточнение на основе реальных фактов представлений о феномене доверия, несомненно, является важной, хотя и непростой задачей. Кое-что может подсказать в этом отношении и история корпорации Павленко.

В этой книге к феномену «доверия» я буду обращаться дважды. Первый раз сейчас, когда речь пойдет о доверии покровителей и чиновников к Павленко и его организации. Второй раз в главе 4, когда будут анализироваться социальные связи в самой организации.

Итак, деятельность Павленко предоставляет многочисленные свидетельства о широком распространении в среде советских чиновников доверительных отношений и неформального взаимодействия, которое в различных пропагандистских и следственных материалах характеризовалось как «благодушие» и «утрата бдительности». Почему же чиновники, с которыми взаимодействовал Павленко, доверяли ему и принимали на веру его легенду? Какими были рутинные способы взаимодействия в различных административных структурах? Материалы следствия по делу УВС показывают наличие в советском партийно-государственном аппарате феномена сетевого доверия, которым активно пользовался Павленко, как и другие самозванцы, о которых шла речь во введении.

Это явление можно описать следующим образом: установив отношения определенного уровня даже с ограниченным кругом чиновников, можно было приобрести кредит доверия у всей сети, к которой эти чиновники принадлежали, без дополнительного подтверждения своей личности и возможностей у каждого из членов сети. Сетевое доверие было рискованным инструментом, так как потенциально позволяло проникнуть в аппаратную среду опасным

---

³³³ Важное обсуждение этих вопросов на уровне исторических подходов см. в блоке статей под рубрикой «„Товарищи“ и „враги“: советское общество доверия» в журнале «Неприкосновенный запас» (2013. № 6 (92)): Хоскинг Дж. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор; Тихомиров А. Режим принудительного доверия в Советской России, 1917–1941 годы; Хупер С. Доверие и террор: в поисках научного подхода к кадрам; Горлицкий Й. Структуры доверия после Сталина. См. также: Хоскинг Дж. Доверие: история. М.: Росспэн, 2016.

³³⁴ Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 136.

чужеродным элементам, что и произошло в случае с Павленко. Вместе с тем эти риски нивелировались многочисленными преимуществами. Сетевое доверие позволяло сравнительно быстро, минуя официальные бюрократические препоны, решать многочисленные вопросы оперативного управления, поддерживать круговую поруку и взаимопомощь в сетях перед лицом внешних атак со стороны центра или конкурирующих сетей и т. д.

Хорошим конкретным примером действия принципа сетевого доверия является история внедрения организации Павленко в один из секторов экономики Молдавии. Столкнувшись, как уже говорилось, с необходимостью освоения нового рынка, Павленко в 1951 году направил в эту республику своего помощника С. И. Литвина. Тот, как обычно, начал с поиска нужных связей. Первостепенное внимание, судя по всему, было уделено кишиневскому подразделению Промбанка. Это был вполне логичный шаг. Именно через банки шло финансирование подрядных работ, которые интересовали Павленко. Служащие банка были полезны как в будущем, если бы удалось заключить договоры, так и на начальной стадии, поскольку знали состояние дел в строительстве республики и могли порекомендовать потенциальных заказчиков. Дело облегчалось тем, что в Кишиневском отделении банка работала Л. В. Виноградова, бывшая сотрудница отделения банка во Львове, с которой Павленко контактировал в период создания организации. Появление Павленко в кишиневской конторе Промбанка ознаменовалось сценой, которую очевидец позже описал так:

Инспектор нашего отдела Виноградова Л. В. при Павленко буквально бросилась к нему и приветствовала радостными криками. Нам Виноградова пояснила, что фамилия полковника Павленко, что он старый ее клиент по Львовскому промбанку, где она до этого работала и что возглавляемая им часть производила строительные работы где-то в районе города Львова. Такой рекомендации было достаточно, чтобы никто не сомневался в личности Павленко³³⁵.

В общем, механизм сетевого доверия был запущен. Во многом благодаря Виноградовой был облегчен доступ Павленко к заместителю управляющего конторой Промбанка М. Е. Шуману, чрезвычайно важному звену в цепи полезных контактов. Действуя, как показало позже следствие, вполне бескорыстно, Шуман взялся свести нуждавшихся в заказах «военных» и нуждавшихся в помощи молдавских хозяйственников. Скорее всего, он старался оказать услугу даже не столько организации Павленко, сколько своему старому знакомому – заместителю министра пищевой промышленности Молдавии М. А. Азарьеву.

Зная, что у того есть трудности со строительством ряда объектов, Шуман позвонил Азарьеву, и вскоре процесс заключения договоров был запущен³³⁶. Фактически Шуман был первым в длинной цепи контактов Павленко в Молдавии, кто руководствовался принципом сетевого доверия. Позже, объясняя свое «благодушие», он говорил следователю: «...Документами „организации“ и ее представителей, в том числе и Павленко, я не интересовался. Я считаю, что допустил ошибку в данном случае, поверив Виноградовой, которая сказала, что знает Павленко как клиента по Львовской конторе промбанка, кроме того, я отнесся доверчиво к Павленко потому, что он пришел в военной форме и выступал от имени воинской организации»³³⁷.

После звонка Шумана у Азарьева также не было оснований как-то проверять Павленко и его организацию. С одной стороны, ему было важно обеспечить выполнение строительных работ, с другой – рекомендация Шумана играла определенную роль. Очень быстро этот круг доверия к Павленко расширился, захватывая новых чиновников. При поддержке Азарьева Павленко начал готовить договор на строительство подъездной автодороги к совхозу «Гратиешты»

---

³³⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 170–171. Протокол допроса служащего банка М. Б. Вайнштейна.

³³⁶ Ibid. D. 165. F. 104, 113.

³³⁷ Ibid. F. 116.

возле Кишинева. Вместе с директором совхоза С. М. Шендеревым они отправились к Азарьеву просить дополнительные средства. Поскольку неизрасходованные деньги в конце года были, Азарьев вместе с Павленко и Шендеревым пошли для утверждения решения к министру пищевой промышленности Молдавии К. И. Цуркану. Здесь сработал тот же механизм сетевого доверия. Позднее на «беседе» в ЦК компартии Молдавии состоялся примечательный диалог с Цурканом:

- Документов Вы не проверяли у Павленко?
- Я об этом и не думал.
- У Вас никаких подозрений в отношении этой организации не было?
- Не было. Мне сказали, что она везде строит, потом кто-то рекомендовал Азарьеву, кто-то из банковских работников, не из второстепенных³³⁸.

В общем, согласие министра было получено. Павленко зачислил в свой актив посещение еще одного высокого кабинета³³⁹.

Успешно выполнив договор с совхозом «Гратиешты» (выполнение обязательств было важным элементом поддержания отношений доверия), Павленко получил новый контракт на строительство железнодорожной ветки и автодороги для винно-коньячного завода в Тирасполе. Директор завода А. К. Осадчий воспринимал Павленко благодаря его связям как «своего». На допросе в декабре 1952 года он показал:

...Павленко вступал в отношения служебного порядка с министром пищевой промышленности МССР т. Цуркан, его заместителями Азарьевым и Рожанским, начальником Молдглаввино... причем с Азарьевым Павленко встречался у меня в кабинете... В г. Тирасполе Павленко встречался с председателем горисполкома и с секретарем горкома³⁴⁰.

По тем же мотивам доверял Павленко начальник строительно-монтажного управления Молдавпищестроя Б. Ю. Шмурак. На допросе он объяснил: «Никаких документов он (Павленко) мне не предъявлял, мне был предъявлен уже готовый договор. Слышал, что доверенности на заключение договора он не имел и действовал на основании какого-то приказа. В данном случае я документы не проверял, поскольку договор заключался с Осадчим и, кроме того... Павленко был мне представлен зам. министра Азарьевым»³⁴¹.

Деловые контакты с хозяйственниками перерастали в более широкие связи с местными руководителями всех уровней. В период строительства железной дороги в Бельцах Павленко по совету Азарьева обратился к секретарю местного горкома партии, получив от него поддержку в решении ряда хозяйственных вопросов³⁴². В Тирасполе он дважды по деловым вопросам встречался с секретарем горкома партии³⁴³. Такие знакомства и встречи были важны для организации. Связи с партийными, советскими, милицейскими и т. д. чиновниками позволяли решать многочисленные проблемы, возникавшие в повседневной жизни, разгружать конфликтные ситуации и избегать лишних вопросов об организации.

Здесь также играл важную роль принцип сетевого доверия. Примелькавшийся в «светских» собраниях Павленко воспринимался как «свой» человек, заслуживающий доверия, потому что ему доверяли другие члены местного номенклатурного сообщества. Как объяс-

---

³³⁸ Ibid. D. 166. F. 168.

³³⁹ Ibid. D. 165. F. 105.

³⁴⁰ Ibid. F. 93.

³⁴¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 133.

³⁴² Ibid. F. 98.

³⁴³ Ibid. F. 93, 100.

нял позже начальник Тираспольского военного гарнизона, инженер-полковник Павленко он «неоднократно видел в городских организациях и даже был с ним познакомлен у председателя Тираспольского горсовета». Ориентируясь на это, военный начальник не выяснял характер организации Павленко, хотя знал, что она не встала на учет в Тираспольском гарнизоне³⁴⁴.

Эта «молдавская модель», которая применялась на излете существования организации Павленко и поэтому достаточно хорошо задокументирована, была повторением схем, применявшихся им и в других случаях.

---

³⁴⁴ Ibid. F. 91.

Типы знакомств и связей

В своих показаниях на допросах Павленко заявлял, что его связи с большинством чиновников были формальными, деловыми: «С работниками Госбанка у меня были только служебные отношения, которые не носили корыстного и преступного характера с их стороны...» Признавая отдельные факты взяток, Павленко утверждал: «Другим руководителям предприятий я денег не давал и в преступления их не втягивал. Мне известно, что платились деньги отдельным лицам за составление смет и проектов или же за производимые работы по разведке, за привязку проекта к местности или вынос проекта в натуру. Но эти люди вряд ли знали о том, что это преступные деньги»³⁴⁵. Всячески подчеркивали свои сугубо деловые отношения с Павленко сами хозяйственные руководители, сотрудничавшие с ним³⁴⁶.

Очевидно, что эти утверждения отчасти можно объяснить желанием скрыть противоправные действия. Однако, как уже говорилось, отношения Павленко и его контрагентов в своей основе действительно были формальными, поскольку основывались на взаимном интересе в реализации строительных проектов. Для хозяйственников это означало крайне необходимое выполнение государственных планов. Для Павленко – не менее насущную возможность зарабатывать.

На этой основе в принципе были возможны и действительно существовали формальные контакты. К их числу можно отнести, например, эпизодическое взаимодействие с руководителями Тираспольского округа, которые по просьбе Министерства пищевой промышленности Молдавии помогали с размещением рабочих УВС, установкой телефона и сносом ряда строений, мешавших прокладке железнодорожной ветки³⁴⁷. Следствие не выявило в этих действиях корыстных мотивов. Местные власти были заинтересованы в строительстве дорог и не меньше зависели в этом отношении от Павленко, чем он от них. Покровительства со стороны нескольких высокопоставленных руководителей было достаточно, чтобы низовые работники просто выполняли свои обязанности, оказывали Павленко содействие, как говорилось в материалах следствия, «без корыстной заинтересованности»³⁴⁸.

Однако такие формально-служебные отношения нередко перерастали в нечто большее. Реальности советской дефицитной экономики, а также российско-советские традиции взаимодействия с чиновниками способствовали персонализации формальных связей, поиску покровителей и выстраиванию системы знакомств. Периодически приходилось поощрять и рядовых исполнителей, чтобы они работали с необходимой скоростью и тщательностью. У Павленко были дополнительные основания следовать этой тактике. Фиктивный характер организации заставлял думать и о том, как притупить излишнюю бдительность чиновников, прежде всего тех, кто проверял документы и оплачивал счета.

Для выстраивания отношений покровительства, знакомств и неформального поощрения существовали различные способы, самым радикальным из которых были денежные взятки. С самого начала следствие обращало на это особое внимание, выясняя круг пособников Павленко³⁴⁹. Длительными были коррупционные связи Павленко с руководителем треста «Львовуголь» А. А. Датуашвили. На начальном этапе существования УВС именно через

---

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 167. Аналогичные показания Павленко см.: Там же. Л. 179.

³⁴⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 103–111. Протокол допроса замминистра пищевой промышленности МССР М. А. Азарьева.

³⁴⁷ Ibid. F. 98, 100.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 94–95, 183–192.

³⁴⁹ Там же. Л. 31, 94, 96–107, 143–146, 204.

него проходили основные контракты организации. Впоследствии Датуашвили возглавил трест «Калугашахтострой» и продолжил сотрудничество с УВС.

Показания Павленко и Клименко по поводу общего размера взяток Датуашвили были неопределенными. Назывались суммы до 40 тыс. или «десятки тысяч рублей»³⁵⁰. Константинов утверждал, что Датуашвили получил в общей сложности 200 тыс. руб.³⁵¹ Последняя цифра составляла огромную сумму, равную оплате за некоторые небольшие подряды УВС или стоимости десяти автомобилей «Победа», каждый из которых Константинов приобретал, по его словам, для организации за 21 тыс. руб.³⁵² Желая угодить следователям, Константинов явно преувеличивал размеры взятки. Понимая это, следствие не приняло их в расчет. В конечном счете трибунал по делу Павленко и других руководителей организации вменил Датуашвили в вину получение в виде взяток 35–40 тыс. руб. В приговоре в отношении Датуашвили, который проходил по другому судебному процессу, эта цифра была снижена до 12 тыс. руб.³⁵³

Правой руке Датуашвили, главному бухгалтеру трестов «Львовуголь» и «Калугашахтострой», как говорилось в приговоре трибунала, было выплачено 25–28 тыс. руб. Давнишнему знакомому и покровителю Павленко подполковнику В. М. Цыплакову – 12–15 тыс. руб. Управляющему комбинатом «Украинуглестрой» Л. Д. Вергасову – 6 тыс. руб. Начальнику Золочевского управления и Порицкого стройуправления – 15–18 тыс. руб. Главному инженеру «Юрковуглеразрез» – 8 тыс. руб. Заместителю управляющего трестом «Западшахтострой» – 7–8 тыс. руб. Управляющему львовской межобластной, а затем белорусской республиканской конторой Промбанка М. В. Андриевскому – 10 тыс. руб. Главному инженеру, а затем управляющему Львовской конторой Промбанка – 5 тыс. руб. Директору Здолбуновского цементного завода – 10–12 тыс. руб. Судом было установлено, что всего в виде взяток различным должностным лицам было роздано свыше 200 тыс. руб. наличными. При этом говорилось, что организация Павленко «запутала в свои сети свыше 80 человек»³⁵⁴.

В общей сложности на 10 перечисленных наиболее крупных взятчиков приходилось от 133 до 150 тыс. руб. Получается, что еще 70 коррупционеров в общей сложности получили 50–67 тыс. руб., т. е. от 700 до 950 руб. на человека. Взятки, по признаниям арестованных, они выплачивали и другим низовым руководителям, бухгалтерам, работникам банков, милиционерам и сотрудникам госбезопасности, партийным работникам, военным³⁵⁵. Секретарь Бориславского горкома партии Дрогобычской области В. И. Бороздин получил от Павленко ружье и деньги. Зато, когда у организации возникли проблемы с подвозом песка для строительства дорог в городе, секретарь горкома принял меры. Он дал указание начальнику милиции выделить автоинспектора, который останавливал грузовой транспорт, идущий на Борислав, для загрузки песком³⁵⁶.

Вместе с тем в число 80 функционеров, «запутанных в сетях» Павленко, суд, очевидно, включил также тех, кто получал не денежные взятки, а различные подношения. В ряде случаев ценность таких подарков была сопоставима со значительной денежной взяткой. Так, управляющий Здолбуновским управлением Госбанка якобы получил от Павленко автомобиль «Москвич», управляющий Дубнинским отделением Госбанка – «Мерседес», начальник Звенигородского райотдела МГБ – автомобиль «Победа»³⁵⁷.

³⁵⁰ Там же. Л. 158.

³⁵¹ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 62–63, 86; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 96, 137.

³⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 131.

³⁵³ Там же. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 18001. Л. 1–2.

³⁵⁴ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 72, 72 об.

³⁵⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 96, 97, 99, 101, 102, 106, 107.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 107, 120.

³⁵⁷ Там же. Л. 101, 103.

Однако нередко натуральные формы подношений были не очень значительными и напоминали скорее практики блата, т. е. оказания взаимных услуг без ярко выраженной коррупционной составляющей. Каким образом Павленко выстраивал такие отношения, показывает пример М. Е. Шумана, одного из чиновников конторы Промбанка в Кишиневе. Как уже говорилось, он порекомендовал Павленко своему знакомому, замминистра пищевой промышленности Молдавии, как потенциального исполнителя подрядных работ. Шуман помог Павленко вполне бескорыстно. Во всяком случае, следствие не выявило иных мотивов.

В декабре 1952 года Шуман как свидетель был подвергнут в Кишиневе допросу следователем Главной военной прокуратуры. Он рассказал, что, получив помощь в поиске контракта, Павленко сразу же попытался закрепить отношения с Шуманом предложением встречных подношений. В один из дней Павленко сказал ему: «Вам, наверное, мало платят», а после этого в разговоре заметил: «В городе нет муки. Я вам муку подброшу». Шуман отказался. Больше подобных предложений Павленко ему не делал³⁵⁸.

Из показаний Шумана неясно, шла ли речь о бесплатном подношении дефицитных продуктов или ему пришлось бы за них заплатить. Можно предположить, что такими приемами для начала сотрудничества Павленко пользовался неоднократно. Не удивился словам Павленко и сам Шуман. В ответ на вопрос следователя, не насторожили ли его действия Павленко, он ответил: «Для того чтобы ослабить контроль со стороны конторы промбанка, такие предложения иногда делают клиенты, поэтому предложение Павленко, я расценивал также, как попытку ослабить контроль со стороны конторы промбанка за расчетами, возглавляемой им организацией с заказчиками»³⁵⁹.

Это признание обыденности подношений вполне отражало советскую реальность. Павленко и его сотрудники далеко не всегда получали отказ. Следствие выявило многочисленные случаи подарков, услуг и натуральных подношений, принятых чиновниками. Самым распространенным среди них были застолья с обильным употреблением спиртного. Во время таких мероприятий завязывались и укреплялись знакомства, решались различные вопросы. Совместное употребление спиртных напитков рассматривалось как важный показатель лояльности и готовности поддерживать отношения. И, наоборот, отказ от коллективного употребления спиртного – как признак нежелания вступать в слишком тесные контакты и опасения компрометации.

Материалы следствия показали, что Павленко и его помощники регулярно организовывали застолья для хозяйственников, с которыми они работали, и для местных руководителей, на территории которых размещались строительные объекты³⁶⁰. Обычным делом были банкеты после заключения договоров³⁶¹. Директор Тираспольского винно-коньячного завода дал такие показания о встречах с Павленко «во внеслужебной обстановке»: «... В расположении организации выпивали с ним раза два... Ездил на пляж в выходной день...», принимал Павленко и его сотрудников также дома³⁶². В период реализации договоров на шахтах Мукачевского управления Павленко, как утверждали свидетели, систематически пил с его руководством в ресторане или на квартирах³⁶³. Подобные застолья были организованы также для руководства строительства Тираспольского стеклотарного завода, с которым был заключен контракт за несколько месяцев до разоблачения организации³⁶⁴.

³⁵⁸ АОСПРМ. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 115.

³⁵⁹ Ibid. F. 117.

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 98, 120, 179–181.

³⁶¹ Там же. Л. 117.

³⁶² АОСПРМ. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 173. См. также аналогичные показания Павленко (Ibid. F. 99).

³⁶³ АОСПРМ. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 64.

³⁶⁴ Ibid. F. 65.

Для большей эффективности практик гостеприимства Павленко уделял особое внимание созданию комфортных условий в местах базирования организации. Здесь обустривались помещения, в которых можно было не только работать, но принять и разместить гостей. Как свидетельствовал Константинов, после получения контрактов в Станиславской области Павленко поручил ему подыскать здание для нового «штаба» организации. Однако предложенный вариант в городке Болехове Павленко не понравился. Он предпочел более привлекательный, хотя и затратный проект в бальнеологическом курорте Моршине. Здесь через начальника курортного управления был получен и отремонтирован пустующий двухэтажный дом. Взамен Павленко обещал местному курортному управлению помощь транспортом и проведением дорожных работ³⁶⁵.

В условиях всеобщего дефицита взятки часто давались продуктами и услугами. Для строительства личного дома управляющего Тираспольским отделением Госбанка руководители УВС выделяли автомашины и доставляли песок³⁶⁶. Начальник отдела капитального строительства Тираспольского винно-коньячного завода получал от руководителей УВС мясо, картофель, иногда питался на кухне стройплощадки³⁶⁷. Начальник погранзоны Эстонской ССР разрешил организации Павленко вывозить гравий из запретной погранзоны и получил в благодарность бочку помидор³⁶⁸. Некоторым работникам Министерства угольной промышленности Павленко подарил несколько килограммов белой муки и фрукты³⁶⁹.

Не исключено, что в ряде случаев для деловых связей использовались связи руководителей УВС с женщинами. В материалах следствия упоминалось, что в Могилеве Павленко сошелся с главным бухгалтером конторы Промбанка³⁷⁰. Еще один участник организации сожительствовал с главным бухгалтером Сафоновского отделения Госбанка³⁷¹.

Все эти факты позволяют провести некоторую систематизацию контактов и связей организации Павленко с чиновниками и служащими разных уровней. Большинство таких контактов устанавливались и функционировали в рамках отношений знакомств и блата. Они были преимущественно равными и предполагали культивирование личной «дружбы» при помощи различных услуг, гостеприимства в виде застолий, эпизодических натуральных даров и/или нерегулярных денежных взяток. Над этими самыми распространенными практиками повседневных связей возвышались более редкие и иерархические патрон-клиентские отношения. В разное время Павленко старался выстраивать их прежде всего с несколькими руководителями угольной отрасли – с Датуашвили во Львове, с Вергасовым в Киеве, с работниками Министерства угольной промышленности СССР в Москве. Вместе с тем клиентелизм Павленко в каждом из этих случаев имел свою специфику и разный статус.

Особые отношения с Датуашвили были основаны в большей мере, чем в других случаях, на материальных интересах обеих сторон. Датуашвили давал Павленко возможность заработать на заказах, осуществлял поддержку оперативной деятельности организации и обеспечивал ее новыми связями с чиновниками. За эту организационно-консультативную работу и лоббирование Датуашвили получал деньги, фактически находился на службе у Павленко, хотя и нелегально. Эти материальные отношения в определенной мере выравнивали статусы Датуашвили и Павленко, особенно после того, как Павленко укрепил свое положение, а Датуашвили был переведен из Львова в Смоленскую область и утратил значительную часть своих возмож-

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 121.

³⁶⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 66, 86, 138.

³⁶⁷ Ibid. F. 65.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 104.

³⁶⁹ Там же. Л. 191.

³⁷⁰ Там же. Л. 101.

³⁷¹ Там же. Л. 102.

ностей. Скорее всего, можно говорить о специфических, неполных патрон-клиентских отношениях между Датуашвили и Павленко.

В более чистом виде клиентелизм Павленко проявлялся в его взаимодействии с «угольным генералом» Вергасовым. В этом случае связи не начинались и не заканчивались взяткой, а сам акт материального вознаграждения имел относительно ограниченный и эпизодический характер. В отношениях Павленко с Вергасовым преобладали практики, которые специалисты по патрон-клиентским отношениям называют «обобщенным обменом»³⁷². В отличие от прямых материальных отношений в виде взятки речь здесь в гораздо большей мере шла о символической демонстрации уважения и лояльности, о создании преддоговорных элементов взаимодействия.

Завоеывая доверие Вергасова, Павленко ориентировался прежде всего на укрепление личных контактов, которые характеризовал как «дружбу», в том числе подкрепленную совместным времяпрепровождением и застольями. Взаимодействие Павленко с «патронами» из Министерства угольной промышленности СССР можно считать еще одной разновидностью клиентелизма. Он был основан исключительно на обобщенном обмене, главным образом на демонстрации уважения посредством гостеприимства и застолий, что лишь подкрепляло чисто формальные служебные отношения.

Особым пунктом в оценке Павленко как клиента чиновников, принимающих решения, важно отметить фактор, который, как правило, не попадает в поле зрения теоретических моделей патрон-клиентелизма, но, как показывают приведенные выше факты, играл в них не последнюю роль. Для приобретения влиятельных знакомств Павленко требовалось доказывать свою эффективность как руководителя и исполнителя контрактов. Это было не менее важно, чем убедить потенциальных покровителей в своем дружеском расположении, в уважении их старшинства и в готовности немедленно отозваться на призыв об оказании услуги. Демонстрация деловой эффективности и умения «дружить» – такими были главные лозунги Павленко во взаимодействии с внешним миром. Их реальное воплощение в жизнь во многом зависело, однако, от командных действий всей корпорации, прежде всего от соратников и помощников.

---

³⁷² *Эйзенштадт Ш. Н., Ронигер Л.* Патрон-клиентские отношения. С. 379–380.

Глава 5

«РУКОВОДЯЩЕЕ ЯДРО ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»

Проведя широкие задержания и аресты, госбезопасность и прокуратура достаточно быстро выявили структуру организации Павленко³⁷³. Следователям нужно было определить степень виновности каждого из причастных к корпорации, отделить руководителей от исполнителей и невольных соучастников. Возможно, наиболее проницательные из прокуроров заметили, насколько точно иерархия УВС отражала иерархию советской системы.

Во главе организации стоял свой «вождь» – Павленко. Он имел значительную власть, стремился любыми доступными ему средствами поддерживать отношения «начальник – подчиненные» и распоряжался значительными материальными ресурсами. Однако Павленко, как и большой «вождь», не мог действовать в одиночку. Ему приходилось опираться на группу соратников, составлявших своеобразную «номенклатуру». В приговоре суда ее называли «руководящее ядро преступной организации»³⁷⁴.

Это были хорошо известные лично Павленко люди. Они занимали важные административные посты в УВС – управляли финансами, снабжением, возглавляли отдельные строительные участки. Некоторые выполняли менее ответственные, но важные функции. Помимо привилегированного положения в организации, их объединяла причастность к тайне. Они знали, чем реально является УВС и как работает машина получения и выполнения заказов. В их руки, наконец, попадала заметная часть доходов организации. Это ядро составляли, судя по всему, около 25 человек.

Как и в стране в целом, руководители опирались на военную и полицейскую силу – специально созданную охрану под видом военнослужащих. Их набирали разными способами, в том числе из рабочих, поступивших в организацию и достигших призывного возраста. Переход в охрану представлял собой движение вверх по социальной лестнице. Охранники не просто несли караульную службу, но нередко (по крайней мере, некоторые из них) выполняли роль секретных агентов, следивших за настроениями и действиями рядовых рабочих. Материальное обеспечение охранников было повышенным. Численность охраны в документах определялась по-разному. Видимо, в среднем это было около трех десятков человек. Подробнее об этой военизированной структуре организации будет сказано в следующей главе.

Самую многочисленную категорию членов УВС, как уже говорилось в главе 3, составляли рядовые рабочие различных строительных профессий. Как правило (возможно, были исключения), они даже не догадывались об истинном характере организации. Они приходили зарабатывать, а в ряде случаев одновременно скрывались от сложных жизненных обстоятельств. В зависимости от масштабов выполняемых работ на строительных площадках корпорации могло находиться от нескольких десятков до нескольких сотен рабочих.

Эти сотни людей представляли собой достаточно пестрый и сложный конгломерат, управлять которым было непросто, особенно учитывая повышенные риски, проистекавшие из фальшивого прикрытия УВС. Опыт, умение взаимодействовать и сплоченность руководящего звена организации играли в связи с этим особую роль.

---

³⁷³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 55–56.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 75 об.

Соратники и кадры

Ядро организации составляли ближайшие сотрудники Павленко, знавшие о ее тайне и выполнявшие в ней важные функции. Круг этих лиц следствие определяло постепенно по мере допросов арестованных и сбора информации. С самого начала Павленко сообщил, что в руководство УВС помимо него входили 20 человек³⁷⁵. Он назвал их фамилии и должности. Перечисляя своих сотрудников в определенном порядке, он, вероятно, вольно или невольно демонстрировал свое понимание их значимости в УВС. На три высшие позиции Павленко поместил И. П. Клименко, отвечавшего за финансы, С. И. Туркина, начальника снабжения, и Ю. Б. Константинова, выполнявшего широкий круг обязанностей оперативного характера. Далее Павленко назвал группу начальников строительных площадок и прорабов – Г. В. Курицын, М. Н. Федоренко, И. В. Невинский, С. И. Литвин, А. Г. Губский.

В середине списка Павленко расположил лиц, формально выполнявших менее важные, но необходимые функции. Л. Г. Рудниченко был механиком, занимавшимся растущим парком машин и механизмов. По совместительству именно он вырезал фальшивые печати организации, обеспечивающие ее псевдолегальное существование. В. С. Чеховский работал шофером и автомехаником, но как племянник Павленко служил доверенным лицом для выполнения различных поручений, например при перевозке наличных денег. М. А. Завада числился главным инженером и со времени войны играл в организации важную роль. Однако еще до разгрома он перешел на службу в армию, возможно, поэтому Павленко не упомянул его в числе первых в списке. Завершала список группа прорабов, десятников, бухгалтеров и расчетчиков.

На этапе следствия представления прокуроров о составе «ядра преступной организации» менялись. На скамью подсудимых по основному процессу по делу УВС в конце 1954 года, о чем будет подробно сказано в последней главе, попала половина из первоначального списка, озвученного Павленко, – Клименко, Туркин, Константинов, Курицын, Федоренко, Рудниченко, Чеховский, Губский, Литвин, Невинский. Зато кроме них к руководящей группе следствие причислило и вывело на трибунал еще шесть человек. П. Н. Монастырский, родственник Павленко, к которому он в 1948 году приехал во Львов, обвинялся как связник и агент организации. Я. С. Максименко и И. М. Пашун в разное время выполняли функции начальников охраны и решали финансовые вопросы на разных строительных участках. Ф. П. Губский, В. С. Алабушев и И. Ф. Костюченко также занимались финансами – открывали счета и получали наличность.

Очевидно, на определенном этапе следствие ввело в состав «ядра организации» всех членов УВС, причастных к открытию банковских счетов и операциям с наличностью. Доступ к финансам действительно являлся важным показателем вовлеченности того или иного члена организации в ее дела. Некоторые участники организации, названные Павленко, были осуждены дополнительно как сравнительно второстепенные обвиняемые³⁷⁶.

Таким образом, сопоставление списка Павленко и состава подсудимых на трибуналах по делу УВС указывает на причастность к ядру организации около 25 человек. Очевидно, у этой группы существовала определенная периферия, например водители автомашин, выполнявшие, как это часто бывает, помимо своих основных обязанностей различные функции и поручения, а поэтому многое наблюдавшие и о многом догадывавшиеся. Однако документы для изучения этой категории членов УВС пока недоступны.

Итак, на допросе после ареста Павленко в числе первых своих «соучастников по преступной деятельности» назвал Ивана Петровича Клименко. Они были земляками, родом из сосед-

---

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 174–175. Протокол допроса 26 ноября 1952 года.

³⁷⁶ См. главу 8.

них районов Киевской области и примерно одного возраста³⁷⁷. Схожей была судьба их семей. Отец Клименко в годы нэпа имел, как тогда говорили, «средняяцкое» хозяйство – 7 гектаров земли, лошадь, двух коров, занимался торговлей кожами. Как торговец в период коллективизации он лишился избирательных прав. В 1932 году, во время голода, уехал на заработки и в конце концов осел на станции Павшино под Москвой, куда забрал всю семью. Работал возчиком на своей лошади. Иван Клименко пошел по стопам отца, тоже работал возчиком. В этом качестве в начале 1941 года он поступил в артель «Пландорстрой» в подмосковном Солнечногорске, которой руководил Павленко.

По какой-то причине 30-летний Клименко не был призван в армию, а продолжал трудиться в Солнечногорске до его занятия немцами. В декабре 1941 года, после освобождения Солнечногорска Клименко возвратился и попытался собрать имущество артели. Местные власти поручили ему проводить разные работы по городу. Вскоре в Солнечногорск приехал Павленко и превратил остатки артели в фальшивую военно-строительную часть. С этого времени и до окончания войны Клименко работал вместе с Павленко. Павленко присвоил ему звание «старший лейтенант». Клименко выполнял важные функции начальника финансовой части организации.

После «демобилизации», проведенной Павленко теми же нелегальными методами, что и создание самой воинской части, Клименко не вступил в новую артель «Пландорстрой» в Калинин. Однако, по данным суда, он участвовал в операциях Павленко, играя роль представителя УВР. После бегства из Калинина в начале 1948 года Павленко вызвал Клименко во Львов. Он сразу же посвятил его в суть задуманной новой операции по созданию УВС³⁷⁸. Клименко, как особо доверенный человек, играл в новом предприятии важную роль. Как и прежде, он заведовал финансами. «Клименко дисциплинирован, не пьяница, на него я мог положиться во всем, мои распоряжения выполнял аккуратно, умел хранить тайну организации», – объяснил Павленко следователю³⁷⁹.

Как уже говорилось, вместе с Павленко во Львов из Калинина приехал Сергей Ильич Туркин и сразу же влился в состав новой теневой организации. По словам Павленко, он был с самого начала посвящен в реальные планы ее создания³⁸⁰. Ничего удивительного в этом не было. В 1942 году в возрасте 24 лет Туркин примкнул к организации Павленко и прошел с ним весь путь до конца. По анкетным данным, Туркин окончил всего несколько классов начальной школы. Однако, судя по всему, он имел хорошую деловую хватку, приобрел разнообразный опыт по добыванию ресурсов любыми способами. Туркин отвечал в УВС за снабжение и, как говорилось в приговоре суда, «добывал преступным путем автотранспорт, запасные части, авторезину, строительные материалы и другое имущество, необходимое для УВС»³⁸¹.

В конце 1942 года к организации Павленко примкнул 25-летний Григорий Васильевич Курицын. При «штабе» УВР-2 во время войны он выполнял роль снабженца. На его счету числились многочисленные кражи и незаконные операции, которые затем будут поставлены организации в вину. В марте 1948 года Курицын, также убежав после ревизий «Пландорстроя» из Калинина, присоединился к Павленко во Львове. С этого момента он был активным участником УВС, занимаясь добыванием ресурсов любыми способами. Павленко утверждал, что посвятил его в тайну организации в 1949 году³⁸². Конечно, трудно предположить, что Курицын до этого не понимал подлинный характер деятельности, в которую был вовлечен. С 1951 года

³⁷⁷ Сведения о Клименко взяты из протокола его допроса: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 193–199.

³⁷⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 21. Показания Павленко.

³⁷⁹ Ibid.

³⁸⁰ Ibid. F. 22.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 80 об.

³⁸² AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 21–22.

Курицын выполнял обязанности начальника строительных участков и к моменту провала организации работал в Тирасполе³⁸³.

Клименко, Туркин, Курицын вместе с Павленко составляли ту часть руководства организации, которая сформировалась еще в 1942 году, в момент создания УВР-2. Чуть позже, в 1944 году, примкнул к УВР-2 30-летний Монастырский, родственник Павленко. С 1942 года он служил в Красной армии, а затем перешел в организацию Павленко. Следствие и суд согласились с тем, что ни во время войны, ни после он ничего не знал о фальшивом характере организации³⁸⁴, хотя участвовал в хищениях. В 1948 году Павленко приехал к нему во Львов и вовлек его в УВС для выполнения различных поручений.

Следующую группу в кадровом ядре УВС составляли сотрудники Павленко, примкнувшие к нему сразу после войны в связи с созданием в Калинине артели «Пландорстрой». К их числу относился Михаил Никитович Федоренко, односельчанин Павленко. 1920 года рождения, он служил в армии с 1940 по август 1941 года. Возможно, получил ранение, которое не позволяло направить его на фронт вновь. После войны Павленко устроил его в артель «Пландорстрой». А после отъезда из Калинина вызвал Федоренко во Львов. В отличие от многих других членов организации Федоренко получил среднее образование. Павленко использовал молодого земляка в качестве руководителя отдельных строительных площадок и для обеспечения финансовых операций организации. По утверждению Павленко, он рассказал Федоренко о характере организации в 1950 году³⁸⁵.

В 1946 году в Калинине к Павленко присоединился его 35-летний земляк Иван Федорович Костюченко. Для Костюченко это был шанс стереть компрометирующее пятно в биографии – пребывание в немецком плену. При помощи Павленко он получил в Калининском военкомате чистые документы о демобилизации и даже две медали. Вступив на этот путь, Костюченко участвовал в спекулятивных операциях «Пландорстроя», а с момента создания новой организации во Львове стал ближайшим помощником Павленко – вербовал специалистов-мостовщиков для выполнения первого контракта, а затем – различные поручения по снабжению и обналичиванию денег. Костюченко несколько раз уходил из организации и возвращался в нее, получая денежные компенсации³⁸⁶.

Сразу после войны примкнул к Павленко и Андрей Григорьевич Губский, еще один земляк Павленко из соседнего района Киевской области. Губский был старше других членов организации, 1901 года рождения. В 1941 году его призвали в армию, где он прослужил до конца войны рядовым красноармейцем. В июне 1945 года был награжден медалью «За отвагу» как сапер 216-го стрелкового полка. Как говорилось в приказе о награждении, Губский 30 апреля 1945 года «скрытно пробрался к противнику под прикрытием ночной темноты и, заложив взрывчатку, подорвал немецкую пушку, после чего, разведав расположение противника, успешно вернулся в свое подразделение»³⁸⁷.

В 1945 году Губский связался с Павленко, он помогал ему в спекулятивных операциях. После скандала в «Пландорстрое» Губский в середине 1948 года примкнул к УВС, зная об истинном характере организации. Губский был малограмотным, но имел необходимый для организации жизненный опыт и практические навыки. Он возглавлял различные строительные участки и занимался теми же операциями по организации строительства, обеспечению его финансирования и снабжения, что и другие руководители организации³⁸⁸.

---

³⁸³ Ibid.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 90.

³⁸⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 23; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44 об., 83–84.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 85–85 об.

³⁸⁷ <http://podvignaroda.ru/?#id=25800133&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 81–82; AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 24.

В Калинин в начале 1946 года Павленко вызвал своего племянника, 24-летнего Владимира Степановича Чеховского, который как раз демобилизовался из армии. На фронте Чеховский был с 1943 года³⁸⁹ и воевал героически в 1-й гвардейской танковой армии в качестве водителя автомашины. Первую медаль «За отвагу» он получил в сентябре 1944 года после того, как «под сильным огнем противника подъехал к огненным позициям и забрал пушку с расчетом». В мае 1945 года он был награжден второй медалью «За отвагу» за то, что, доставляя груз, отразил атаку вражеских автоматчиков. Вскоре получил орден Красной Звезды за подвиг, совершенный в марте 1945 года, когда Чеховский на своем автомобиле, перевозившем горючее, пробился в расположение части в бою с вражескими автоматчиками³⁹⁰.

Молодой родственник с боевой биографией и знанием техники был полезен Павленко. Он выполнял различные поручения в Калинин в период существования артели «Пландорстрой». После перерыва в октябре 1950 года Чеховский примкнул к УВС, первоначально не зная о ее характере. Однако, посвященный через год в тайну, он не ушел. Чеховский работал по профилю – занимался автотранспортом, но выполнял также разные важные задания, например перевозил наличные деньги³⁹¹.

Среди примкнувших к УВС в период после ее создания, т. е. после 1948 года, особо выделялся Юрий Борисович Константинов. О своем происхождении он рассказывал так:

Мой отец происходит из гор. Лодзи и там работал до Октябрьской революции. После Октябрьской революции проживал в гор. Харькове и работал в органах ВЧК – НКВД Украины. В 1937 году отец был арестован, находился под стражей 17 месяцев, затем был освобожден и в настоящее время проживает в гор. Фрунзе... является пенсионером. Фамилия моего отца Боно-Константинер Борис Иванович. По документам он считается русским. Мать моя еврейка по национальности происходит из семьи рабочего – портового грузчика гор. Феодосии, все время работала в качестве фармацевта в аптеке...³⁹²

Сам Константинов родился в 1924 году в Харькове и в момент присоединения к организации Павленко был молодым 25-летним человеком³⁹³. К этому времени он получил среднее образование и, судя по протоколам допросов, был способен четко и связно изложить свои мысли. Константинов в верхушке организации был одним из немногих настоящих военных, принимавших участие в боевых действиях. В армию его призвали в 1939 году, в период массового наращивания советских вооруженных сил. Был направлен в Тульское артиллерийское военно-техническое училище, которое окончил в 1941 году в звании младшего воентехника. В различных частях прошел всю войну, после победы над Германией был переброшен на Японский фронт, принимал участие в боях в Маньчжурии. Константинов имел богатый боевой опыт, в 1942 году командовал штрафной ротой. Он получил несколько боевых наград: орден Красного Знамени, медаль «За отвагу», орден Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды³⁹⁴.

После окончания войны Константинов остался в армии, женился. В 1948 году был демобилизован из армии старшим лейтенантом, поскольку отказался от службы на Курильских ост-

---

³⁸⁹ Эти данные указаны в приговоре суда. В наградном листе на представление к ордену говорилось, что Чеховский служил в армии с сентября 1940 года.

³⁹⁰ <http://podvignaroda.ru/?id=25800133&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

³⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 88.

³⁹² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 108.

³⁹³ Биография Константинова приводится по протоколу его допроса: Там же. Л. 108–110.

³⁹⁴ Эти данные приведены в протоколе допроса Константинова. В базе данных «Подвиг народа» сведения о награждениях Константинова отсутствуют. Это, конечно, не означает, что этих награждений не было. В базу пока введены не все данные.

ровах. Константинов пытался восстановиться в армии, для чего прибыл во Львов, где находился штаб Прикарпатского военного округа. Здесь он встретился с Павленко, с которым поддерживал периодические связи, поскольку они были женаты на родных сестрах.

Такой человек был полезен Павленко. Первоначально Павленко использовал Константинова вслепую. Через своих друзей в армии он устроил дело так, что Константинов якобы был официально переведен в его «военно-строительную организацию», т. е. восстановлен в армии. Сначала Константинов занимался снабжением, проведением взрывных работ в карьерах. Бывший боевой офицер, он служил для УВС хорошим прикрытием. На определенном этапе Константинова назначили начальником одного из строительных участков. Тогда (в конце 1950 или начале 1951 года) Павленко был вынужден рассказать ему всю правду о фальшивом характере организации³⁹⁵.

Помимо руководства отдельными объектами, Константинов занимался в УВС обеспечением безопасности (в случае надобности его представляли как начальника контрразведки) и военным обучением охраны. Не исключено, что самому молодому фронтовику нравилась его новая роль, игра в конспирацию и контрразведку. Павленко характеризовал его так: «По характеру и поведению он несерьезный... Ходил он всегда в форме советского летчика, носил погоны майора»³⁹⁶; «имел мальчишеские выходки... при покупке билета для проезда по железной дороге мог сказать, что он Герой Советского Союза или депутат Верховного Совета и поэтому билет мог получить вне очереди»³⁹⁷.

Как и многие другие члены организации, Константинов жил в отрыве от семьи. Жена и маленькая дочь, пока Константинов передвигался по различным площадкам УВС, оставались в Харькове. Периодически, как и другие члены организации, срывался в загулы. В марте 1952 года Константинов и его собутыльники «учинили дебош» в клубе шахты в поселке Центральный треста «Тулауголь». Правда, как и многие другие (о чем будет сказано далее), этот скандал был улажен³⁹⁸.

В 1948 году присоединился к УВС 40-летний Степан Иванович Литвин. Также уроженец Киевской области, Литвин работал с Павленко еще до войны в артели «Пландорстрой». В 1943 году Литвина призвали в армию. В сентябре 1944 года гвардии младший сержант, командир отделения связи батареи гвардейского воздушно-десантного артиллерийского полка 4-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Литвин был представлен к награждению. В соответствующем документе говорилось: «В боях с немецкими захватчиками тов. Литвин неоднократно проявлял смелость, мужество и подлинный героизм. 20 августа 1944 года в периоды прорыва обороны противника северо-западнее города Яссы тов. Литвин в течение суток под сильным артогнем противника сумел обеспечить бесперебойную связь... Им лично были устранены пять раз в нескольких местах порывы связи». Далее в наградном листе сообщалось об аналогичном подвиге Литвина 29 августа 1944 года. В октябре 1944 года Литвин получил медаль «За отвагу». Следующей медалью «За отвагу» он был награжден в апреле 1945 года за бои под Братиславой, где Литвин обеспечивал связь и уничтожил несколько солдат противника³⁹⁹. Человек решительный, в УВС Литвин был прорабом, а потом начальником участка. В 1951 году он узнал о подлинном характере организации⁴⁰⁰.

В сентябре 1948 года к УВС присоединился Яков Семенович Максименко, 24-летний земляк Павленко. С 1943 по 1946 год Максименко служил в армии. Закончил войну стар-

³⁹⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 22.

³⁹⁶ Ibid. F. 23.

³⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 37.

³⁹⁸ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 259.

³⁹⁹ <http://podvignaroda.ru/?#id=20603326&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

⁴⁰⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 24; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 82.

шим сержантом, командиром орудия, членом комсомола. В мае 1945 года он получил медаль «За отвагу». Как говорилось в наградном листе, 7 мая 1945 года огнем своего орудия он уничтожил один пулемет противника и до 10 гитлеровцев, открыв путь к продвижению советской пехоты⁴⁰¹. Максименко, как установил трибунал, опираясь на показания обвиняемых, до самого конца не знал о подлинном характере организации. Однако на самом деле он выполнял те же функции, что и другие руководители УВС. На разных этапах он командовал охраной, получал деньги из банков, принимал участие в кражах и добывал в милиции паспорта для членов организации на вымышленные фамилии⁴⁰².

В период становления УВС в 1948 году в его ряды влились еще два земляка Павленко – Федор Павлович Губский и Иван Михайлович Пашун. Оба пришли по одинаковой причине – спасались от властей.

Бывший учитель Ф. П. Губский выполнял принципиально важные функции старшего бухгалтера и начальника расчетного отдела УВС. Он готовил документы для открытия счетов и получения наличных денег, был замечен в приобретении фальшивых паспортов и других документов. Целя деловую хватку и квалификацию Губского, Павленко мог что-то знать и о его темном прошлом. Во время войны Губский сотрудничал с оккупантами. Этот факт всплыл на поверхность после разгрома организации. Однако Губского судили преимущественно по хозяйственным статьям. Факт предательства суд принял во внимание, но не считал определяющим. В приговоре было сказано:

Подсудимый Губский Ф., проживая на временно оккупированной территории немецкими захватчиками, в ноябре 1942 года вступил на службу к немецким властям на должность учителя начальной школы села Королевка, Кагановичского района, Киевской области и служил в этой должности до апреля 1943 года. В августе 1943 года, будучи вызванным в районную полицию к немецкому ставленнику – следователю Кирикову, Губский Федор, опасаясь репрессии со стороны немцев его семьи, дал согласие служить у них тайным агентом, о чем дал соответствующую подписку с обязательством выявлять коммунистов, партизан и других советских граждан, активно боровшихся с немецко-фашистскими захватчиками, и доносить о них в полицию. Губский Ф., выполняя полученное задание, дважды встречался с сотрудником полиции Кириковым и передал ему два донесения информационного характера о появлении советских партизан, об отношениях советских граждан к немцам, которые, однако, никаких тяжких последствий не повлекли⁴⁰³.

С учетом этого суд квалифицировал действия Губского как пособничество представителям оккупационных властей, а не как измену родине⁴⁰⁴.

Аналогичное решение судом было принято в отношении Ивана Михайловича Пашуна. Родом из того же села, что и Павленко, он пришел в организацию в октябре 1948 года. Биография этого 25-летнего человека была насыщена событиями, которые заставляли его избегать встречи с властями. В январе 1942 года, находясь в оккупации в Киевской области, Пашун, как говорилось в приговоре суда, «боясь репрессии», поступил в полицию и три месяца охранял мост от партизан. Из полиции Пашун сбежал и выехал на работу в Австрию, где находился до апреля 1945 года. После войны по вербовке Пашун работал на черепичном заводе в Бобруйске, но сбежал и оттуда. Это грозило уголовным преследованием, и Пашун укрылся в организации Павленко. Вдобавок Пашун числился злостным неплательщиком алиментов.

---

⁴⁰¹ <http://podvignaroda.ru/?#id=20603326&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

⁴⁰² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 88 об.

⁴⁰³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 86.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 90.

Земляку с таким богатым прошлым Павленко мог вполне доверять. Пашун всецело зависел от своего патрона. Он служил в «охране» организации, выполнял функции начальника караула, по мере надобности – функции личного охранника Павленко. Константинов на допросе называл его «как бы ординарцем у Павленко»⁴⁰⁵. Периодически Пашун занимался закупкой продовольствия, фуража и обмундирования, выполнял функции финансиста на отдельных участках. В последние месяцы существования организации Пашун охранял дом, который Павленко купил под Харьковом⁴⁰⁶.

В августе 1949 года в УВС пришел 24-летний Людвиг Григорьевич Рудниченко. Он был дальним родственником М. Н. Федоренко, родом из того же села, что и Павленко. Рудниченко воевал, был призван в действующую армию в 1943 году. В январе 1944 года рядовой стрелок-автоматчик, член комсомола Рудниченко получил медаль «За отвагу»: в бою с 30 декабря 1943 года по 2 января 1944 года «смело действовал... увлек бойцов своего подразделения на отражение контратаки противника, своим огнем уничтожил двух немецких солдат»⁴⁰⁷.

В организации Павленко Рудниченко работал шофером, механиком, отвечал за состояние и ремонт автомашин, за получение разными способами необходимых запасных частей. Выполнял и другие поручения. Когда в 1951 году Павленко потребовалось переименовать организацию, именно Рудниченко переделал печать «участка № 2» на печать «Управления № 10». Тогда же он узнал, что представляла собой организация⁴⁰⁸. Всего Рудниченко изготовил для Павленко 15 различных печатей, в том числе 11 гербовых⁴⁰⁹.

Одновременно с Рудниченко в августе 1949 года в УВС пришел Владимир Сергеевич Алабушев 1925 года рождения. Он служил в армии, в качестве наводчика противотанкового ружья комсомолец Алабушев получил в 1944 году орден Отечественной войны I степени. Как говорилось в наградном листе, в феврале 1944 года во время атаки немцев на боевые порядки бригады в Киевской области Алабушев «выдвинулся с ружьем ПТР и под ожесточенным огнем противника метким огнем из ружья поджег два средних танка противника и подбил одно самоходное орудие „Фердинанд“»⁴¹⁰. Вряд ли Алабушев попал в организацию случайно, хотя в материалах дела говорилось, что первоначально он не был осведомлен о ее подлинном характере. Алабушев был родом из Подмосковья и мог сталкиваться с некоторыми членами организации во время их работы до и в начале войны в этом районе. Алабушев занимался в УВС финансами, контролировал движение денег на отдельных участках⁴¹¹.

Одним из последних присоединился к УВС Иван Викторович Невинский. Он познакомился с Павленко в 1939 году, когда совсем молодым 19-летним парнем работал десятником в артели «Пландорстрой». С октября 1942 до осени 1946 года служил в армии. В 1951 году Невинский в Западной Украине встретился со старыми знакомыми. Павленко принял его на должность начальника участка. Невинский возглавлял различные строительные площадки. В тайну организации его посвятили в начале 1952 года⁴¹².

«Руководящее ядро» вокруг Павленко сформировалось из людей, присоединившихся к нему на разных этапах. Группу ветеранов составляли те, с кем Павленко работал накануне и во время войны. Несколько человек пришли в артель «Пландорстрой» в Калинин сразу после завершения войны и продолжили свой путь в УВС. Большая часть команды влилась уже в ряды УВС, в основном на начальном этапе ее создания и расширения. Ко времени раз-

⁴⁰⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 120.

⁴⁰⁶ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 87.

⁴⁰⁷ <http://podvignaroda.ru/?#id=20603326&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

⁴⁰⁸ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 24.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 55 об., 85 об.

⁴¹⁰ <http://podvignaroda.ru/?#id=20603326&tab=navDetailDocument> (дата обращения 12.02.2022).

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 88.

⁴¹² АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 23; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 83 об. – 85.

грома организации ее ядро состояло из мужчин трех возрастных групп – чуть более 40 лет (сам Павленко, Клименко, Костюченко, Литвин, Ф. П. Губский), от 30 до 40 лет (Монастырский, Туркин, Курицын, Федоренко, Невинский) и молодежь до 30 лет (Константинов, Пашун, Алабушев, Максименко, Рудниченко, Чеховский). Самыми молодыми в группе были 27-летние Алабушев и Рудниченко, а самым возрастным А. Г. Губский, которому исполнился 51 год.

Крепкие и энергичные мужчины, они, за некоторыми исключениями, не были образованны, но, несомненно, обладали деловой хваткой, значительным опытом или способностями к обучению. Часть из них имела боевой военный опыт. Почти все были склонны к авантурным действиям и без колебаний шли на нарушение законов и правил. Для сплочения этих разных людей в реальный коллектив единомышленников и соучастников требовались определенные предпосылки. Важнейшей из них было взаимное доверие.

Факторы сплочения и конфликты

Долгая и экономически успешная деятельность корпорации Павленко в ситуации высоких рисков свидетельствовала о том, что она обладала существенной внутренней сплоченностью и устойчивостью. Конечно, важную роль в этом играл сам Павленко, обладавший качествами лидера и авторитетом. Однако между членами организации, особенно в ее ядре, должны были существовать иные, более надежные связи, чем простое подчинение «хозяину». Такие связи обычно описываются понятием «доверие», в последние годы его все чаще используют историки для реконструкции социальных реальностей разных эпох и стран. Опираясь на концепт «доверия», мы можем лучше понять, как работала корпорация Павленко.

Даже общие наблюдения по поводу методов УВС позволяют заметить, как много в ней зависело от взаимного доверия членов руководящего ядра. Например, важнейшим условием существования организации было получение наличных денег в различных отделениях банков. Они шли на зарплату, приобретение продовольствия, обмундирования, материалов и запчастей, на взятки и т. д. Без этих денег УВС просто не могла существовать. Оформление документов, получение и перемещение наличных были непростыми операциями. Речь шла о значительных суммах, которые периодически попадали в руки отдельных членов организации. Следующая таблица, составленная по материалам судебного процесса, дает представление об оборотах:

	Сумма полученных наличных (тыс. руб.)
Клименко	6 700
Максименко	2 967
Константинов	1 200
Алабушев	1 179
Пашун	1 067
Федоренко	755,3
Невинский	583,2
Туркин	434,6
Курицын	296
Костюченко	256
Губский	180
Чеховский	100
Литвин	100
Рудниченко	50

Помимо наличных из банков, члены организации периодически получали значительные суммы для приобретения необходимых ресурсов. На суде всплыли факты присвоения части таких денег, но особо крупных краж, насколько известно, не было. На свое имя отдельные члены организации покупали легковые автомобили, а затем переоформляли их на УВС. Такие операции совершали, например, Туркин, Константинов и Чеховский⁴¹³.

⁴¹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 122, 131; Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 88.

Несомненно, получение единовременно огромных сумм могло порождать соблазны их присвоения. В принципе это была не очень сложная и сравнительно безопасная операция. Вероятно, Павленко не стал бы заявлять на вора в милицию. Не было у команды Павленко и возможности самостоятельно разыскивать похитителя на просторах огромной страны. Известны два случая, когда организация сталкивалась с подобными проблемами и пыталась решать их своими силами. Летом 1945 года Павленко, как утверждал суд, намеревался расстрелять Е. Мацепуру по подозрению в присвоении денег и золота, вырученных на территории Польши от продажи похищенного трофейного имущества и скота. Учитывая, что у мертвого Мацепуры деньги получить было невозможно, скорее всего, речь шла об угрозах с целью выдать украденное. Возможно, с Мацепурой могли и расправиться в назидание другим. Однако продолжения этой истории мы не знаем: Мацепура из-под стражи бежал, деньги остались у него⁴¹⁴.

В следующий раз с чувствительным воровством организация столкнулась уже на завершающем этапе своего существования. Произошло это из-за доверия к чужаку. Летом 1951 года шофер Курицына, одного из руководителей организации, украл в Звенигородском районе Киевской области автомашину «Победа» с личными вещами Курицына, с оружием и, главное, с поддельной печатью.

В этом случае Павленко пришлось обращаться к помощи милиции, но, судя по всему, полуформально. Сотрудники местного отдела милиции и МГБ (тогда милиция входила в состав МГБ) обнаружили автомобиль и вора и вернули Курицыну печать. Чтобы не раздувать скандал, не привлекать внимание к УВС и фальшивой похищенной печати как к вещественному доказательству по делу, найденный автомобиль был преподнесен в подарок районному отделению МГБ (или его начальнику)⁴¹⁵.

Организация понесла существенные убытки, но избежала проверок и следствия. Этот случай лишний раз свидетельствовал о необходимости соблюдения осторожности и опасности вредных привычек. Курицын злоупотреблял спиртным, что, судя по всему, стало одной из причин кражи. Вместе с тем члены организации еще раз убедились, как важно отсекал от нее незнакомцев без должных «рекомендаций».

Какими же способами удавалось удерживать актив организации от соблазна урвать крупный куш и скрыться? Конечно, можно предположить (хотя сведений на этот счет нет), что за деньгами «кассиры» ходили не поодиночке, а группой, присматривая друг за другом. Однако это вряд ли спасало бы от воровства, если бы кто-то из членов организации, получавших деньги в банках, а тем более наличные на приобретение необходимых товаров, захотел их украсть. Очевидно, что таких намерений просто не возникало. Относительная честность в отношениях внутри организации и взаимное доверие были несомненным фактом. И держалось это доверие вряд ли на страхе перед Павленко.

Принципиальное значение для сплочения организации и доверия между ее членами имел родственно-земляческий принцип подбора кадров. Фактически вокруг маленькой группы лидеров организации, прошедших вместе военные годы, постепенно формировалось более широкое ядро из числа земляков, родственников и знакомых. Эти люди хорошо знали друг друга, что было важной первоначальной основой взаимного доверия. Было ли этого достаточно? Вряд ли. Даже близкие родственные связи никогда не гарантировали от предательства и преследования собственных корыстных интересов.

Несомненно, важную роль в системе доверия в организации играл фактор взаимного компромата⁴¹⁶. С определенного момента члены организации – по крайней мере, ее руководящее

---

⁴¹⁴ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 48.

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 136.

⁴¹⁶ О компромате как основе доверия в политических сетях в сталинском СССР см.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. V. Substate

ядро – понимали, что принадлежат к криминальному с точки зрения советских законов сообществу. Это способствовало как соблюдению конспирации, так и сплочению. Остается, правда, вопрос, кто и с какого момента знал о фальшивом характере УВС. Сведения на этот счет противоречивы.

Как утверждал Павленко на первом допросе, в тайну организации были посвящены только восемь человек (И. П. Клименко, Г. В. Курицын, Ю. Б. Константинов, М. Н. Федоренко, Г. В. Невинский, А. Г. Губский, Л. Г. Рудниченко, С. И. Литвин). Правда, при этом добавил: «Возможно, кто-либо из моих соучастников и посвятил в тайну моей организации [кого-то] из своих близких знакомых, однако меня об этом не информировали»⁴¹⁷.

Вряд ли Павленко назвал всех. Он, например, не упомянул И. Ф. Костюченко, вместе с которым убежал во Львов из Калинина в 1948 году и создавал новую организацию⁴¹⁸. Более разговорчивый и демонстрировавший активную помощь следствию Константинов на одном из первых допросов заявил: «Я утверждаю, что 70 % личного состава нашей преступной организации безусловно знали, что организация является фиктивной и совершает преступления». При этом Константинов «по памяти» перечислил по фамилиям 91 члена организации⁴¹⁹. Таким образом, по версии Константинова, в тайну УВС были посвящены десятки человек. Суд по делу основной группы обвиняемых, как будет показано далее, из 17 обвиняемых признал осведомленными об истинном характере организации 15 человек. Кроме того, в приговоре говорилось, что члены руководящего ядра организации узнавали о ее истинной сути в разное время.

Означало ли это, что некоторые члены УВС, не знавшие главную тайну (в течение всего времени или в какие-то периоды), не имели причин участвовать в системе доверия и круговой поруки, основанной на взаимном компромете? Ответ на этот вопрос может быть скорее отрицательным. Важно учитывать, что, даже не зная о сути УВС, подчиненные Павленко так или иначе участвовали в различных нелегальных сделках, приписках, подделках и подчистках документов, кражах и т. д. В каких-то случаях свою роль играла также компрометирующая информация, относившаяся к более ранним периодам жизни членов организации, до их вступления в УВС.

Наиболее яркий пример этого представляли Ф. П. Губский и И. М. Пашун, имевшие, как уже говорилось, связи с немецкими оккупантами, или И. Ф. Костюченко, побывавший в плену. Однако ими этот список, очевидно, не ограничивался. В приговоре суда не без некоторых оснований говорилось, что руководители организации принимали в УВС «значительное число уголовных преступников»⁴²⁰.

Оценивая значимость прежнего компромата, важно учитывать, что у членов организации вряд ли были основания скрывать темное прошлое от товарищей. Как показывают социологические исследования механизмов доверия, добровольное самоочернительство (предоставление информации о прежних преступлениях) нередко является важным фактором укрепления доверия, особенно в криминальной среде, к которой, по крайней мере отчасти, относилась и организация Павленко. Доверяя свои тайны другим, участник группы демонстрирует лояльность к ней. Взаимный обмен компрометирующей информацией, а не попытки ее скрыть – это условие равноправного доверия и солидарности⁴²¹. Кроме того, опасаясь преследований со стороны государства, нельзя было рассчитывать на эффективную защиту организации в случае сокрытия от нее причин таких преследований. Между тем поддержка в конфликте с государ-

---

Dictatorship.

⁴¹⁷ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 21–24.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44, 54.

⁴¹⁹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 139–141.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 58.

⁴²¹ См.: *Гамбетта Д.* Коды криминального мира. Как общаются между собой преступники. Чебоксары: Перфектум, 2011.

ством, как будет показано далее, являлась важным элементом укрепления доверия и наиболее ярким проявлением круговой поруки в УВС.

В общем, взаимный компромат, нависавшая над всеми угроза разоблачения и активная защита членов коллектива от агентов государства были важными факторами сплочения ядра организации и его ближайшей периферии. Однако вряд ли этим ограничивались мотивы взаимной помощи членов УВС. Несомненно, они находили и иные преимущества принадлежности к организации. Не последнюю роль играла материальная заинтересованность. Важно учитывать, что в большинстве своем молодые и энергичные сотрудники Павленко, как и он сам, могли с увлечением исполнять выпавшие им роли командиров и начальников, носить форму и не без определенного азарта преодолевать многочисленные трудности, повседневно возникавшие на производстве. Чувство хозяина и моральная удовлетворенность от освобожденного труда, о которых активно напоминала рабочим СССР советская пропаганда, по-своему были присущи Павленко и его сотрудникам, в буквальном смысле этого слова взявшим собственную судьбу в свои руки.

Имеющиеся документы указывают, что, помимо совместной работы и общего участия в различных нелегальных схемах, важную роль в качестве метода группового сплочения в УВС играли многочисленные застолья с употреблением спиртного. Ничего удивительного в этом не было. Регулярное коллективное употребление спиртного было традиционным средством времяпрепровождения, социализации и укрепления личных связей во всех советских бытовых и институциональных сетях. Совместно распитая бутылка водки во многих ситуациях помогала решению дела не хуже, чем значительная взятка, на которую могло не хватать средств.

Конечно, это было обоюдоострое оружие. Переходя за определенную грань, пьянство могло вызвать скандалы, привлекавшие нежелательное внимание посторонних. Однако в любом случае избежать активного употребления спиртных напитков руководителям УВС было трудно. Разнообразные угощения использовались для налаживания связей с местными руководителями. Помимо «административного пьянства» в интересах дела, условия жизни Павленко и его соратников способствовали превращению возлияний в повседневность. Это был преимущественно мужской коллектив, ведущий кочевой образ жизни, как правило в отрыве от семей. Члены команды нередко были перегружены работой, но в то же время предоставлены сами себе. Их досуг был скудным.

Упоминания о чтении книг или посещении кинотеатров в документах отсутствуют, что, скорее всего, отражало действительное положение дел. «Курицын любит выпить», – показал свидетель о ближайшем сотруднике Павленко⁴²². Арестованный М. Н. Федоренко заявил следователю: «У меня слабая память, очевидно, из-за того, что систематически пьянствовал до ареста. Почти ежедневно я был в нетрезвом состоянии и думаю, что это отразилось на моей памяти»⁴²³. В общем, как показал на допросе в парторганах Молдавии директор Тираспольского винно-коньячного завода, павленковцы «всегда пьянствовали, страшно много пьянствовали»⁴²⁴. В какой-то мере это могло быть преувеличением, на чем настаивал Павленко. В заявлениях после суда он отмечал, что некоторые из его сотрудников вообще не употребляли спиртного⁴²⁵. Но остальные, судя по многочисленным скандалам, сотрясавшим организацию, справлялись в этом смысле за двоих.

Вместе с тем скандалы, о которых подробно будет сказано в главе 5, касались взаимодействия членов организации с внешним миром. В самом УВС следствие и суд, несмотря на тщательное разбирательство, зафиксировали совсем не много внутренних конфликтов, как-

---

⁴²² AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 82. Показания начальника участка строительства винных заводов под Кишиневом А. Великанова.

⁴²³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 371.

⁴²⁴ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 166. F. 126.

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 19.

либо угрожавших организации. Почвой для них могли стать прежде всего раздоры при разделе заработков. Отголоском этих трений может быть заявление Константинова на допросе: «Значительная часть денег уходила... на содержание колоссального количества дармоедов и прищельцев, окружавших Павленко... По моим данным, одних родственников около Павленко было более 30 человек, которые фактически ничего не делали, получали большие деньги, пьянствовали и вели разгульный образ жизни»⁴²⁶.

Аналогичные показания дал Клименко. По его приблизительным оценкам, родственников Павленко насчитывалось в организации свыше 15 человек, «большинство которых вообще ничего не делали, а получали деньги и пьянствовали»⁴²⁷. Трудно сказать, в какой мере эти утверждения соответствовали действительности. Не совсем понятно, зачем Павленко, сам человек энергичный и деловой, стал бы терпеть вокруг себя бездельников. Как показывал тот же Константинов, родственники Павленко занимали в организации различные низовые должности. Даже его любовница работала бухгалтером⁴²⁸. Однако заявления Константинова и Клименко, очевидно, отражали реальные признаки ослабления общей дисциплины в организации и трений, которые будоражили этот сравнительно небольшой коллектив, вызывали в нем ревность и конфликты.

С фактами шантажа и вымогательства на материальной почве Павленко сталкивался еще во время войны. Например, в материалах суда был зафиксирован такой случай: «В конце 1944 года Павленко намеревался физически уничтожить активного участника УВР Григорьева, который, зная о преступном характере УВР, систематически пьянствовал, вымогал от Павленко деньги, а в октябре 1944 года по сговору с подсудимым Курицыным, ночью сломал замок и забрал со склада УВР в городе Клин партию обмундирования, незаконно полученную на швейной фабрике имени Володарского»⁴²⁹.

Чем закончилось дело с Григорьевым, неизвестно. Не исключено, что Павленко откупился от него и выгнал. Человек с такой фамилией в послевоенный период в окружении Павленко не упоминается. Два других ставших известными конфликта были разрешены при помощи уговоров, насилия и денег.

В первом случае бунт на корабле поднял один из ближайших помощников Павленко Людвиг Рудниченко, шофер и механик, известный тем, что изготовил печати и штампы для УВС. Выразив недовольство своей долей доходов⁴³⁰, он начал шантажировать Павленко. Угрожал, что уйдет из организации и заберет сделанные им печати. Павленко, судя по материалам следствия, в октябре 1952 года приказал связать Рудниченко и держал под охраной 17 суток. После этого был найден компромисс. Рудниченко оставался в УВС и получил 25 тыс. руб. компенсации⁴³¹. Несомненно, эта акция имела двойное назначение: она была и умирением Рудниченко, и примером для ближайшего окружения.

Показательным был другой конфликт, о котором рассказал следователям Константинов:

Я являлся свидетелем разговора между шофером Смирновым и начальником участка Литвиным. Смирнов требовал от Литвина какие-то деньги, 1500 рублей, а Литвин ему дал только 500 рублей. Тогда Смирнов заявил Литвину, что если вы не дадите без шума, то я возьму деньги с шумом, и вас всех пересажают. Литвин ему предложил обратиться к Павленко, который

---

⁴²⁶ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 135.

⁴²⁷ Там же. Л. 203.

⁴²⁸ Там же. Л. 125.

⁴²⁹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 48.

⁴³⁰ В некоторых популярных публикациях о Павленко говорится, что Рудниченко сделал это по наущению молодой жены.

⁴³¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 55; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 55 об.

даст деньги, а что касается угрозы, то, как заявил Литвин, что в случае посадки будешь посажен и ты рядом с нами⁴³².

Скорее всего, Павленко заплатил Смирнову, который был старым членом организации еще со времен войны и мог знать больше других. Семья Смирновых, видимо, была источником постоянного напряжения. По свидетельству Константинова, в июле или августе 1952 года Павленко позвонил ему в Харьков и потребовал «убрать бесследно» жену Смирнова, которая «среди рабочих нашей организации выражала угрозу и намерение разоблачить нашу организацию и добиться ареста Павленко». Константинов заявил следователю, что отказался выполнять такое поручение⁴³³. В своих показаниях Клименко подтвердил, что также слышал от Константинова эту историю⁴³⁴.

Поведение Григорьева, Рудниченко и семейства Смирновых показывает, что механика коллективного компромата могла давать сбои. Под влиянием каких-то факторов (в данных случаях – пьянства и недовольства долей доходов) в определенных звеньях круговой поруки происходили разрывы. Однако они не были фатальными. Вполне осознавая собственные риски (вряд ли Смирнов не понимал того, о чем напомнил ему Литвин: «в случае посадки будешь посажен и ты рядом с нами»), а также добиваясь определенных материальных компенсаций, бунтующие члены команды не переходили границу групповой безопасности.

Только некоторые ведущие члены организации при благоприятном стечении обстоятельств покидали ее ряды, возможно из-за опасений за свое будущее. Так, один из сотрудников Павленко М. А. Завада, примкнувший к Павленко еще во время войны, возглавлял в УВС строительные площадки. Однако в 1951 году он, как утверждали прокуроры, «добился призыва в Советскую армию». Скорее всего, Завада использовал старые связи военного времени, потому что на момент разгрома организации он проходил службу в одном из полков Центрального управления капитального аэродромного строительства. Информация о продолжении его связей с организацией Павленко после ухода в армию в документах отсутствует. Однако это ему не помогло. Заваду вычислили и арестовали⁴³⁵.

Осенью 1949 года из УВС на работу в легальную артель перешел М. Н. Федоренко. Однако он продержался только два года и в сентябре 1951-го вернулся к Павленко⁴³⁶. Вполне возможно, соскучился «по настоящему делу» и более высоким заработкам. Так же вел себя еще один активный член организации И. Ф. Костюченко. Как утверждалось позже в приговоре суда, он «знал о преступном характере организации УВС, несколько раз уходил из нее и снова возвращался, получая от Павленко крупные суммы денег»⁴³⁷.

В ноябре 1951 года из организации на работу в трест «Калугашахтострой» перешел В. С. Алабушев. Поскольку трест «Калугашахтострой» возглавлял давнишний покровитель Павленко А. А. Датуашвили, очевидно, переход был не случайным. На новом месте Алабушев помогал организации Павленко оформлять разные незаконные операции, за что получал деньги⁴³⁸. Таким образом, Алабушев вряд ли покинул УВС, опасаясь провала.

Ю. Б. Константинов на допросе также утверждал, что в 1951 году подумывал об уходе из организации и даже купил себе с этой целью паспорт⁴³⁹ (скорее всего, у него со времени демобилизации из армии не было гражданских документов). Очевидно, эти планы Констан-

---

⁴³² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 128.

⁴³³ Там же. Л. 139.

⁴³⁴ Там же. Л. 206.

⁴³⁵ Там же. Л. 284–285. См. главу 8.

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 83.

⁴³⁷ Там же. Л. 85 об.

⁴³⁸ Там же. Л. 87 об.

⁴³⁹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 147.

тинову и большинству других руководителей организации было не так легко осуществить. И не только потому, что Павленко мог их удержать. Найти новое, хорошо оплачиваемое место, начать жизнь с нуля всегда непросто. Заработки играли немаловажную роль в сплочении соратников Павленко.

Личные доходы

Следствие, конечно, интересовало, какие доходы были у членов организации, точнее, сколько средств они «присвоили». Это было важно для определения вины каждого подсудимого. Прокуроры могли полагаться в основном на показания самих арестованных членов организации, сопоставленные с подсчетами сумм наличных денег, полученных ими в банках. В приговоре по делу говорилось, что с 1948 по 1952 год Павленко получил около 600 тыс., Константинов и Курицын – по 240 тыс., Клименко – 200–220 тыс., Туркин – 150–170 тыс., А. Губский – 140–150 тыс., Литвин – 120–140 тыс., Федоренко – 75–80 тыс., Рудниченко – 60 тыс., Пашун и Максименко – по 55–60 тыс., Костюченко и Ф. Губский – по 50–60 тыс., Невинский – 50–55 тыс., Чеховский – 35–40 тыс., Алабушев – 18–24 тыс., Монастырский – 15–20 тыс. руб.⁴⁴⁰ Очевидно, что у подсудимых были основания скорее скрывать доходы, чем называть точную сумму. Но и прокуроры обладали определенной информацией, чтобы вывести их на чистую воду.

Прежде всего, следователи представляли себе общий уровень «официальных заработков» основных участников УВС. Все они, судя по показаниям, имели достаточно высокие зарплаты, установленные Павленко. Так, Клименко получал 2,5 тыс. руб. в месяц, Туркин – 1,8 тыс., Константинов, учитывая, видимо, его многочисленные функции в организации, – 3,5 тыс. Вознаграждение начальникам строительных площадок в зависимости от объема работ составляло 1,8–2 тыс.⁴⁴¹ Если сравнить эти данные с общими показателями о «присвоенных» отдельными членами организации средствах, то получается, что суд согласился с тем, что в основном их доходы состояли из зарплат.

В отдельных случаях явно учитывались и другие дополнительные поступления – скорее всего, хищения. Например, в случае Клименко, при его средней зарплате 2,5 тыс. в месяц, доходы за пять лет должны были составить около 150 тыс. руб., а в приговоре вменялось на 50–70 тыс. больше. Сравнительно высокие доходы автомеханика Рудниченко, видимо, объяснялись тем, что ему было отдельно заплачено 30 тыс. руб. за изготовление печатей для организации⁴⁴². Не отрицал наличие «похищенных средств» в доходах своих соратников и Павленко. В заявлении о помиловании он писал: «Так же Клименко, Константинов и Курицын за пять лет получили в виде зарплаты, командировочных и пр. по 200–240 тыс., из которых какая-то часть является хищением»⁴⁴³.

Особый случай представлял собой, конечно, сам Павленко, которому вменялись доходы около 10 тыс. руб. в месяц. Один из хозяйственных руководителей, контактировавший с Павленко в Тирасполе, показал на следствии, что Павленко похвалялся: «якобы, ему платят 5900 рублей, одевают и кормят»⁴⁴⁴. В заявлении о помиловании Павленко признавал получение около 500 тыс. руб., из которых большую часть составляли зарплата и командировочные, а 150–170 тыс. – похищенные деньги⁴⁴⁵.

В целом заявленные в документах суда суммы денежных доходов подсудимых можно считать отражающими реальное состояние дел. Таким образом, денежные доходы руководителей организации составляли от 10 тыс. в месяц у Павленко, около 4 тыс. руб. у Клименко,

---

⁴⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 72.

⁴⁴¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 22, 23.

⁴⁴² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 85 об.

⁴⁴³ Там же. Л. 38.

⁴⁴⁴ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 151; D. 168. F. 47.

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 38.

Константинова и Курицына, около 3 тыс. у Туркина, А. Губского, Литвина, а также Невинского и Костюченко с учетом сроков их пребывания в организации.

Часть основных членов организации, попавших под суд, получали в среднем около тысячи рублей в месяц. При этом, конечно, нужно учитывать ряд дополнительных факторов, повышающих доходы. Перечисленные зарплаты вряд ли облагались (или лишь в некоторой степени) налогами и займами, которые существенно снижали уровень зарплаты большинства других граждан страны. Свою роль играли также различные натуральные поступления – бесплатное питание, продукты и обмундирование, доступ к дефицитным ресурсам в условиях всеобщих нехваток и т. д. Эти факторы позволяют оценивать денежный эквивалент уровня жизни подсудимых выше (возможно, существенно выше), чем верхняя планка принятых судом денежных сумм их доходов.

Для оценки благосостояния руководителей организации Павленко его целесообразно сопоставить с доходами других групп советского населения. В 1952 году среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в СССР составляла около 674 руб. Рабочие и служащие, занятые в строительно-монтажных работах, получали в 1952 году в среднем 655 руб. в месяц⁴⁴⁶. Эти суммы сокращались примерно на 15 % после оплаты налогов и принудительных по своей сути займов⁴⁴⁷. Низкими были доходы крестьян. В целом денежные доходы населения СССР в 1952 году составляли за вычетом налогов и взносов по займам очень незначительную сумму – около 200 руб. на человека в месяц⁴⁴⁸. Жизненный уровень большинства населения страны оставался очень низким. На этом фоне даже чистые денежные доходы членов организации без учета натуральных поступлений были завидными.

Вместе с тем нужно учитывать, конечно, значительную (и растущую) дифференциацию доходов в СССР. В стране легально существовали слои населения, которым государство обеспечивало высокий уровень жизни. Значительные зарплаты и выплаты от государства получали отдельные группы работников партийно-государственного аппарата, номенклатурная часть работников творческих профессий и т. д. Так, введение денежных компенсаций после отмены в конце 1947 года карточной системы резко повысило денежные доходы руководящих работников. Выплаты высшим руководителям регионов приближались в среднем к 5 тыс. руб., союзные министры получали 20 тыс. руб., а их заместители – 10 тыс. руб.⁴⁴⁹ Значительная часть выплат, компенсации (так называемые «конверты») налогами не облагались.

В число легальных миллионеров входили некоторые писатели. Драматург А. Барянов за исполнение пьесы «На той стороне» (написанное на злобу дня произведение о происках врагов и героизме советских разведчиков) в 1949 году получил 920 тыс. руб., писатель К. Симонов за четыре послевоенных года получил только отчислений за исполнение его пьес около 2,5 млн руб., а драматург Б. Лавренев – около 1,2 млн и т. д.⁴⁵⁰ Сын Берии, занимавший руководящую должность в оборонном институте, хранил дома 500 тыс. руб., которые оказались опечатанными после его ареста в июне 1953 года⁴⁵¹. Все эти заработки и гонорары дополнялись досту-

⁴⁴⁶ Советская жизнь. С. 501–502.

⁴⁴⁷ Бюджеты рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих. М., 1957. С. 40–41.

⁴⁴⁸ Подсчитано по: Советская жизнь. С. 497 (денежные доходы всего населения); *Понов В. П.* Экономическая политика. С. 16 (численность населения в 1952 году). Для сравнения: бутылка водки в государственной торговле в Москве в начале 1953 года стоила 40 руб., масло сливочное 25,5 руб. за килограмм, мужское демисезонное пальто 732 руб., мужские сапоги – 202 руб. (Советская жизнь. С. 517, 521).

⁴⁴⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов и др. М.: Росспэн, 2004. С. 153–155; *Коновалов А. Б.* Эволюция системы номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) // Номенклатура и номенклатурная организация в России XX века: материалы Интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества». Пермь, 2004. С. 161–179; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 279. Л. 17.

⁴⁵⁰ Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М.: Материк: Демократия, 2005. С. 627.

⁴⁵¹ Политбюро и дело Берия: Сборник документов / Сост. О. Б. Мозохин, А. Ю. Попов. М.: Кучково поле, 2012. С. 30.

пом привилегированных слоев населения к магазинам с дефицитными товарами по государственным ценам, дотированным питанием в специальных столовых, получением бесплатных квартир, путевок на курорты, привилегированным медицинским обслуживанием и т. д.

В общем, на фоне легальных советских богачей доходы сотрудников УВС не выглядели слишком вызывающими. Даже самому зажиточному среди них – Павленко – не было необходимости вести жизнь подпольного миллионера Корейко, потому что его траты вряд ли вызвали бы особое внимание. Очевидно, что в кармане у Павленко всегда были деньги, но не более того. Павленко пользовался различными ресурсами УВС. По его словам, организация приобрела за наличные средства пять легковых машин «Победа». Следствие выявило покупку восьми легковых автомобилей, в том числе семи «Побед»⁴⁵². Павленко постоянно пользовался одной из них.

Допрошенный по поводу недвижимости, Павленко твердо ответил следователю, что после демобилизации купил дом пополам с сестрой в Калининске за 70 или 75 тыс. руб. А незадолго до ареста, в середине сентября 1952 года – дом под Харьковом за 70 тыс. руб.⁴⁵³ Это были значительные суммы. Примерно 70 тыс. руб. стоили организации Павленко три автомобиля «Победа». Однако и эту собственность нельзя признать слишком дорогой. Например, строительство дач для генералов после войны велось по двум проектам со сметой в 145 и 155 тыс. руб.⁴⁵⁴

У Павленко была любовница (в момент ликвидации организации ее задержат вместе с Павленко). Как утверждало следствие, ранее она работала в торговле и примкнула к организации Павленко после того, как совершила растрату в 12 тыс. руб.⁴⁵⁵ В последний период существования УВС 26-летняя женщина работала учетчицей на стройплощадке в Тирасполе⁴⁵⁶, но вряд ли обходилась без подарков со стороны Павленко. Павленко мог позволить себе поездки на курорты Черного моря (правда, как правило, с деловыми целями), достаточно хорошие условия жизни, в том числе в гостиницах, в многочисленных командировках. Он и его семья не нуждались, подобно значительной части населения страны, в предметах повседневного пользования и продуктах.

Вместе с тем в ходе арестов и обысков по делу УВС не было выявлено ценностей, лично принадлежавших членам организации, что обычно характерно для экономических дел. Акцентируя внимание на изъятом оружии, автомобилях и строительной технике организации, ни длительное следствие, ни суд ни словом не обмолвились о наличных деньгах, драгоценностях или выходящих за пределы обычного запасах потребительских товаров. Причины этого очевидны. Хотя по всем признакам корпорация Павленко принадлежала к теневой советской экономике, она имела важную специфику, занимаясь не самыми прибыльными строительными работами. При этом организация была нацелена на длительное существование, а поэтому реально выполняла полученные заказы на приемлемом уровне. Это требовало вложений – оплаты рабочей силы, приобретения материалов, затрат на регулярные непроизводственные расходы (те же взятки) и т. д.

Более распространенные отрасли теневой экономики – спекулятивные операции, перепродажа дешевых товаров из государственных фондов по ценам черного рынка, производство дефицитных изделий массового потребления, не говоря уже о мошеннических финансовых схемах, – приносили гораздо более высокие доходы. Однако такие дельцы и расхитители были

---

⁴⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 168; АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 25; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 67 об.

⁴⁵³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 167.

⁴⁵⁴ Там же. Ф. Р-8300. Оп. 27. Д. 2. Л. 29.

⁴⁵⁵ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 59.

⁴⁵⁶ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. Д. 165. Ф. 30.

нацелены на кратковременный успех, они предпочитали сорвать банк и исчезнуть. Они несли минимальные накладные расходы и получали максимальные прибыли.

К сожалению, степень изученности реальных практик теневой экономики оставляет желать лучшего. Закрытые архивы соответствующих ведомств (прежде всего МВД) ограничивают возможности историков. Это не позволяет провести развернутый анализ различных видов теневой активности, в том числе сравнить корпорацию Павленко с другими предприятиями и схемами. Для этой цели можно использовать лишь отдельные данные, введенные в оборот историками, имевшими некоторый доступ к архивам. Такие сведения позволяют отметить несколько особенностей самых распространенных теневых экономических практик. Первая – их высокая доходность. Например, арестованная в 1951 году в Ленинграде подпольная группа кустарей-сапожников выручила за сбыт всего 1,5 тыс. пар обуви 700 тыс. руб. Такую сумму Павленко получал не за каждый из своих строительных контрактов. Один из частных предпринимателей получил доход в 335 тыс. руб. на скупке и перепродаже осиновой стружки для упаковки⁴⁵⁷.

В соответствии с доходами агенты этих секторов теневой экономики накапливали значительные ценности, некоторая часть которых изымалась государством при арестах. Так, в январе – марте 1947 года у арестованных за спекуляцию по СССР было изъято 19,5 млн руб. наличными, 27,3 тыс. руб. золотыми монетами царской чеканки, 4 килограмма золота в слитках, а также продуктов и промтоваров на 15,3 млн руб.⁴⁵⁸ (скорее всего, в ценах государственной торговли, что было эквивалентно в несколько раз большей сумме по ценам черного рынка). У 12 дельцов черной валютной биржи в Ленинграде, арестованных в сентябре 1947 года, было конфисковано 500 тыс. руб., 11,3 килограмма золота в слитках, изделиях и монетах, 1,3 килограмма платины, 107 золотых часов и 142 бриллианта. Общая стоимость изъятых ценностей составила 4,2 млн руб.⁴⁵⁹ Понятно, что такие конфискации не могли иметь тотальный характер. Значительную часть ценностей теневое сообщество выводило из-под удара разными методами.

В общем, на фоне многих деятелей теневой экономики и легальных советских богачей Павленко и его сотрудники имели не очень значительный достаток. У Павленко не было особых оснований беспокоиться, что соответствующие органы заинтересуются УВС по причине непомерных трат и роскошного образа жизни его работников. Однако организацию подстерегали другие многочисленные опасности, связанные с ее нелегальным характером. Для предотвращения этих угроз нужно было принимать специальные меры.

---

⁴⁵⁷ Говоров И. В., Кокуев С. Б. Теневая экономика. С. 27–29.

⁴⁵⁸ Говоров И. В., Кокуев С. Б. Теневая экономика. С. 25.

⁴⁵⁹ Там же. С. 29.

Глава 6

ОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

В тоталитарном государстве, каким был сталинский СССР, постоянные и многочисленные угрозы со стороны этого государства постоянно нависали и над более законопослушными гражданами, чем Павленко и его команда. Обвинения в нарушении жестоких и мелочно регламентирующих законов, которые очень часто невозможно было не нарушить, в компрометирующих связях, в отсутствии бдительности, пособничестве врагам и т. д. сыпались как из рога изобилия. «Как подкову, кует за указом указ: Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз» – так чувствовал сталинское время Осип Манделъштам, и сам ставший жертвой террора.

Для выживания в условиях повышенных репрессивных рисков требовались специальные усилия и бдительность. Правда, не та бдительность к врагам и шпионам, к которой на каждом шагу призывала официальная пропаганда, а бдительность в отношении самого государства и многих соотечественников. Каждый неосторожный шаг мог с легкостью обернуться катастрофой. В случае соблюдения правил повседневной конспирации и при благоприятном стечении обстоятельств можно было избежать больших угроз. Это касалось и обычных советских граждан, и реальных преступников. По понятным причинам руководителям нелегальной организации Павленко приходилось прилагать дополнительные усилия для обеспечения своего безопасного существования. Долгое время им это удавалось, демонстрируя в числе прочего несовершенство и пределы возможностей огромного советского контрольно-карательного аппарата.

Прорехи всеобщей бдительности

Сталинское государство стремилось к тотальному контролю над всеми сферами жизни страны и столь же тотальному насаждению единомыслия. Характерная черта режимов такого типа – искусственное преувеличение внешних угроз и провоцирование международных конфликтов. Это в полной мере подтвердилось в годы холодной войны, оказавшей огромное воздействие на развитие СССР. Бдительность, борьба с «врагами» и «шпионами» были рутинными лозунгами советской повседневности. Об этом ежедневно твердили газеты и радио. Об этом писали книги и пьесы, снимали кинофильмы, получавшие приоритетную поддержку государства и заполонившие все информационное пространство страны. Бесчисленные плакаты угрожающе требовали от советских людей: «Не спускать с них глаз!», «Не болтай!», «Бдительно несите службу!», «Строго храни государственную и военную тайну!», «Бдительность – наше оружие!».

Опираясь на определенную социальную поддержку, сталинское государство прежде всего рассчитывало на мощный контролирующий и карательный аппарат. Он был основным орудием осуществления тоталитарных устремлений и, не в последнюю очередь, обеспечения самой социальной поддержки, которая далеко не всегда была сознательной и добровольной. Главной задачей государства было внушение страха перед неминуемым наказанием за малейшие отклонения от официальных предписаний, не говоря уже о серьезных преступлениях.

Этой цели служило советское законодательство, основанное на криминализации всех нарушений, на жестоких уголовных санкциях, на широком применении смертной казни и длительных, вплоть до 25 лет лагерных сроках. Достижение карательных целей обеспечивала также структура карательных органов, которые строились по принципу дублирования функций и параллельного действия различных институтов, конкурирующих друг с другом в интересах высшего руководства страны.

Помимо печально известной советской госбезопасности (в рассматриваемый период это было Министерство госбезопасности СССР), действовали Министерство внутренних дел, прокуратура, различные типы судов и внесудебные инстанции, Министерство государственного контроля. Ключевую роль играл разветвленный партийный аппарат. Он не только координировал деятельность других органов власти и их кадровый состав, но и располагал собственными карательными рычагами в виде партийного контроля.

Винтиками этой огромной машины выступали формальные общественные организации (самые крупные из них – комсомол и профсоюзы), вносившие свой вклад в обеспечение бдительности. Ответвления соответствующих структур существовали в каждом ведомстве. Например, в Советской армии, к которой причислила себя организация Павленко, действовала своя служба безопасности. В марте 1951 года было создано подразделение военного контроля в Министерстве государственного контроля СССР⁴⁶⁰ и т. д.

Результатами деятельности этой огромной машины были массовые аресты, осуждения, депортации, выселения из «режимных местностей», увольнения с работы или, в лучшем случае, взыскания, захватывавшие миллионы людей. Активные поиски политических «врагов» и борьба с криминалитетом, согласно обычной логике, постепенно должны были вести к заметному уменьшению количества осужденных. Однако этого не происходило. Согласно статистике, всеми видами судов в СССР в 1937–1940 годах осуждались в среднем 1,8 млн человек

---

⁴⁶⁰ Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР и Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. С. 212–213.

в год, а в 1946–1952 годах – 2,2 млн⁴⁶¹. Еще миллионы находились под следствием (часть из них могла избежать суда).

Эскалация государственного насилия в значительной мере определялась тем, что репрессии нередко били мимо реальных целей. Фабрикация многочисленных дел о вымышленных «шпионско-террористических организациях», аресты за политические анекдоты и неосторожно сказанное слово составляли лишь часть картины. Специфика сталинского права состояла в том, что в нем были криминализованы те сферы социально-экономических отношений, которые не криминализируются или криминализируются не столь жестко в более умеренных системах, в том числе в СССР до и после Сталина⁴⁶².

Советская судебная статистика 1940–1952 годов показывает, что преследования за обычные уголовные преступления составляли лишь незначительную часть осужденных. Удельный вес приговоров судов за бандитизм составлял около 0,3 %, примерно столько же – за умышленное убийство. За разбой и грабеж – менее 1 %, за изнасилование – 0,1 %, за хулиганство – 3,5 %. Максимальный удельный вес приговоров приходился на самовольные уходы с предприятий и учреждений – более 40 % и хищения социалистической собственности и личного имущества – около 17 %⁴⁶³.

В общем, под суд можно было попасть как за серьезные уголовные преступления, так и за опоздание на работу или нарушение паспортного режима. Длительные сроки заключения в лагерях получали в равной мере за хищения сотен тысяч и миллионов рублей и за буханку хлеба, вынесенную с предприятия. Повседневнo сталкиваясь с пороками чрезвычайного законодательства, руководители прокуратуры, Министерства юстиции и Верховного суда в апреле 1951 года осмелились написать Сталину:

Среди привлекаемых к уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 года (указ Президиума Верховного Совета СССР о хищениях государственного и общественного имущества. – *Авт.*) имеется немало лиц, совершивших впервые в своей жизни мелкие, незначительные хищения. Эти лица также осуждаются к заключению на длительные сроки, так как указ от 4 июня 1947 года предусматривает в качестве минимального срока наказания за хищения государственного имущества лишение свободы на 7 лет, а общественного имущества – на 5 лет. Нередко по делам о мелких хищениях осуждаются к длительным срокам лишения свободы женщины, имеющие на иждивении малолетних детей, инвалиды Великой Отечественной войны, подростки и лица престарелого возраста.

В письме приводились конкретные примеры. Инвалид Отечественной войны Насущный, имеющий правительственные награды, был осужден на семь лет за кражу буханки хлеба в пекарне, где он работал. Грузчица Юрина, мать несовершеннолетнего ребенка, муж которой погиб на фронте, получила семь лет за хищение килограмма риса и т. д. Руководители судебных органов и прокуратуры предлагали Сталину снизить санкции за мелкие хищения⁴⁶⁴.

Помимо чувства справедливости, чиновники из правоохранительных структур руководствовались ведомственными интересами. В силу избыточной криминализации жизни страны, бесконечных поисков «врагов» и арестов миллионов бытовых преступников советский карательный аппарат захлебывался в потоке производимых им самим репрессий. Прокуроры, сле-

---

⁴⁶¹ История сталинского Гулага. Т. 1. С. 619.

⁴⁶² Belova E., Gregory P. Political Economy of Crime and Punishment under Stalin // Public Choice. 2009. Vol. 140. № 3. P. 463–478.

⁴⁶³ История сталинского Гулага. Т. 1. С. 611–612. См. подробнее: *Верм Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: Росспэн, 2010. С. 363–387; *Gorlizki Y.* Theft under Stalin.

⁴⁶⁴ История сталинского Гулага. Т. 1. С. 568–570.

дователи госбезопасности и милиционеры не успевали оформлять дела и разыскивать обвиняемых в случае их бегства⁴⁶⁵. Суды не успевали вникать в суть обвинений.

Помимо нераспорядительности и чрезмерной загрузки не следует сбрасывать со счетов фактор коррупции и корыстных злоупотреблений во всех звеньях карательного аппарата. Хотя этот вопрос изучен лишь в слабой степени, уже известные отдельные факты и примеры позволяют полагать, что коррупция в этой среде не была исключительным явлением. Работники милиции, госбезопасности и судов за взятки покрывали преступников⁴⁶⁶.

В таких условиях раскрытие реальных преступлений становилось все более выборочным и случайным. Пример организации Павленко хорошо демонстрировал наличие многочисленных прорех в сталинском избыточном и поэтому хаотично-бюрократическом правоохранении.

---

⁴⁶⁵ Помимо отмеченного в главе 3 массового игнорирования всеми государственными органами нарушений чрезвычайных указов о нарушениях трудовой дисциплины, можно упомянуть случаи нераспорядительности милицеских органов в отношении выявленных преступлений (*Говоров И. В.* Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 118).

⁴⁶⁶ *Говоров И. В.* Разгул преступности. С. 140; *Хайицен Дж.* Искусство взятки. Ч. 3; *Тепляков А. Г.* О коррупции в органах НКГБ – МГБ СССР. С. 220.

Способы маскировки УВС

Несомненно, Павленко и его соратники неплохо понимали и широко использовали слабости советской системы, что долгое время позволяло ограждать организацию от провала. У них имелся важный практический опыт взаимоотношений с советским законом. Напомним, что в середине 1930-х годов Павленко избежал осуждения за хищения, а в 1947 году без труда скрылся от преследований прокуратуры, которая, как говорилось потом в материалах проверки, фактически его и не разыскивала⁴⁶⁷. Свою историю взаимодействия с советскими правоохранителями имели и другие члены команды.

По сути, значительная часть сознательной жизни Павленко и многих его сотрудников состояла в обмане государства. С годами они оттачивали и совершенствовали навыки этого обмана. Прежде всего, Павленко хорошо знал, что представляла собой советская бюрократия и захватывающий все бюрократизм. Наличие «солидных», пусть и фальшивых бумаг позволяло обходить многие препятствия в системе, где бланки и печати играли гипертрофированную роль. Этой стороне дела в организации уделялось особое внимание. Проведя аресты, чекисты обнаружили «большое количество всевозможных фальшивых бланков, гербовых печатей УВС и „Спецстрой“, паспортов, военных билетов, трудовых книжек и пр.»⁴⁶⁸. Только бланков со штампом «Управление военного строительства Военного министерства СССР» было изъято 12,2 тыс. штук⁴⁶⁹.

Принципиальное значение для поддержания необходимого уровня конспирации имел псевдвоенный характер организации. Военные строители были обычным явлением на советских пространствах. Они строили не только военные объекты вдалеке от посторонних глаз, но и генеральские дачи, работали на гражданские ведомства легально или по частным договоренностям. Это была мобильная и практически безотказная рабочая сила, при помощи которой, хотя и не всегда качественно, латались многие дыры в хозяйстве страны. Именно поэтому появление организации Павленко как контрагента ни у кого не вызывало подозрений.

Замминистра пищевой промышленности Молдавии М. А. Азарьев так объяснял этот факт следователям: Павленко говорил, «что управление военно-строительной организации находится на станции Снятин Станиславской области, и в настоящее время передислоцируется, в связи с чем значительная часть рабочей силы свободна, и он имеет разрешение командования на время передислокации выполнять по договорам некоторые работы у гражданских организаций. У меня такое объяснение Павленко не вызвало подозрений, и я об том сообщил министру»⁴⁷⁰.

Для создания ложного военного фасада в УВС, как уже говорилось, была создана своя «военная команда». По показаниям Павленко, военную форму в его организации носили до 35 человек⁴⁷¹. В материалах суда говорилось, что форму солдат и сержантов носили в организации до 60 человек⁴⁷². Вероятно, речь шла обо всех «военнослужащих», прошедших через организацию за несколько лет. Руководители организации также числись военнослужащими. Павленко за время работы организации «вырос» с «инженер-майора» до «инженер-полковника». Константинов стал «майором», Курицын, Федоренко, Невинский – «инженер-капитанами» и т. д. Документы у всех «военнослужащих» были фальшивыми.

---

⁴⁶⁷ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 83.

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 325.

⁴⁶⁹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 56.

⁴⁷⁰ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 185.

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 172.

⁴⁷² Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 54 об.

Несколько десятков «рядовых» и «сержантов» лишь периодически работали на стройках. В основном они несли охрану помещений и имущества организации и одновременно служили прикрытием легенды о ее военном характере. Некоторые из них, о чем будет сказано далее, выполняли роль осведомителей в своеобразной службе безопасности УВС.

Порядок вербовки в число «военнослужащих» организации не вполне понятен. Видимо, самым распространенным способом был «призыв» молодых рабочих организации в «армию». Им объявлялось, что в связи с достижением призывного возраста они будут служить теперь в охране УВС вместо работы на строительных площадках. Изготовить соответствующие документы о прохождении «воинской службы», о присвоении «воинских званий», «демобилизации» и т. д. для организации не представляло большого труда. Руководители УВС устанавливали связи с работниками военно-учетных столов и райвоенкоматов и «путем обмана и подкупов ставили фиктивные отметки в военных билетах и приписных свидетельствах о взятии на учет лиц, находившихся в „УВС“»⁴⁷³.

Не было сложно получить и обмундирование. В стране, только недавно вышедшей из войны, оно не было дефицитом. Многие советские граждане обоих полов и разных возрастов все еще donaшивали военную форму, поскольку приобрести гражданскую одежду было не так просто. Частично обмундирование, в том числе сапоги и шинели, организация Павленко заказывала в мастерских из их материала либо покупала материал и сдавала в пошив. Часть обмундирования покупали на базарах или в магазинах военторга, в частности в Киеве и Ленинграде⁴⁷⁴.

Лишь немногим сложнее было получить оружие. В тех районах, где работали подчиненные Павленко, много оружия оставалось со времен войны⁴⁷⁵. В ряде случаев оружие покупали или получали «официально», но за взятки⁴⁷⁶. Нередко его, неизвестно в какой степени бескорыстно, выделяли местные органы госбезопасности и милиции для защиты от антисоветского подполья в западных областях СССР:

Находясь в Золочево и, используя имеющиеся у меня подложные штампы и печати от имени Военного Министерства СССР, я написал отношение в Золочевское РО МГБ или милицию с просьбой выдать для воинской части винтовки, автоматы, и, кажется, пистолеты. По этому письму нам было отпущено оружие... Я тогда познакомился с начальниками РО МВД и МГБ... и объяснил им, что поскольку мы являемся военно-строительным участком, то у нас своего оружия нет. Они, видимо, этому поверили и дали нам какое-то количество оружия, имея в виду, что эта местность была поражена оуновцами. Когда мы приехали в Коломыю... то там по моему же фиктивному письму было получено оружие в Яблоновском РО МГБ или милиции... Организовав строительный участок в Эстонии, мы и там получили какую-то часть оружия в Йыхвинском РО МГБ или милиции⁴⁷⁷.

Правда, после передислокации из этих районов УВС оружие не возвращало⁴⁷⁸. Скорее всего, его никто и не требовал вернуть.

В ноябре 1952 года во время разгрома организации в ее двух «штабах» в Запорожье и Кишиневе было изъято 3 пулемета с дисками, 20 винтовок и карабинов, 8 автоматов, 22

---

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 59.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 171.

⁴⁷⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 138.

⁴⁷⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 58.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 169. Показания Павленко.

⁴⁷⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 26.

пистолета и револьвера, 3 тыс. боевых патронов, 100 килограммов взрывчатки, 5 ручных гранат и т. д.⁴⁷⁹

Молодые рабочие, пополнявшие охрану, вряд ли возражали против своего «призыва в армию» в рамках УВС. Благодаря этому они повышали свой статус и вместо изнурительного труда на стройплощадках несли куда более легкую охранную службу. Судя по всему, «военным» выплачивалась в организации приличная зарплата, сопоставимая или превышавшая заработки на стройке. Как выяснилось во время допросов, Павленко и Константинов, проводя совещание с «солдатами», инструктировали их не сообщать рабочим о своих заработках⁴⁸⁰. Вряд ли это было бы нужно в том случае, если бы выплаты не были сравнительно высокими.

«Военные» не бездельничали. Они ходили в караулы, периодически обучались военному делу. Как говорилось в материалах суда, с «военнослужащими» организации проводились «занятия, инструктажи и сборы». Они состоялись в 1949 году в селе Ковалевка Станиславской области, в 1950 году в селе Квасилово Ровенской области, в мае 1952 года в городе Орша, в июле 1952 года в городе Первомайске⁴⁸¹. Главным инструктором, видимо, выступал Константинов как один из немногих в руководстве организации, кто реально служил в армии:

Во время этих приездов он (Константинов) с нами, солдатами, проводил занятия по изучению материальной части оружия, изучению устава строевой службы и строевой подготовке. На четырех занятиях, проводимых Константиновым, присутствовал и я. В августе 1952 г. Константинов проводил занятия с солдатами целую неделю в г. Первомайске Одесской области⁴⁸².

Сам Константинов свидетельствовал даже о более длительных «учениях»: «В Первомайске по указанию Павленко я около двух месяцев занимался с так называемыми „солдатами“ боевой подготовкой, изучением личного оружия, устава и т. д.»⁴⁸³

Вели занятия с «солдатами», включая строевую подготовку и изучение «порядка и норм поведения на охраняемом объекте», также «начальник караула» Пашун и «начальник охраны» Максименко⁴⁸⁴.

Такие занятия, о которых, конечно, становилось известно как в организации Павленко, так и окружающим, были не только важным средством поддержания дисциплины в охране, но и способом поддержания псевдовоенной легитимности УВС.

Одев своих рабочих в военную форму, Павленко ничем не рисковал и хорошо маскировался в окружающей среде. Случалось даже так, что площадки УВС действовали по соседству с реальными военными строителями. У них устанавливались дружеские отношения и производственная взаимовыручка, характерные для советских предприятий. Об этом сохранились показания Константинова, который первоначально не был посвящен в тайну организации и, даже имея реальный фронтовой опыт, принял организацию Павленко за реальную военную часть:

Когда я прибыл в Золочев, то возглавляемое Павленко военно-строительное управление принял за действительную воинскую организацию. Более того, в тот период в Золочеве рядом со стройплощадкой (УВС. – *Авт.*) ... работали человек 700 военнослужащих железнодорожных войск... которые

---

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 251–252.

⁴⁸⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 56.

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 55.

⁴⁸² AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 56. Показания Ногаевского.

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 133.

⁴⁸⁴ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 87, 89.

также строили подъездные дороги к шахте Золочевского шахтоуправления. С этими войсками в последующем мы совместно проводили строительные работы в Коломыйском шахтоуправлении и в тресте «Западшахтострой» в гор. Владимире-Волынском. Между Павленко и командирами батальонов железнодорожных войск установились добрососедские отношения, и мы очень часто друг другу даже заимствовали стройматериалы, горючее и прочее⁴⁸⁵.

Контакты с настоящими военными могли быть также источником важной информации о различных нововведениях в строительных войсках. Как уже говорилось, экстренные меры для маскировки были предприняты в связи с изменениями в структурах Военного министерства. На допросе Павленко рассказывал об этом так:

С начала организации и до 1951 года она называлась участком № 2 Управления военных работ № 2. В 1951 году я установил, что в системе действительных строительных организаций Военного Министерства участков не существует, а есть стройплощадки и управления. Чтобы не провалить созданную мною организацию, я переименовал ее в т. н. «Управление Военного строительства № 10», а в местах производства работ создавал т. н. «площадки»⁴⁸⁶.

Были вырезаны новые печати и изготовлены фальшивые документы. Переименование прошло не замеченным для посторонних глаз.

С особым вниманием Павленко следил за соблюдением других формальностей. Например, в течение всего периода существования организации Павленко удавалось обходить такое сложное препятствие, как отсутствие воинских удостоверений установленного образца. Судя по всему, получить их или сфабриковать было не так просто по многим причинам, в том числе потому, что формы этих документов периодически изменялись. Поэтому руководство УВС предпочитало пользоваться различными подложными временными удостоверениями, доверенностями, справками и т. д. Эта уловка работала безотказно⁴⁸⁷. У рабочих, как уже говорилось, отбирались документы, взамен им выдавались удостоверения, скопированные с подлинных⁴⁸⁸.

Значительные усилия, которые затрачивались на поддержание образа военной организации, окупались сторицей. Существование в тени «военной тайны» – священного символа советской системы – облегчало открытие счетов в банках, получение заказов, предотвращало проникновение в организацию контролеров и проверяющих. Военным не задавали лишних вопросов, дабы не быть обвиненными в шпионаже. Не ожидали от них и подробных ответов.

Требования военной дисциплины помогали контролировать сотрудников самой организации. Часть «военных» действовала как секретные сотрудники своеобразной службы безопасности УВС: они следили за рабочими и сообщали начальству об их негативных настроениях. Наконец, «военные» выполняли реальные охранные функции. Они предотвращали несанкционированный доступ в штабы, сторожили строительные площадки и технику и т. д. В военной форме было проще решать многие текущие вопросы. «В офицерскую или сержантскую форму были одеты почти все начальники строительных площадок и начальники финансовых частей для того, чтобы в банке и государственных организациях придать видимость, что мы представляем воинскую часть», – объяснял Павленко следователям⁴⁸⁹.

---

⁴⁸⁵ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 115.

⁴⁸⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 18.

⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 258.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 125.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 171.

И это работало. Павленко и его основные сотрудники настолько вжились в образ военных, что не вызывали ни у кого подозрений. Павленко был особым мастером перевоплощения. «Чем вы объясняете, что Павленко так легко было проникать в различные советские организации и длительное время оставаться неразоблаченным?» – спросили следователи свидетеля из числа хозяйственных руководителей. «Это объясняется тем, что Павленко действовал от имени воинской части, носил военную форму, был напористым...» – последовал ответ⁴⁹⁰.

Подобные объяснения давали и другие свидетели:

...При появлении к нам (в контору Промбанка. – *Авт.*) Павленко держался солидно и высокомерно по отношению к рядовым сотрудникам... и подчеркивал свое высокое достоинство. Документы личности мы не проверяем у клиентов, указаний по этому поводу нет, и тем более было бы невероятно потребовать документы у представителей воинской части, особенно в звании полковника⁴⁹¹.

«О задачах и структуре этой организации полковник (Павленко. – *Авт.*) не рассказывал, и я, поскольку дело касалось воинской части, не спрашивал о ней»; «Признав эти сомнительные документы действительными я допустил оплошность... Мое внимание было ослаблено тем, что... документы были представлены людьми в форме офицеров Советской Армии и от имени воинской организации⁴⁹².

В общем, Павленко в полной мере использовал синдром «государственной тайны» в своих интересах. Он хорошо понял истинную цену показной «бдительности», которая с легкостью могла быть вывернута в свою противоположность.

Тайна фальшивого «военного» фасада организации тщательно охранялась. О фиктивном характере «военно-строительного управления» знал только узкий круг ближайших сотрудников и помощников Павленко. Причем и им он сообщал правду только в случае необходимости, если это вызывалось интересами дела. Наемные рабочие и многие «охранники» трудились в привычных для советского человека условиях и ничего не подозревали. Они получали свою зарплату, с которой производились необходимые налоговые отчисления⁴⁹³. Команда Павленко участвовала в различных политических мероприятиях, которые были неотъемлемой частью жизни советского человека.

22 февраля 1949 года, возвратившись из Москвы, Павленко организовал торжественное празднование годовщины Красной армии в Яблнове, где организация работала по договору с Коломыйским шахтоуправлением. Доклад на собрании было поручено сделать Константинову, который обратился за соответствующими материалами в местный райком партии. После доклада Константинова Павленко зачитал выписки из фальшивого приказа военного министра о присвоении Константинову очередного воинского звания «гвардии капитан», Курицыну – «старший лейтенант». Кроме того, Павленко сообщил, что ему накануне праздника министром присвоено звание «подполковник инженерных войск». Там же Павленко зачитал поздравительную телеграмму личному составу УВС от руководства одного из управлений Министерства Вооруженных Сил, якобы поступившую из Москвы. После торжественной части был устроен банкет для руководящего состава, на котором присутствовали первый и второй секретари Яблоновского райкома партии, управляющий местным отделением Госбанка, хозяйственные руководители и т. д.⁴⁹⁴

---

⁴⁹⁰ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 162. Показания директора Тираспольского винно-коньячного завода А. К. Осадчего.

⁴⁹¹ Ibid. D. 168. F. 171. Показания служащего молдавской конторы Промбанка М. Б. Вайнштейна.

⁴⁹² Ibid. D. 165. F. 136. Показания начальника городского управления Госбанка в Тирасполе И. Н. Гришаева.

⁴⁹³ Ibid. F. 27.

⁴⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 119.

Связи с местными партийными и советскими властями имели принципиальное значение для подкрепления легитимности организации. В эти игры играли серьезно, не жалея усилий. Как свидетельствовал Константинов,

Павленко, я, Губский, Курицын и др. так называемые «начальники» строительных участков вызывались в районные комитеты партии, с нами там знакомились, причем имевшиеся у нас фиктивные документы усыпляли бдительность партийных работников, нам верили и, больше того, старались помочь нам организовать политическую работу среди рабочих. Например, я неоднократно вызывался в Йыхвинский райком партии для доклада на бюро райкома о ходе строительства, получал «накачки», похвалы, благодарности, а однажды, требуя от меня выполнения плана строительных работ, члены бюро райкома угрожали, что сообщат министру о том, что наша организация не выполняет производственный план.

Лично я неоднократно, по своей инициативе заходил во Владимир-Волынский райком партии, в Яблоновский райком партии, в Йыхвинский райком партии для инструктажа и получения соответствующей литературы для докладов среди рабочих...

Созданные нами так называемые строительные участки неоднократно посещали работники районных и городских комитетов партии, интересовались условиями быта наших рабочих, постановкой воспитательной работы...

В Йыхви местные руководители, посещавшие строительный участок, «выражали свое удовлетворение тем, что наша организация выполняла производственный план, что бытовые условия рабочих были неплохие и что проводилась культмассовая работа среди рабочих, в частности, на созданном нами строительном участке мы провели четыре избирательных кампании по выборам в советы и по выборам народных судов». На участок «специально привозили председателей участковых избирательных комиссий для того, чтобы они посмотрели, как нужно организовывать работу на избирательном участке»⁴⁹⁵.

Когда в 1951 году во время работы на шахтах в городе Владимире-Волынском в Украине кто-то из местных работников усомнился в военном характере УВС, Павленко срочно перебросил с другого участка охрану, обмундированную в форму инженерных войск. Затем эта команда приняла участие в праздничной демонстрации трудящихся города по случаю 1 Мая⁴⁹⁶. Недоброжелателям заткнули рты. Участвовали члены организации в праздничных демонстрациях и в других местах⁴⁹⁷.

Вместе с тем Павленко предусмотрительно не создавал в УВС партийную и комсомольскую организации. По свидетельству Константинова, который во время службы в армии вступил в партию, Павленко взял у него партийный билет и обещал оформить постановку на партийный учет и уплатить взносы. Однако через много месяцев Константинов нашел свой партбилет в портфеле у Павленко (интересно, почему он шарил в его портфеле?), забрал его оттуда и сжег, «потому что потерял надежду восстановиться в партии». Как утверждал Константинов, такая же судьба постигла других членов партии и комсомольцев из УВС. Павленко изымал и прятал их документы⁴⁹⁸. В целом это похоже на правду.

---

⁴⁹⁵ Там же. Л. 119, 213, 214.

⁴⁹⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 59.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 25, 172.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 149.

Мотивы Павленко легко объяснить. Поставить коммунистов и комсомольцев его организации на учет в вышестоящих армейских политотделах было невозможно, потому что фактически УВС не входило ни в одну легальную воинскую структуру. Искать же обходные пути в данном случае было не только опасно, но и бесполезно. Отсутствие коммунистов и комсомольцев не мешало организации строить дороги. Не мешало это и безопасности организации. Как свидетельствовал Константинов, «партийные работники, с которыми мне приходилось встречаться, иногда интересовались моей партийной принадлежностью, но ни один из них никогда не пытался проверить, имеется ли у меня партийный билет»⁴⁹⁹. В результате руководители организации в тех случаях, когда это было нужно, представлялись членами партии, хотя таковыми не являлись⁵⁰⁰.

Павленко действовал строго по правилам советской бюрократической системы: выстраивал необходимые связи сверху вниз, никогда не обращался к руководителям предприятий, минуя их начальство. Получив санкции на заключение договоров в вышестоящих учреждениях, УВС далее не вызывало никаких подозрений на местах. Сами договоры оформлялись по всем правилам. Управляющий молдавской республиканской конторой Промбанка по этому поводу в марте 1953 года дал в ЦК компартии Молдавии такие объяснения: «Все документы (УВС. – *Авт.*), которые принимались... к оплате (договора, акты, счета и поручения) существенным не отличались от всех документов других строительных организаций и поэтому при ревизии конторы Промбанком Союза в 1952 году замечаний по документам этой организации не было. Последующий контроль выполненных объемов работ осуществлялся... путем производства контрольных обмеров и завышений... не было обнаружено»⁵⁰¹.

Этот фасад организации имел такое же принципиальное значение для ее существования, как и скрытая часть. Однако для ее поддержания в порядке не приходилось, конечно, прилагать столь значительные усилия, которые требовались для постоянного поддержания в рабочем состоянии и безопасности внутренних частей корпорации.

---

⁴⁹⁹ Там же. Л. 214.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 336.

⁵⁰¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 167. F. 95.

Служба безопасности и «военные»

Как и все советские организации, УВС имело свою службу безопасности. Конечно, это не был официальный особый отдел, представлявший госбезопасность во всех подразделениях армии. Внешние формы особого отдела у Павленко лишь имитировались, однако по существу функции безопасности осуществлялись. Как можно понять по документам, соответствующую деятельность в организации вел Ю. Б. Константинов. В 1949 году Павленко назначил его «начальником оперативного отдела штаба управления» и передал в его ведение всю документацию: бланки, листки по учету кадров, паспорта и документы части рабочих, их автобиографии и фотокарточки⁵⁰². В случае необходимости Константинов представлялся в качестве начальника отдела контрразведки УВС⁵⁰³.

Правда, при этом необходимо было соблюдать осторожность. Так, во Владимире-Волынском начальник контрразведки гарнизона пожелал познакомиться с Константиновым поближе и пригласил его «зайти поговорить о работе». Такой разговор мог закончиться провалом, поскольку Константинов мало что знал о реальной работе этих служб, их текущих задачах и документах. Константинов счел за лучшее скрыться. Вместе с семьей он срочно той же ночью уехал из Владимира-Волынского. Когда на следующий день контрразведчики поинтересовались, где Константинов, им ответили, что он срочно отбыл в командировку⁵⁰⁴.

Павленко действительно было что скрывать. Поэтому важнейшей задачей организации было обеспечение строгой конспирации. С этой целью вводился строгий режим доступа в здания управлений строительных участков. Обмен информацией между Павленко и руководителями участков осуществлялся при помощи доверенных связных. Например, роль явки играла квартира Монастырского в Киеве, через него же по телефону и почте поддерживалась связь⁵⁰⁵. Междугородние переговоры между руководителями УВС на телефонных станциях велись по строго установленным правилам: с шести до восьми часов утра без упоминания имен и фамилий.

Лица, ведущие телефонные переговоры, хорошо знали друг друга. Работники, передвигавшиеся по делам организации из одного населенного пункта в другой, снабжались командировочными документами с фиктивными отметками и инструктировались в случае проверки скрывать местонахождение «штаба», указывая, что они следуют из какого-либо другого пункта. Охрана при передислокации передевалась в гражданскую одежду и разоружалась. Оружие перевозилось под видом запчастей либо продуктов. За пределы своего расположения рядовой состав охраны выходил без оружия и погонов. Когда пребывание отдельных подразделений или работников организации грозило осложнениями с местными властями, они немедленно перебрасывались в другие местности⁵⁰⁶. При получении денег со счетов в банках члены организации нередко пользовались купленными паспортами, оформленными на другие имена⁵⁰⁷.

Одним из приоритетов безопасности было предотвращение скандалов, способных вызвать огласку и интерес к организации. Всегда учитывалась также возможность проникновения в УВС агентов реальной госбезопасности или милиции. С учетом этого особое внимание уделялось приему новых работников. Павленко предпочитал нанимать знакомых и род-

---

⁵⁰² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 121.

⁵⁰³ Там же. Л. 126.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 127.

⁵⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 89.

⁵⁰⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 60–61.

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 56.

ственников членов организации. Если это не получалось, при приеме проводился тщательный допрос:

Константинова впервые встретил в 1948 г. ... когда я оформлялся работать. Тогда же я узнал, что он является уполномоченным особого отдела, ибо после поступления меня на работу он через несколько дней вызвал к себе в кабинет и подверг меня тщательному допросу. При допросе Константинов интересовался, где я проживал и чем занимался, как попал в плен, что я делал в немецком плену и другие вопросы из моей биографии. Мой допрос был оформлен протоколом, который я подписал⁵⁰⁸.

Для предотвращения утечки информации Павленко и Константинов в собственных интересах использовали рутинную в СССР пропаганду бдительности: «Константинов постоянно разъяснял, что мы не должны разговаривать с посторонними и хранить, подобным образом, „военную тайну“. Он предупредил, что к нам могут быть подсланы шпионы, которые будут расспрашивать о руководителях нашей организации УВС-1. Таких людей необходимо задерживать и передавать ему, как начальнику контрразведки»⁵⁰⁹.

Как и другие спецслужбы, Константинов и его помощники внимательно контролировали настроения членов организации, прежде всего рабочих. Функции такого контроля выполняла вооруженная охрана, наиболее тесно и повседневно контактировавшая с рабочими. О методах вербовки охранников в осведомители свидетельствовали показания «солдата» охраны Поливко:

Примерно, через месяц после того, как я поступил на работу в УВС-1, однажды, когда я стоял на посту, ко мне подошел Константинов и сказал, чтобы я, когда нахожусь на работе, прислушивался к разговорам рабочих, докладывая ему о настроении, недовольстве «начальством». Этот разговор у нас происходил один на один... Позднее в г. Первомайске в 1952 г. Константинов предупредил меня, что если я кому-либо скажу о полученном от него задании, то он посадит меня в подвал, или же даст мне другое наказание⁵¹⁰.

Выполняя поручение, Поливко прислушивался к разговорам рабочих. Константинову он доложил, что ряд рабочих высказывали недовольство по поводу питания и зарплаты, а также невыдачи им оплаченных облигаций государственных займов. Аналогичные функции выполняли и другие солдаты охраны. Связником между ними и Константиновым выступал «сержант» охраны, который также получал информацию и давал задания о слежке за рабочими. Некоторые охранники с этой целью периодически направлялись с рабочими непосредственно на строительные участки. Константинов заботился о своей агентуре; в ряде случаев он получал от нее информацию во время специально организованных застолий⁵¹¹.

Важной частью прикрытия УВС, особенно тех ее участников, которые по каким-то причинам скрывались от властей или остались без документов, было получение в органах милиции, подчинявшихся тогда МГБ, подлинных паспортов и других документов. Позже следствие зафиксировало, что паспорта были получены в одном из райотделов МГБ Львовской области через брата участника организации, служившего оперуполномоченным. Начальник паспортного стола Йыхвинского отделения милиции в Эстонской ССР выдал Константинову 31 паспорт. Работники паспортного стола Сафоновского отделения милиции Смоленской области также «систематически снабжали участников преступной организации паспортами». Все доку-

---

⁵⁰⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 57. Показания П. Благия.

⁵⁰⁹ Ibid. Показания В. С. Полуэктова.

⁵¹⁰ Ibid. F. 53

⁵¹¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 54.

менты получались за взятки, т. е. фактически покупались⁵¹². Очень характерной являлась стоимость этих подлинных (но незаконных) документов. Как утверждал Константинов, за свой паспорт он заплатил 500 руб.⁵¹³ Это были совсем небольшие деньги – меньше, чем среднемесячный заработок рабочих и служащих в стране. Такие цены могли свидетельствовать о широком распространении торговли документами в органах милиции и относительно низких рисках этих операций.

Действительно, как отмечает Дж. Хайнцен, исследовавший этот вопрос на основании архивов, «повальное уничтожение личных документов и ведомственных архивов во время войны... обострило потребность населения в массе разнообразной документации. Массовые перемещения людей после войны породили большой спрос на фальшивые внутренние паспорта и прописки среди тех, кто желал жить в городах... Случаев, когда граждане „давали на лапу“ бюрократам, чтобы получить сфальсифицированные документы, не счесть»⁵¹⁴.

Как показано в другом исследовании, основанном на архивах, в послевоенный период получила распространение выдача за взятки поддельных паспортов и справок об увольнении. Это позволяло рабочим избегать ответственности за самовольный уход с предприятий, который карался большими лагерными сроками⁵¹⁵. В общем, как заявил весной 1947 года заместитель министра внутренних дел СССР И. А. Серов, «существует негласно установленная такса за прописку в режимных местностях, за приобретение паспорта, за паспорт на автомобиль и т. д.»⁵¹⁶. Наличие таких такс – одно из важных свидетельств формирования широкого рынка фальшивых документов.

---

⁵¹² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 258.

⁵¹³ Там же. Л. 147.

⁵¹⁴ Хайнцен Дж. Искусство взятки. Гл. 1.

⁵¹⁵ Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. С. 239.

⁵¹⁶ Говоров И. В. Разгул преступности. С. 139.

Погашенные скандалы

Несмотря на принимаемые меры безопасности и слежку за работниками, организация периодически попадала в скандальные ситуации, грозившие повышенным вниманием к ней властей. Такие неприятности, связанные с проступками, преступлениями или компрометирующими связями работников, возникали практически во всех советских учреждениях и организациях. Однако для Павленко они были особенно опасны, поскольку могли мимоходом раскрыть фальшивую суть самой организации. У Павленко были все основания защищать «своих» людей не только из чувства корпоративной солидарности, но и в целях самосохранения. Причем это касалось всех: и посвященных в тайну УВС, и простых рабочих, ничего не подозревавших о характере своей «воинской части».

После разгрома организации следствие составило целый каталог таких инцидентов, каждый из которых потенциально мог привести к повышенному вниманию со стороны властей и проверкам, чреватым непредсказуемыми последствиями.

Крайне опасным было нахождение в составе организации людей, которые по разным причинам разыскивались властями. Такие работники были удобны для УВС, поскольку вели себя осторожно и лояльно. Однако в случае провала они могли потащить за собой на дно всю организацию. По этой причине количество тех, кто находился в розыске, в организации не могло быть слишком большим. Только тогда их удавалось защищать и прятать. Так, в марте 1952 года на запрос прокурора войск МГБ Станиславской области о И. М. Пашуне руководители организации ответили, что такой человек в УВС не числится. На всякий случай Пашуну были изготовлены документы на имя Пашутского⁵¹⁷. Видимо, этими документами он воспользовался в период провала организации. Ему удалось бежать. Пашун был задержан в Калининe лишь несколько месяцев спустя, в феврале 1953 года⁵¹⁸.

Легче было скрывать от властей тех членов УВС, кто совершил сравнительно незначительные преступления. Один из активных участников организации Я. С. Максименко оказался злостным неплательщиком алиментов и был вычислен в 1951 году управлением милиции Молдавии. Тогда от имени УВС было составлено письмо на имя начальника Кишиневского отдела милиции, в котором говорилось: «Командование и парторганизация (которой на самом деле не было. – *Авт.*) УВС просят передать гв. капитану Константинову все имеющиеся материалы о злостном уклонении Максименко от уплаты на содержание детей, для привлечения его к строгой ответственности»⁵¹⁹. Инцидент был погашен. Возможно (хотя об этом нет сведений), Максименко заставили заплатить алименты.

Защиту от властей получали не только активные работники организации, но и ее рядовые члены. Один из рабочих, который, по утверждению МГБ, при немцах служил полицейским, на допросе рассказал, как руководители организации скрывали его от сотрудников госбезопасности:

Примерно в марте 1951 г. органами МГБ был арестован мой односельчанин... за связь с бандеровцами. Через несколько дней после его ареста я также был вызван через сельсовет в МГБ, но для чего – не знаю. Боясь того, чтобы меня также не арестовали, я в МГБ не явился, сбежал из села и работал в так называемой «военно-строительной организации»... Примерно, в августе месяце 1951 г. ... приехал майор Константинов, вызвал меня и начал расспрашивать, по какой причине меня разыскивает МГБ. Я ему

---

⁵¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 56, 58.

⁵¹⁸ Там же. Л. 87 об.

⁵¹⁹ Там же. Л. 58 об.

объяснил... После этого Константинов мне сказал, что приезжали работники МГБ и интересовались мной, но он якобы сказал, что я у них не работаю. Дня через два-три я был перевезен на работу в г. Йыхви Эстония, где начальником (участка УВС. – *Авт.*) был Константинов⁵²⁰.

Аналогичные меры принимались, когда члены организации совершали уголовные преступления, предусматривавшие арест. Например, в августе 1951 года шофер организации в районе поселка Ватутино Звенигородского района Киевской области сбил насмерть женщину. Его перебросили на другой участок, сообщив властям об отъезде в неизвестном направлении. Дело было прекращено за невозможностью розыска подозреваемого⁵²¹. Аналогичный инцидент произошел в октябре 1951 года. Шофер самосвала, принадлежавшего УВС, совершил наезд со смертельным исходом в районе города Йыхви в Эстонии. Павленко снабдил его деньгами и вывез вместе с семьей на своей машине подальше⁵²².

Как удалось погасить само дело в местной милиции, в документах не говорится. Возможно, традиционным путем – при помощи взятки, как это происходило, например, в другом конце страны с другим водителем примерно в то же время. В Ростовской области за закрытие дела автоинспектор потребовал 5 тыс. руб. у родных водителя, попавшего в аварию. В конечном счете сошлись на двух отрезках материи на платье. Следователи установили, что инспектор действовал таким образом несколько лет, благодаря чему потратил 100 тыс. руб. на строительство дачи⁵²³.

Как минимум один раз члены организации попали в поле зрения органов госбезопасности. В декабре 1949 года в селе Квасилово Ровенской области два участника организации попытались через местную жительницу приобрести оружие и фиктивные паспорта. Это стало известно местным чекистам. В распоряжение УВС для проведения расследования прибыл сотрудник областного управления МГБ. Однако Константинову, представившемуся уполномоченным отдела контрразведки УВС, удалось погасить скандал, представив дело так, что это была контрразведывательная акция⁵²⁴. Свидетельства о взятке в материалах дела отсутствуют. Остается предположить, что сотрудник МГБ оказался легковерным.

Однако главным источником публичных скандалов с участием членов УВС были служащие охраны. Молодые люди, как и их сверстники, проходившие службу в реальных соединениях армии, вырываясь из казармы в увольнение, нередко доставляли неприятности. Участниками ряда публичных конфликтов были также некоторые руководители УВС, люди, как правило, молодые, авантюрные и склонные к правонарушениям. Прокурорская проверка по делу Павленко собрала позже многочисленные свидетельства такого рода.

В марте 1949 года в селе Ковалевка Станиславской области группа, в которую входили Константинов, Максименко, Пашун и др., в форме военнослужащих под предлогом розыска какого-то человека произвели обыск в доме местного жителя и украли у него несколько килограммов мяса и сала. Там же в Западной Украине «офицеры» и «солдаты» УВС несколько раз были замечены в пьяных дебошах. Один из них разбил лопатой стекло проходившей мимо машины, другие устроили погром в буфете, третьи разбили стекла в здании одного из сельсоветов и оборвали телефонные провода, избili местного жителя. Каждый раз хулиганы избежали ответственности, в том числе перемещаясь на другие площадки организации⁵²⁵.

---

⁵²⁰ АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 51–52.

⁵²¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 58 об.

⁵²² АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 165. F. 53.

⁵²³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 33–34.

⁵²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 55 об.

⁵²⁵ Там же. Л. 60–61.

Бесчинствовали члены УВС и в Эстонии. В конце 1950 года в городе Йыхви они участвовали в драке в клубе, где была поломана мебель и разбита посуда. При задержании хулиганы оказали вооруженное сопротивление милиционерам. Также было несколько случаев грабежей и краж. У одного из местных жителей отобрали аккордеон, у другого украли из сарая трех овец, у третьего – кур, у четвертого застрелили и увезли двух кабанов⁵²⁶. В одном из приказов начальника гарнизона города Йыхви, где организация Павленко работала в 1951 году, «были отмечены факты бесчинств, совершаемых военнослужащими УВС-1 и предлагалось „командованию“ принять надлежащие меры к установлению порядка в части». Видимо, чтобы погасить этот скандал, члены организации были включены в состав патрулей, которые несли службу по указанию начальника гарнизона и коменданта города⁵²⁷.

В августе 1951 года в Смоленскую областную прокуратуру поступило письмо «о незаконной деятельности» руководителя строительного участка в городе Сафоново С. И. Литвина. Не дожидаясь результатов проверки, Литвин уехал⁵²⁸.

В Тульской области, где также вела работы УВС, ее участники весной 1952 года отметились в дебоше в женском общежитии и в клубе шахты № 6 в поселке Центральный треста «Тулауголь». В последнем участвовал также «начальник контрразведки» Константинов. По жалобе рабочих шахты на место прибыл старший офицер штаба железнодорожных войск Военного министерства. Установив факт хулиганства, он лишь сообщил по инстанции формальные данные о строительном участке УВС, несомненно полученные от самих дебоширов⁵²⁹. Как был погашен этот скандал, из документов неясно.

В июне 1952 года военный комендант Могилевского гарнизона, принимавший УВС за воинскую часть, приказал Невинскому, возглавлявшему участок УВС в Могилеве, арестовать и направить на гарнизонную гауптвахту двух участников УВС за нарушение общественного порядка. Невинский проигнорировал приказ, а когда на участок явились представители военной комендатуры, уехал из Могилева в Киев⁵³⁰.

Многочисленными были похождения членов организации в Молдавии. В совхозе «Гратешты» в январе 1952 года они устроили дебош со стрельбой, били стекла в клубе и домах жителей. Милиция задержала и обезоружила хулиганов. Однако руководителям организации удалось погасить скандал⁵³¹.

Тогда же, в январе 1952 года, «военнослужащие» Павленко учинили хулиганство и стрельбу в Кишиневе. Милиция провела обыск у повара стройплощадки и обнаружила автомат, винтовку, патроны и военное обмундирование. 22 января в милицию явился «капитан» Курицын с оформленной доверенностью от начальника «штаба» и «контрразведки» «майора» Константинова. Он получил оружие и обмундирование, поскольку оно принадлежало «военной части»⁵³².

В том же 1952 году в дни Первомайских празднеств, перебрав спиртного, «охранники» из УВС устроили дебош в общественных местах в Кишиневе. Прибывший на автомашине комендантский наряд хулиганы разоружили. Павленко сумел погасить конфликт и вывез участников скандала за пределы города на другой строительный участок⁵³³.

В не обозначенную в документах дату в 1952 году начальник участка УВС на строительстве Тираспольского винно-коньячного завода «напился пьяным и страшно избил свою

---

⁵²⁶ Там же. Л. 61 об.

⁵²⁷ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 258.

⁵²⁸ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 82.

⁵²⁹ Там же. Л. 60 об.; Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 259.

⁵³⁰ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 58.

⁵³¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 60 об.

⁵³² Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 260; AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 8–9.

⁵³³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 59.

жену». Женщина пожаловалась властям. На стройку приехали для проверки сотрудники военной контрразведки. Однако директор завода сам уговорил их не открывать дело, «чтобы нам закончили эту работу»⁵³⁴.

24 августа 1952 года в молдавском селе Страшены один из «военнослужащих» УВС избил беременную жену работника милиции. При задержании милицией он оказал сопротивление. 3 сентября 1952 года Кишиневское окружное управление милиции сообщило об этом факте командующему Одесским военным округом и просило его дать указание о привлечении «военнослужащего» к уголовной ответственности. Однако дело также было замято. Павленко дал хулигану расчет, выплатив более 2,5 тыс. руб. в счет зарплаты и отпускных⁵³⁵.

25 августа 1952 года «солдаты» Павленко в Кишиневе вновь были задержаны милицией за хулиганство. На второй день в районный отдел прибыл сам Павленко, принес извинения и забрал хулиганов, обещав наказать их⁵³⁶. Однако на этот раз скандал не удалось погасить лишь визитом руководства УВС. В дело неожиданно вмешалась местная военная прокуратура. Она направила материалы о хулиганстве «военнослужащих» в указанный руководителями УВС адрес «штаба» в город Скол Дрогобычской области. Однако оттуда пакет возвратился с отметкой спецсвязи об отсутствии в городе такой организации. Представителям Павленко пришлось вести с прокуратурой длительную переписку из нескольких городов Украины, объясняя невозможность получения пакета передислокациями своей «воинской части»⁵³⁷.

В октябре 1952 года УВС по какой-то причине заинтересовалась прокуратура Калужской области, где организация выполняла работы для треста «Калугашахтострой». Константинов, как говорилось в материалах суда, «намеревался добиться прекращения этого дела» за несколько тысяч рублей⁵³⁸. Чем закончился этот инцидент, неизвестно.

26 октября 1952 года в Днепропетровске за дебош был задержан в пьяном виде один из участников организации. Военный прокурор гарнизона вернул изъятый у хулигана наган Константинову, который прибыл на место и представился «начальником штаба» УВС⁵³⁹.

В общем, как утверждала после раскрытия организации прокуратура, «комендантским надзором в городах Днепропетровске, Орше, Тирасполе, Москве, Владимире-Волынском, Здолбунове и Кишиневе участники преступной организации, носившие военную форму, неоднократно задерживались за бесчинства, но в каждом случае по требованию „командования“ „УВС-1“ задержанные освобождались»⁵⁴⁰.

Собранный следователями список скандалов с участием членов УВС и нарушений ими законов выглядит внушительным, тем более что при определенном стечении обстоятельств для провала было бы достаточно и одного конфликта такого рода. Работники прокуратуры объясняли безнаказанность организации Павленко отсутствием должного внимания со стороны военных комендантов и других военных начальников. Однако этого объяснения, видимо, недостаточно. С учетом размеров организации и ее присутствия сразу в нескольких регионах количество инцидентов вряд ли было чрезвычайным. К тому же члены организации научились достаточно гибко реагировать на претензии властей. В ряде случаев они оперативно спасались бегством. Достаточно эффективно применялись взятки и другие формы взаимодействия с сотрудниками милиции, прокуратуры, госбезопасности. Наконец, для понимания благоприятного для организации исхода скандалов важно учитывать общий криминальный контекст советской действительности и ее армейской составляющей.

---

⁵³⁴ Ibid. D. 166. F. 127. Показания А. К. Осадчего.

⁵³⁵ Ibid. F. 89; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 61, 26.

⁵³⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 9.

⁵³⁷ Ibid. F. 9–10.

⁵³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 77 об.

⁵³⁹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 261.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 258.

Дебоши и пьяные скандалы членов организации Павленко были лишь каплей в море многочисленных нарушений воинской дисциплины и уголовных преступлений, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться комендантским службам и военным командирам. Об этом ярко свидетельствуют, например, приказы военного министра СССР за рассматриваемый период. В них без труда можно найти многочисленные примеры бесчинств, аналогичных и даже намного превосходящих те, что инкриминировались членам организации Павленко.

Так, приказ от 30 сентября 1949 года был посвящен инциденту в городском саду города Щербакова (так в 1946–1957 годах в честь одного из приближенных Сталина назывался город Рыбинск, ставший в 1984 году городом Андроповом и вновь возвративший историческое название пять лет спустя). Военнослужащие в день танкиста учинили здесь «коллективное избиение гражданской молодежи». Проведенная проверка показала, что драка была результатом низкого уровня дисциплины в воинской части. В приказе, который предусматривал различные меры наказания и предупреждения для соответствующих командиров, подчеркивались два момента: «Среди личного состава дивизиона укоренилась круговая порука по укрыванию нарушителей воинской дисциплины, в результате проступки нарушителей дисциплины остаются безнаказанными»; «Групповому избиению... гражданской молодежи способствовали также совершенно неудовлетворительный воинский порядок в гарнизоне г. Щербакова, плохое несение комендантской службы и бездействие начальника гарнизона»⁵⁴¹.

Эти объяснения имели общий характер. Командиры старались не выносить сор из избы, поскольку несли прямую ответственность за проступки их подчиненных. А заваленные делами гарнизонные комендатуры часто не имели сил, средств и времени бороться с бесчинствами и охотно выдавали хулиганов для разбирательства их командирам, тем более если те обещали наказать виновных. Эта ситуация была вполне применима к скандалам с участием «военнослужащих» Павленко и объясняла их исход.

Об остроте и перманентном характере проблемы воинской дисциплины свидетельствовали и многие другие документы высшего командования Советской армии. В январе 1950 года был издан приказ министра вооруженных сил по поводу преступлений и насилия над местными жителями военнослужащих полигона в Капустином Яру Астраханской области. В числе прочего отмечалось, что военное командование не принимало никаких мер, несмотря на жалобы местных партийных органов⁵⁴².

В июле того же года в приказе о Могилевском гарнизоне Белорусского военного округа перечислялись бесчинства и преступления, очень похожие на те, в которые были вовлечены члены организации Павленко. Нетрезвые военнослужащие из Могилева избили постового милиционера, а другого сшибли во время пьяной езды на автомобиле. 11 июня 1950 года на глазах у большой толпы горожан несколько десятков военных устроили побоище с группой сотрудников милиции. Были зафиксированы также пьяный скандал на избирательном участке, коллективная драка с курсантами школы МГБ и другие случаи. Как обычно, в приказе отмечалась плохая организация комендантской службы и попытки командиров скрыть нарушения⁵⁴³.

Обобщающий такие явления приказ военного министра от 30 апреля 1951 года отметил рост чрезвычайных происшествий и дисциплинарных проступков в армии и «попустительство к нарушителям» со стороны командиров⁵⁴⁴. Но и после грозных предупреждений из Москвы ситуация, судя по всему, оставалась сложной. В декабре 1951 года военный министр издал раз-

---

⁵⁴¹ Приказы Народного комиссара обороны СССР и Министра Вооруженных Сил СССР. 12 октября 1945–1949 г. С. 455–456.

⁵⁴² Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР и Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. С. 27–29.

⁵⁴³ Там же. С. 146–148.

⁵⁴⁴ Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР и Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. С. 219–223.

вернутый приказ о беспорядках в воинских частях, расположенных в городе Сольцы Новгородской области. Были зафиксированы массовые самовольные отлучки из частей, пьянство, хулиганство, драки и насилие в отношении местного населения. В числе прочего пьяный сержант ударил ножом жителя города, пьяный водитель врезался на автомашине в колхозное стадо. В очередной раз было выявлено стремление командиров скрывать большую часть таких происшествий⁵⁴⁵.

Очевидно, что в приказах военного министра фиксировались только отдельные случаи нарушений дисциплины и насилия со стороны военнослужащих. Речь шла о примерном наказании некоторых в назидание большинству. Ситуация в населенных пунктах, где располагались воинские части, а располагались они почти повсюду, была постоянно чревата неприятностями. Принимавшиеся жесткие меры нередко производили обратный эффект – заставляли скрывать нарушения и преступления, разруливать конфликты своими силами, не вынося сор из избы. Прежде всего этим, а не особыми возможностями Павленко и его помощников объяснялись их успешные переговоры с комендатурами и милицией. Так действовали все.

Однако в конечном счете безнаказанность хулиганов из УВС сыграла с организацией злую шутку. Чувство непотопляемости и вседозволенности разлагало дисциплину. В погоне за наживой и развлечениями сотрудники Павленко в любой момент могли спровоцировать конфликт, который не удалось бы погасить. В конце концов так и произошло.

---

⁵⁴⁵ Там же. С. 288–290.

Глава 7

ПРОВАЛ

Как часто бывает, худшее произошло неожиданно. Ничто не предвещало полного провала. Заключенные договоры исправно выполнялись. Деньги поступали на счета. Скандальные ситуации, возникавшие на местах, успешно гасились. От проверок и инспекций защищал псевдвоенный характер организации и хорошие связи со структурами власти в местах дислокации строек. Прокуратура и органы госбезопасности, которым некоторые современные публицисты приписывают разоблачение организации Павленко, на самом деле ничего не знали и даже не пытались узнать. Дело решил нелепый и пустяковый случай, нередко уничтожающий и куда более значительные предприятия, репутации и жизни.

Создается впечатление, что после многих лет сравнительно безопасного существования, преодоления многих трудностей и рисков Павленко и его соратники не сразу поверили в реальную угрозу провала. А когда поверили, было поздно. Принимаемые ими контрмеры можно назвать вялыми. При первых признаках опасности никто не бросился враспынную. Оставшись на местах, члены УВС были арестованы все вместе, существенно облегчив решение задачи тем, кто за ними пришел.

Не стали сопротивляться они и на допросах. Следствие с самого начала получило информацию, необходимую не только для победных реляций наверх, вплоть до самого Сталина, но и для быстрого выявления разветвленной структуры и связей организации, для разделения подозреваемых по категориям виновности и первых наказаний. Арестованных преступников и их пособников ждали долгое следствие и суды. Косвенно причастные к делу рабочие и служащие организации были отпущены, возможно (источники об этом умалчивают), не совсем с миром. С невольными пособниками из числа чиновников, «утративших бдительность» и проявивших непозволительное «благодушие», в считанные недели разобрались в административно-партийном порядке.

Эти аппаратные чистки вместе с первыми допросами арестованных членов УВС можно считать начальной стадией масштабного дела, которое растянулось на несколько лет.

Разгром организации

В августе 1952 года один из привлеченных по найму работников УВС написал заявление в Москву, в котором сообщал о различных злоупотреблениях в организации, в частности о том, что «офицеры» распространяли среди вольнонаемных рабочих облигации государственного займа, получали за них деньги, но сами облигации так и не выдали⁵⁴⁶. Искатель правды обратился к К. Е. Ворошилову, который занимал в это время пост заместителя председателя Совета министров СССР и был далек от военных дел, но в глазах населения оставался легендарным маршалом.

В общем, такое заявление выглядело вполне обычно. Жалобы на порядок организации подписки на займы составляли заметную часть среди писем и заявлений в адрес советских руководителей, газет и органов власти. Государственные займы были важной статьей доходов советского государственного бюджета. Они выпускались постоянно и превратились в бытовое явление, регулярное дополнение к прямым и косвенным налогам практически для каждого гражданина страны.

Поскольку преобладающая часть населения с трудом сводила концы с концами, траты на покупку облигаций были тяжелым бременем. Годовая подписка на займы составляла в 1940 году 85 % от среднемесячной заработной платы, а в 1950 году – уже 117 %⁵⁴⁷. Подчас местные руководители требовали обеспечить более значительные выплаты, что вызывало конфликты и жалобы. Например, жительница Минска в мае 1950 года во вполне верноподданническом письме в Совет министров СССР, не оспаривая важность займов, осуждала рвение местных руководителей, которые «ежегодно поднимают процент подписки». «Мы знаем, что наша партия и правительство стремятся создать трудящимся зажиточную жизнь... Они не могут желать, чтобы трудящиеся непомерной подпиской ущемляли свой жизненный уровень и не могут желать вызывать у трудящихся недовольства навязанной „обработкой“ на непомерную подписку... Непомерная подписка сводит к нулю результаты от снижения цен и сильно ущемляет семью, живущую на одном заработке»⁵⁴⁸.

В редакцию газеты «Правда» только за первую половину 1951 года поступило более 100 жалоб на реальные порядки размещения займов. В письме из Днепропетровской области сообщалось:

При подписке на заем 1951 г. на Петропавловском лубзаводе уволены с работы шесть рабочих за несогласие подписаться на предложенную им сумму. Все они обратились в профсоюзную организацию с жалобой, на которую я, как профорг, не в состоянии был им ответить. Прошу вас сообщить нам, правильно ли поступила дирекция и следует ли восстановить рабочих.

Из Полтавской области писали:

У нас проходила подписка на заем так: председатель сельсовета... написал списки, назначил сумму от 200 до 500 рублей и сказал, кто не подпишется, значит, делаем обыск и, если у кого найдем подозрительное, будем отдавать под суд. Колхозники начали возмущаться, тогда он, недолго думая, вызвал милицию и начал пугать и ругаться.

В письме из Ленинграда говорилось:

---

⁵⁴⁶ http://voen-sud.ru/about/delo_apvlenko.php (дата обращения 31.01.2017).

⁵⁴⁷ Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М.: Росспэн, 2015. С. 459.

⁵⁴⁸ Советская жизнь. С. 544–545.

Сейчас по всему СССР проводится подписка на Государственный заем развития народного хозяйства СССР, но как проводится эта подписка. Это позор и срам для руководителей Ленинграда. 6 мая 1951 г. в автопарке Ленинграда... 20 человек шоферов не выпустили на работу только потому, что они не подписывались на предложенную им сумму. 20 автобусов простояли, и пассажиры из-за этого вынуждены были стоять часами, ожидая прибытия автобусов⁵⁴⁹.

В письме из Литвы в январе 1952 года бдительный аноним сообщал Сталину о засилье «враждебных элементов» в республике и в числе прочего писал:

Проведение займов здесь проводится с большими искажениями. Рабочим и служащим устанавливается норма 120–150–170 % месячной зарплаты, кто отказывается подписываться на такие суммы, к тем применяются различные методы принуждения вплоть до исключения из партии, увольнения с работы и т. д., не говоря уже о том, что заставляют подписываться неработающих членов семей, детей в школе и т. д. Все это служит только на руку классовому врагу⁵⁵⁰.

Письмо было доложено Сталину.

Вполне обычными подобные конфликты были в армии. В письмах в «Правду» в 1951 году военнослужащие сообщали такие факты:

Командир части (в Кронштадте. – *Авт.*)... сказал, что все должны подписаться на 170 процентов, а кто меньше, пусть учтет.

3 мая при подписке на заем развития народного хозяйства СССР я (И. И. Гончаров, полевая почта 30178. – *Авт.*) изъявил желание подписаться на 150 % месячного содержания, на что ответственное лицо при подписке не согласилось. В дальнейшем я был вызван в кабинет командира воинской части... [Командир] заявил, что у меня, якобы, антипартийная душа, что я незаслуженно являюсь коммунистом с 1944 г. ... что я являюсь шпионом и целый ряд других оскорблений, не поддавшихся описанию. Я, как коммунист и воин Советской Армии, не слышал подобных оскорблений не только по своему адресу, но даже по адресу врагов⁵⁵¹.

В ряде случаев руководство Военного министерства примерно наказывало слишком рьяных руководителей. Так, 2 июня 1952 года был издан приказ военного министра «О нарушении добровольного принципа подписки на государственный заем в Военно-воздушной академии им. Жуковского». В приказе говорилось, что отдельных военнослужащих заставляли подписаться на сумму, составлявшую почти двухмесячный заработок, и оскорбляли в случае отказа⁵⁵².

В общем, получив заявление из Молдавии о злоупотреблениях с займами в УВС, сотрудники секретариата Ворошилова вряд ли были сильно удивлены. Они действовали рутинно, направили жалобу в обычном порядке и темпе в военную прокуратуру. В дополнение к этому в сентябре 1952 года от треста «Львовуголь» (где уже не работали покровители Павленко) в прокуратуру поступило письмо с просьбой сообщить местоположение УВС. В заявлении гово-

---

⁵⁴⁹ Советская жизнь. С. 547–548.

⁵⁵⁰ Последние письма Сталину. С. 48.

⁵⁵¹ Советская жизнь. С. 552.

⁵⁵² Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР и Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. С. 336–337.

рилось, что эта организация выполняла для треста работы, но не вернула принадлежащие ему 29 грузовых автомашин-самосвалов и один экскаватор, всего на сумму 778 тыс. руб.

Встретившиеся вместе, эти жалобы свидетельствовали, что ситуация в организации Павленко выходила из-под контроля. Они могли привлечь повышенное внимание прокуратуры. Запросы прокуроров выявили, что организация Павленко не числится ни в составе военного ведомства, ни в МВД⁵⁵³. Окончательную точку поставило поступление из прокуратуры Калининской области в Москву розыскного дела на Павленко, скрывшегося в конце 1947 года от ответственности⁵⁵⁴.

Нельзя сказать, что прокуратура действовала очень быстро. Но после двух месяцев переписки в ноябре 1952 года все же начались первые скрытые проверки. Они выявили основные очертания организации Павленко – наличие «штабов» и вооруженной охраны, широкий фронт строительных работ на основании многочисленных договоров с хозяйственными организациями, движение многомиллионных сумм по счетам отделений Госбанка и т. д.⁵⁵⁵

Усилия прокуратуры и госбезопасности по выявлению организации Павленко чуть было не подорвали самостоятельные действия контрразведки одного из воинских подразделений Одесского военного округа. Они были связаны с задержанием в Одесском аэропорту 6 ноября 1952 года сотрудника Павленко Г. В. Невинского с большой суммой наличных денег и различными бланками с печатями. Запросив «штаб» УВС в Тирасполе, контрразведчики получили ответ, что деньги выданы Невинскому законно. Невинский был отпущен, но контрразведчики решили продолжить проверку. С 6 по 12 ноября работники управления контрразведки МГБ Одесского военного округа пытались выяснить, кому подчиняется стройплощадка, на которой работал Невинский. Для этого уполномоченный отдела контрразведки МГБ авиадивизии неоднократно пытался пройти в «штаб» на территории Тираспольского винно-коньячного завода, но безуспешно. Автоматчики Павленко, охранявшие здание, не пропустили контрразведчика. Этим проверка и завершилась⁵⁵⁶.

Павленко, как стало известно позже, эта акция контрразведчиков встревожила. Не зная, чем она вызвана, он собрал совещание своих сотрудников и предложил план разведывательной акции. Два сотрудника УВС должны были получить телеграмму об увольнении и лично обратиться в связи с этим с жалобой в отдел контрразведки. Им поручалось прощупать почву и выяснить намерения контрразведчиков. Однако этот план сорвался, так как намеченные исполнители якобы находились в запое⁵⁵⁷. Вполне возможно, что они просто побоялись выполнить намеченное, опасаясь ареста.

14–15 ноября 1952 года Павленко окончательно ликвидировал стройплощадку в городе Могилеве в Белоруссии, где работы были уже завершены. Часть работников оттуда вывезли на автомашинах в Киев. Предварительно из Могилева и других пунктов были переведены через банк значительные суммы денег⁵⁵⁸. В Молдавии Павленко старался рассчитаться с основной массой рабочих с тем, чтобы не вызвать недовольства. Были приняты другие меры предосторожности. Проводилась разведка, не контролируются ли дороги органами МГБ или милиции. Сотрудники Павленко, ходившие на переговоры на междугороднюю станцию, охранялись спе-

⁵⁵³ Информация о первых шагах выявления организации Павленко содержится в письме прокурора СССР Сафонова исполняющему обязанности министра государственной безопасности СССР С. А. Гоглидзе от 22 ноября 1952 г. (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 1–6).

⁵⁵⁴ Там же. Л. 23.

⁵⁵⁵ Итоги этого предварительного расследования см. в докладной записке замминистра госбезопасности Молдавии С. К. Цвигуна первому секретарю ЦК компартии республики Д. С. Гладкому (AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 1–11).

⁵⁵⁶ Ibid. F. 8, 89–90.

⁵⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 286. Справка Главной военной прокуратуры от 2 февраля 1953 года.

⁵⁵⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 5, 61.

циальным сопровождением из пяти-шести человек, следовавших цепочкой один за другим на расстоянии⁵⁵⁹.

По полученной позже информации, в ноябре Павленко и Константинов пытались срочно создать вместо УВС другую организацию «Спецстройуправление № 21». Уже были изготовлены соответствующие гербовые печати и открыт счет в Днепропетровской области⁵⁶⁰. Очевидно, это был продуманный ход: пока все искали концы ликвидированной УВС, новая организация могла обеспечить необходимое прикрытие.

Однако власти на этот раз опередили маневры Павленко. Осознав размах лжеорганизации, генеральный прокурор СССР обратился за помощью в Министерство государственной безопасности⁵⁶¹. 14 ноября 1952 года в Кишинев была направлена группа работников Главной военной прокуратуры Советской армии во главе с начальником следственной части по особо важным делам военной прокуратуры полковником П. А. Кульчицким. Добравшись до места назначения, 17 ноября Кульчицкий проинформировал о своей миссии первого секретаря ЦК компартии Молдавии Д. С. Гладкого и исполняющего обязанности министра государственной безопасности республики С. К. Цвигуна. Было решено продолжать скрытную проверку организации Павленко и выявить местонахождение основных фигурантов. За несколько дней прокурорские работники и чекисты собрали значительную информацию о сути организации и ее деятельности⁵⁶².

Павленко, конечно, ничего не знал об этих маневрах властей и продолжал попытки свернуть организацию с минимальными потерями. 17 и 18 ноября он ездил на две свои площадки и пытался договориться с заказчиками о срочном переводе денег за выполненные работы⁵⁶³. В это время молдавские чекисты установили, что Павленко вел в Кишиневе переговоры с директором одного из совхозов о выплате 70 тыс. руб. Была предпринята попытка организовать их встречу 19–20 ноября, но Павленко на нее не явился. Примерно в это время он получил известие о проверке банковских счетов его организации⁵⁶⁴. Павленко понял, что за УВС началась охота, и решил прятаться.

20 ноября была получены ложные сведения, что Павленко уехал в Киев. Органы МГБ получили задание искать его в Киеве и Одессе⁵⁶⁵. 22 ноября чекисты вышли на новый источник информации о Павленко – на начальника участка строительства двух винзаводов под Кишиневом А. Д. Великанова⁵⁶⁶. Он лично знал Павленко и других членов организации по работе на этих стройках. Допрос Великанова как свидетеля официально начался в полночь с 22 на 23 ноября, но, скорее всего, предварительный опрос с целью получения оперативной информации был проведен раньше. Великанов подтвердил, что, по словам одного из сотрудников организации, Павленко ночью 19 ноября уехал в Киев⁵⁶⁷.

На самом деле Павленко оставался в Молдавии и готовил побег. 19 ноября помощники перевезли Павленко и его любовницу на новую квартиру. Квартира закрывалась снаружи висячим замком и посещалась только доверенными лицами, которые приносили продукты⁵⁶⁸. Как показала после ареста подруга Павленко, 21 ноября 1952 года он собрал совещание, на котором сообщил, что организация раскрыта, и предложил перебазироваться из Молдавии в дру-

⁵⁵⁹ Ibid. F. 62.

⁵⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2238. Л. 252.

⁵⁶¹ Там же. Л. 1–6.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 101. Показания В. В. Ермоленко.

⁵⁶⁴ Ibid. D. 165. F. 33.

⁵⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 4; AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 8.

⁵⁶⁶ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 76–85. Показания А. Д. Великанова.

⁵⁶⁷ Ibid.

⁵⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 286. Справка ГВП от 2 февраля 1953 года.

гие области. Выезд был назначен на 24 ноября с соблюдением необходимых мер предосторожности⁵⁶⁹. Если дело обстояло так, то Павленко не хватило для исчезновения буквально одного дня.

Судя по докладу Цвигуна, который он направил руководству ЦК компартии Молдавии 22 ноября, в намерение МГБ входило задержание руководителей организации – Павленко и Константинова с последующим проведением массовой операции на строительных площадках и в «штабах». До поимки Павленко второстепенные члены корпорации должны были находиться под оперативным наблюдением⁵⁷⁰. Однако уже на следующий день эти два этапа слились в один. 23 ноября 1952 года были проведены массовые облавы в Молдавии и Украине. На объектах в Кишиневе, в колхозах под Кишиневом и в Тирасполе были задержаны 105 человек, включая Павленко. Были изъяты ручной пулемет, гранаты, 10 винтовок, 5 автоматов, а также 11 грузовых и 2 легковые машины, 10 лошадей с повозками, большое количество бланков, документы рабочих, переписка с различными ведомствами. В Украине аресты охватили до 100 человек. В их числе были задержаны Константинов и другие активные члены организации⁵⁷¹.

Каким образом чекисты вышли на конспиративную квартиру Павленко, неизвестно. Скорее всего, его сдал кто-то из арестованных соратников. Первый допрос Павленко начался 23 ноября в 19 часов; видимо, его задержали незадолго перед этим⁵⁷².

В последующие дни проводилась фильтрация задержанных. 29 ноября Цвигун доложил Гладкому об аресте активных участников и освобождении тех, на кого не было компрометирующих материалов⁵⁷³. В начале декабря в рамках дела по Молдавии были арестованы 23 человека, 56 человек (главным образом рабочих) освобождены, а в отношении 36 человек продолжалась проверка, так как на них имелись компрометирующие материалы⁵⁷⁴. После первого основного удара операция постепенно охватывала новые цели. За две с половиной недели, к 10 декабря 1952 года, по данным Прокуратуры СССР, по делу УВС были задержаны в разных местах свыше 250 человек, из них 51 человек арестован, а остальные освобождены или подвергались дополнительной проверке⁵⁷⁵. Это было только начало. Прокуроры расширяли свои поиски.

Аресты членов организации Павленко, изъятие техники и других ресурсов означало, что работы на объектах УВС были прекращены. В документах нет упоминаний о том, что строительство было поручено другим исполнителям. Очевидно, если это и произошло, то не повсеместно и не сразу. Рядовые рабочие корпорации Павленко, оставшиеся с долгами по зарплате, пытались получить положенные им деньги. В сентябре 1953 года главный военный прокурор А. П. Вавилов, подчиненные которого вели следствие по делу основных участников УВС, сообщил новому генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, что в военную прокуратуру поступило около 200 жалоб и заявлений по этому вопросу.

Предложения Вавилова были жесткими: «Полагаю, что поступившие жалобы указанного характера подлежат отклонению, поскольку государство не может нести ответственность за действия преступной организации, а также в силу того, что заявители не обращались в органы власти до разоблачения и ареста организаторов и активных участников УВС». Руденко по совету своих сотрудников принял соломоново решение: сообщать жалобщикам, что они

---

⁵⁶⁹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 33.

⁵⁷⁰ Ibid. F. 2–11.

⁵⁷¹ Ibid. F. 12, 13.

⁵⁷² Ibid. F. 27.

⁵⁷³ Ibid. F. 28–34.

⁵⁷⁴ Ibid. F. 48–49.

⁵⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 27. Докладная записка прокурора СССР Сафонова, направленная 10 декабря 1952 года в три адреса: Сталину, Маленкову и Берии.

«имеют право предъявить гражданский иск Павленко и др., но обеспечить [его] нечем»⁵⁷⁶. Как будто государство не арестовало значительные материальные средства организации, включая деньги на счетах.

---

⁵⁷⁶ Там же. Л. 379.

Допросы и доклады

Многие ли граждане огромного СССР думали о возможном аресте? Не постоянно, время от времени, отгоняя от себя мысли о худшем, старательно веря, что арестованные знакомые и незнакомые были действительно виновны, а у меня, дескать, все будет хорошо, потому что я предан и чист? В тоталитарной системе чувствовать себя в безопасности не мог никто. Под удар карательного аппарата и постоянных репрессивных кампаний попадали рядовые рабочие, колхозники и члены Политбюро, ближайшие соратники Сталина. В отношении тех, кто вступал с государством в открытый или скрытый конфликт, это правило действовало с умноженной силой. Павленко и его сотрудники, несомненно, принадлежали именно к этой категории, т. е. входили в группу абсолютных рисков.

Время от времени члены УВС, те из них, кто знал правду об организации, задумывались о возможности ареста. Некоторые из них, имевшие темное прошлое и даже объявленные в розыск (включая Павленко, над которым висел прокурорский розыск по делу калининской артели), скрывались в организации от агентов государства. Некоторые жили по подложным документам. Другие запасались ими на экстренный случай. Время от времени велись разговоры о возможном аресте. Об этом свидетельствовали, например, такие заявления Ю. Б. Константинова на допросе 5 декабря 1952 года:

Вопрос: Какой у вас сговор был с Павленко о даче показаний на случай разоблачения вашей преступной «организации»?

Ответ: В прямом смысле такого сговора не было, но Павленко мне и другим неоднократно говорил, что в случае разоблачения нашей преступной организации он примет все на себя и никого из своих соучастников не выдаст⁵⁷⁷.

В тот же день аналогичный ответ на вопрос следователя дал Клименко⁵⁷⁸.

В общем, сотрудники УВС, по крайней мере, думали о возможности ареста и как-то готовились к такому повороту событий. Готовились, однако, плохо. Явное падение дисциплины в УВС, скандалы и злоупотребления – все это повышало риски разоблачения. Когда же начались аресты, лишь немногие нашли пути для спасения. Как следует из имеющихся документов, даже ощущая приближение опасности, члены организации не бросились врассыпную, а оставались в пунктах своего базирования и стали легкой добычей для коллективных задержаний.

Лишь некоторые сумели ускользнуть, по крайней мере на время. Сбежал, например, И. М. Пашун, охранявший дом Павленко. Однако некоторое время спустя он был арестован, допустив явную ошибку. Пашун приехал в Калинин, очевидно, по старым адресам, за которыми было установлено наблюдение. Как сообщалось в справке прокуратуры на 20 марта 1953 года, «из наиболее опасных преступников до сего времени не разысканы Литвин и Губский Ф. П.»⁵⁷⁹. Обстоятельства их побега неизвестны. Однако оба они были в конце концов задержаны и предстали перед трибуналом в составе основной группы осужденных⁵⁸⁰. Сведений об успешных побегах членов организации Павленко в доступных материалах нет. Это не значит, что таких случаев не было вообще. Органы, отвечавшие за аресты и следствие, не были склонны демонстрировать свои неудачи.

---

⁵⁷⁷ Там же. Л. 150.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 205.

⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 361.

⁵⁸⁰ См. главу 8.

Из немногочисленных документов, которые стали известны в последние годы, следует, что переход преступников на нелегальное положение, жизнь по поддельным документам и удачное бегство от правоохранителей не были исключительными явлениями. Более того, оставаясь на свободе, уголовные преступники не только не прятались, но продолжали совершать преступления.

Несколько показательных примеров демонстрируют характерные черты этого явления. Арестованный в 1947 году в Ленинграде 42-летний Логинов имел 12 вымышленных фамилий и 8 судимостей. В 1939 году он бежал из трудового лагеря и, скрываясь в Ленинграде (кстати, режимном городе), занимался грабежами и кражами. В том же 1947 году был арестован рецидивист Коваленко, несколько раз бежавший из лагерей. В блокадном Ленинграде во время войны он занимался кражами. В 1943 году был задержан военным патрулем. Выдав себя за уклоняющегося от мобилизации, он был отправлен на фронт. После окончания войны Коваленко с чистыми документами на чужое имя вернулся в Ленинград, открыл частную радио-мастерскую и продолжал заниматься кражами и грабежами. Всего, по официальным данным, только за первый квартал 1947 года и только с помощью агентуры в Ленинграде было установлено и арестовано свыше 100 разыскиваемых преступников⁵⁸¹. О количестве успешно скрывающихся нарушителей закона можно только догадываться. И это особо охраняемая вторая столица страны.

Однако в случае УВС подавляющее большинство активных членов организации, судя по всему, оказалось в тюрьмах. Объяснить их очевидную пассивность, несмотря на очевидное нарастание угрозы, трудно. Кое-что проясняют слова Павленко на одном из первых допросов 26 ноября 1952 года: «Я создал организацию для хищения государственных денег, но в процессе работы она разрослась до крупных размеров, и ее ликвидировать было очень трудно»⁵⁸².

Немаленькая машина УВС двигалась по накатанной колее, свернуть с которой, бросив все сделанное и приобретенное, было сложно еще и психологически. Предшествующий опыт безнаказанности скорее успокаивал, чем настораживал. Многие были обременены ответственностью за семьи. Члены организации, как уже говорилось, скорее всего, не располагали наличными денежными средствами, которые позволяли бы без проблем устроиться в каких-то отдаленных местах. Все было вложено в производство, а получить деньги из банков в последний момент не удавалось. Далеко не все предусмотрительно обзавелись фальшивыми документами. Насколько можно судить из материалов суда и следствия, это не сделали даже руководители организации, включая Павленко.

Так или иначе, десятки членов организации в конце ноября оказались под стражей. Для Павленко пришло время «принять все на себя», как он обещал соратникам, если верить их показаниям. На самом деле сделать это было просто невозможно. Следователи хорошо понимали, что столь значительное предприятие не могло действовать без активного участия достаточно большой группы людей. Доказательств этого вполне хватало. Все, что мог сделать Павленко (если он действительно хотел взять основную вину на себя), – это проявлять на допросах сдержанность и взвешенность в ответах. Впрочем, она могла быть вызвана желанием защитить не только других, но и себя самого.

На первый допрос Павленко доставили сразу после задержания. В Кишиневе с семи часов вечера 23 ноября до половины шестого утра 24 ноября его допрашивал замначальника следственного отдела МГБ Молдавии Милованов⁵⁸³. Павленко сразу признал свою вину, отрицать которую было бы невозможно. В самом начале протокола зафиксирован такой его диалог со следователем:

---

⁵⁸¹ Говоров И. В. Негласная агентура советской милиции. С. 115.

⁵⁸² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 175.

⁵⁸³ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 16–27.

Вопрос: Установлено, что Вы являетесь государственным преступником и возглавляли преступную организацию. Признаете это?

Ответ: Признаю, что я являюсь преступником и так называемое Управление военного строительства № 10, которое я возглавлял, является антигосударственной преступной организацией⁵⁸⁴.

Вину за создание организации Павленко взял на себя. Однако следователи набирали материалы. Помимо Павленко, их интересовали общие данные об УВС, его участниках и контрактах. В протоколе допроса была изложена краткая история деятельности организации, информация о заключенных договорах и выполненных строительных работах. Однако на вопрос Милованова о соучастниках Павленко отвечал с явным стремлением выгородить большинство своих сотрудников.

Вначале он назвал только девять человек, посвященных в тайну организации, т. е. виновных по всем статьям. Этими девятью, заявил он, как указано в явно отредактированном протоколе, ограничивались все, «кому было известно о преступном характере и преступной деятельности моей организации»⁵⁸⁵. С явным преуменьшением, отговорившись незнанием, Павленко назвал общую сумму средств, полученных по контрактам, – 13–16 млн руб. При этом он заявил, что деньги расходовались на зарплату рабочим и служащим, командировки, закупки материалов, ремонт автотранспорта, постройку складских, служебных и жилых помещений и т. д.⁵⁸⁶ Этой линии о добросовестном выполнении договоров и преимущественно целевом использовании финансов в интересах производства Павленко, как будет показано далее, придерживался до конца.

С 22 часов 24 ноября до трех часов ночи 25 ноября Павленко был допрошен Миловановым о работе организации на территории Молдавии. Он подробно перечислил все договоры и объекты в республике. В данном случае никаких рисков сказать лишнее не существовало. Это была справочная информация, которую следствие на самом деле вполне могло получить и без помощи Павленко⁵⁸⁷. За 26 ноября доступны для изучения два протокола допроса Павленко. Первый допрос с 11 до 17 часов провел Милованов. Речь шла о ранней биографии Павленко и его семье на предмет выявления «кулацкого» происхождения и деятельности в годы войны. По поводу военного периода Павленко был осторожен. Он признавал, что на начальном этапе его строительная организация была ложной, но настаивал, что после перехода в 1943 году в оперативное подчинение авиационных структур ее статус изменился. Кроме того, Павленко указывал, что он и его сотрудники всегда добросовестно выполняли задания командования, за что получали благодарности и награды⁵⁸⁸.

В тот же день Павленко перешел в руки военного прокурора Кульчицкого, который провел ночной допрос с 22:30 26 ноября до шести часов утра 27 ноября⁵⁸⁹. Павленко дал более подробные показания о своей деятельности в годы войны и создании УВС. Обращало на себя внимание явное нежелание Павленко втягивать в число соучастников более широкий круг людей. Так, он настаивал, что взятки платил только Датуашвили, причем называл сравнительно умеренные суммы – 12–18 тыс. руб., что было в два с лишним раза меньше, чем зафиксировано затем в приговоре трибунала, и что послужило основой для приговора в отношении самого Датуашвили на следующем суде⁵⁹⁰.

---

⁵⁸⁴ Ibid. F. 16.

⁵⁸⁵ Ibid. F. 24.

⁵⁸⁶ Ibid. F. 26–27.

⁵⁸⁷ Ibid. F. 43–47.

⁵⁸⁸ Ibid. F. 35–42.

⁵⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 151–177.

⁵⁹⁰ Об окончательных оценках взяток см. главы 4, 8.

С остальными, настаивал Павленко, у него были некорыстные, деловые отношения. В преступления он их не втягивал⁵⁹¹. Точно так же Павленко говорил о приобретении оружия в местных структурах милиции и госбезопасности. Речь якобы шла о необходимости защиты от оуновцев. На самом деле, как показало в дальнейшем следствие, взаимоотношения организации Павленко с правоохранителями были не столь бескорыстными⁵⁹². Как определенную сдачу позиций можно рассматривать расширение Павленко круга руководства организации. По сравнению с первым допросом, на котором Павленко назвал только девять сообщников, посвященных в тайну организации, теперь он перечислил 20 человек.

Значительную часть допроса 26–27 ноября Кульчицкий посвятил выяснению причин вооружения УВС, создания военной команды и повышенной конспирации. Дело явно клонилось к обвинениям в подготовке вооруженных выступлений по заданию внешних сил. Тем более что организация действовала преимущественно в западных регионах СССР. Осознавая угрозу, Павленко настойчиво отрицал подобные обвинения, объясняя наличие оружия и военизированного подразделения необходимостью охраны и поддержания образа военно-строительной организации⁵⁹³.

Еще два доступных для изучения протокола допросов Павленко относятся к 9 декабря 1952 года. Сначала Милованов вызвал Павленко днем и в течение трех с половиной часов расспрашивал о работниках учреждений Молдавии, с которыми Павленко поддерживал связь. Затем эти же вопросы Милованов задавал поздно вечером с 21 часа до полуночи. Этот интенсивный интерес к контактам Павленко в Молдавии, видимо, был вызван предстоящим переводом арестованных из республики в Москву⁵⁹⁴. Молдавским следователям нужно было составлять досье на своих чиновников, вовлеченных в скандал. Однако, судя по протоколам допросов, Павленко мало им в этом помог. Подробно описывая свое взаимодействие с руководителями пищевой промышленности и банков, Павленко вновь настаивал, что эти связи «носили в основном служебный характер»⁵⁹⁵.

Сравнительно сдержанно выглядел на допросе 5 декабря 1952 года и Клименко⁵⁹⁶. В Киеве с ним работали сразу два следователя – прокурор войск МГБ и представитель МГБ УССР. Клименко сообщил требуемые от него сведения о порядке финансирования организации и выполняемых заказах. Он назвал должностных лиц, которые получали взятки. Как и Павленко, он оценил общий объем заказов невысоко – в 20 млн руб., что было почти вдвое ниже действительной цифры, а также утверждал, что 60 % полученных сумм уходило на зарплату рабочим. От ответа на особо острый вопрос о причинах приобретения оружия Клименко уклонился, сославшись на незнание⁵⁹⁷.

Куда более словоохотливым оказался Константинов. Подтверждая характеристики, данные ему Павленко⁵⁹⁸, Константинов явно старался понравиться следствию, продемонстрировать свою лояльность и осведомленность. Судя по всему, у него была хорошая память и склонность к описаниям, насыщенным деталями. Это хорошо демонстрирует протокол допроса от 3–4 декабря 1952 года, который провел в Киеве прокурор Кульчицкий, несколькими днями ранее допрашивавший Павленко в Кишиневе. Этот подробный документ отражал результат многочасового дознания, проходившего с 15 часов 3 декабря до четырех утра 4 декабря с вечерним

---

⁵⁹¹ См. главу 4.

⁵⁹² См. главы 4 и 5.

⁵⁹³ См. главу 8.

⁵⁹⁴ См. главу 8.

⁵⁹⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 97–102, 239–242.

⁵⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 193–207.

⁵⁹⁷ См. главу 8.

⁵⁹⁸ См. главу 5.

перерывом⁵⁹⁹. Его можно рассматривать как сжатую, но очень информативную историю организации Павленко 1949–1952 годов.

Помимо сообщения многочисленных подробностей о деятельности УВС в различных регионах, Константинов всячески подыгрывал следствию в оценке ключевых вопросов. Так, вопреки собственным утверждениям о затратах организации на производственные нужды и зарплату, Константинов заявил:

Вопрос: Сколько всего денег получила ваша преступная организация за время существования с 1948 по 1952 г.?

Ответ: По моим данным и подсчетам наша преступная организация получила из различных государственных предприятий и учреждений около 21 миллиона рублей.

Вопрос: Сколько из этих денег украдено участниками вашей организации?

Ответ: Поскольку организация являлась преступной, то фактически все нами полученные деньги являются нами украденными у государства⁶⁰⁰.

Подкрепляло этот тезис также заявление Константинова о паразитическом характере организации, о массовых тратах денег на взятки, приобретение легковых автомобилей, содержание «колоссального количества дармоедов и пришельцев, окружавших Павленко»⁶⁰¹.

Именно таких трактовок, оценивая экономический ущерб, нанесенный УВС государству, придерживались следствие и суд вплоть до вынесения приговора.

Очень охотно Константинов высказывался о взятках чиновникам, что также чрезвычайно интересовало следствие. Он называл многие имена, включая работников Министерства угольной промышленности в Москве, а также значительные суммы. Так, по утверждению Константинова, Датуашвили получил в общей сложности совершенно невероятную сумму – 200 тыс. руб. Как будет показано далее, суд оперировал куда более скромными показателями⁶⁰². Эту линию Константинов продолжил на допросе 5 декабря. Он назвал ряд работников банков, которые за взятки помогали организации открывать счета и снимать наличные деньги, а также сотрудников паспортных столов, у которых приобретались фальшивые документы⁶⁰³.

Значительная часть протокола от 3–4 декабря была посвящена особо важному для следствия вопросу о степени причастности к преступлениям разных членов организации. Константинов заявил, что о преступном характере организации знали 70 % ее сотрудников, и назвал «по памяти» более 90 человек⁶⁰⁴. Это разительно отличалось от линии Павленко, который явно старался ограничить круг обвиняемых.

На основании первых допросов и других материалов уже на второй день после массовых арестов, 24 ноября 1952 года, была составлена подробная информация о «преступной организации» Павленко, предназначенная для высшего руководства страны. Докладная записка за подписью генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова была направлена И. В. Сталину, секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову, руководившему аппаратом ЦК, а также Л. П. Берию, который курировал МВД в качестве зампреда Совета министров СССР⁶⁰⁵. В целом регулярное информирование высшего руководства страны о различных происшествиях и пре-

---

⁵⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 108–141.

⁶⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 134.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² См. главы 4 и 8.

⁶⁰³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 142–150.

⁶⁰⁴ См. главу 3.

⁶⁰⁵ Записка в адрес Сталина опубликована по подлиннику из архива Политбюро: *Киевская Л. и др.* «Основной костяк подбирался из преступников». С. 130–135. Копии записки в три адреса см.: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 7–26.

ступлениях, крупных общеуголовных и политических делах было рутинной практикой. На этот раз Сафонов сообщал о раскрытии органами военной прокуратуры «большой преступной организации», которая маскировалась под военно-строительное управление.

В записке приводились общие и частные факты для доказательства опасной и масштабной деятельности УВС. Говорилось о том, что она действовала в течение четырех лет (на самом деле четырех с половиной) на больших территориях. На основании показаний Клименко сообщалось, что на счета организации поступило более 20 млн руб. Особо подчеркивалось, что преступники конспирировались, носили военную форму и владели оружием. Правда, выявление истинного значения этих фактов и целей организации прокуроры относили на будущее.

Было отмечено, что, по словам Павленко, фиктивная военная организация служила прикрытием для «массовых хищений» и не преследовала политических целей. Перечислялись выявленные факты хулиганства и дебошей членов организации, не имевшие последствий. Говорилось, что «военнослужащие»-самозванцы даже участвовали в праздничной демонстрации в городе Владимире-Волынском. В этих абзацах явно читался намек на бездействие (или пособничество) милиции и других государственных структур на местах, хотя прямо такой вывод сделан не был. Внешне отстраненно, но не случайно сообщалось, что при обыске у Павленко обнаружили удостоверение значка отличника Министерства угольной промышленности, заверенное факсимиле подписи министра.

Теме пособничества чиновников фактически была посвящена вторая докладная записка Сафонова тем же адресатам от 10 декабря 1952 года⁶⁰⁶. Дополнив прежнюю информацию новыми деталями об общем количестве арестованных, о махинациях Павленко (в том числе в годы войны) и организации работ в УВС, прокуратура на этот раз однозначно утверждала: «... Существование этой преступной организации и ее деятельность были возможны вследствие беспечности и отсутствия должного контроля со стороны должностных лиц различных местных организаций, а также покровительства отдельных хозяйственников, получавших взятки».

В записке со ссылкой на показания Константинова в качестве взяточников перечислялись 12 уже известных нам руководителей угольных предприятий, местных партийных работников, военных и милиционеров, в том числе А. А. Датуашвили, главный бухгалтер треста «Львовуголь» В. П. Козлов, В. М. Цыплаков, секретарь Бориславского горкома партии Дрогобычской области В. И. Бороздин. В заключение сообщалось: «Имеются данные, что участники организации находились также в преступной связи, помимо названных лиц, с другими руководящими работниками, в том числе с должностными лицами местных отделений Госбанка. Все эти данные тщательно проверяются».

Для большей убедительности и для «развлечения» советских лидеров к записке Сафонова были приложены образец одного из договоров корпорации Павленко на проведение подрядных строительных работ и фотография группы участников организации в военной форме.

В большинстве случаев архивы не позволяют проследить реакцию руководителей СССР на получаемые ими информационные документы или письма. Такой реакции могло не быть вообще или она выражалась устно, не фиксировалась в документах. Мы не знаем, читал ли записки Сафонова Сталин, активность которого заметно снижалась в последние месяцы жизни⁶⁰⁷.

Различные источники уверенно свидетельствуют, что дело Павленко было не только замечено наверху, но и стало толчком для проведения новой кампании бдительности в партийно-государственном аппарате. Ее первым и очевидным результатом были различные административно-партийные преследования группы чиновников, так или иначе причастных к дея-

---

⁶⁰⁶ Записка в адрес Сталина опубликована по подлиннику из архива Политбюро: *Киевская Л. и др.* «Основной костяк подбирался из преступников». С. 133–135. Копии записки в три адреса см.: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 27–48.

⁶⁰⁷ *Khlevniuk O.* Letters to Stalin. Practices of Selection and Reaction // *Cahiers du Monde Russe*. 2015. Vol. 56. № 2–3. P. 327–344.

тельности УВС, но не бравших взятки. Эту кадровую чистку провели без задержек в считанные недели, задолго до того, как следствие успело существенно продвинуться в разоблачении преступлений и организации Павленко, и чиновников-взяточников, попавших под арест.

Очередная кампания бдительности

«Бдительность» была ключевым словом в советском политическом словаре. Оно напоминало гражданам страны, что они живут в «осажденной крепости», а поэтому не должны много требовать и должны быть беззаветно преданными вождю-защитнику и самому лучшему в мире руководству и строю. Она предупреждала о наличии многочисленных врагов вовне и внутри страны, против которых можно было направить энергию недовольства тяготами жизни, переключая на это социальное напряжение.

Кампаний ненависти и бдительности было великое множество. Они организовывались по разным поводам и постоянно. Один из самых знающих и квалифицированных историков советского общества Шейла Фицпатрик добавила к числу своих многочисленных научных заслуг еще одну, указав на проведение в первые месяцы 1953 года одной из последних кампаний бдительности. Изучив советскую прессу, центральную и местную, она выявила конкретные проявления этой пропагандистской акции и обрисовала ее характер⁶⁰⁸.

Основной идеей нового похода под знаменем бдительности было осуждение «ротозейства» и «благодущия» в отношении враждебных советскому строю аферистов, жуликов, расхитителей и иных преступников. Только в обстановке попустительства и неразборчивости чиновников, утверждали газеты, эти преступники творили свои черные дела, обворовывая государство. По справедливому предположению Фицпатрик, новая серия призывов к бдительности была тесно связана с послевоенной кампанией государственного антисемитизма, достигшей в начале 1953 года своего пика в «деле врачей-вредителей».

Многие из отрицательных героев газетных фельетонов и статей носили ярко выраженные еврейские фамилии и обличались при помощи антисемитских штампов, которые получили широкое распространение в позднесталинском СССР. Очевидно, ключевые материалы центральных газет⁶⁰⁹ были продолжением курса, инициированного известной передовой статьей в «Правде» под названием «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», опубликованной 13 января 1953 года. Как известно теперь, текст этой статьи, включая ее заголовки, тщательно редактировал и переписывал сам Сталин⁶¹⁰.

Подчеркивая ведущее значение антисемитской линии, Фицпатрик отмечает и наличие в пропагандистской кампании против «ротозейства» вспомогательного мотива. Не все аферисты и расхитители, упоминаемые в газетных публикациях, идентифицировались как евреи, но все они характеризовались как мошенники, пользующиеся «ротозейством» чиновников. Словно в переключку с делом Павленко в статьях говорилось о подложных документах, заверенных фальшивыми печатями, которые использовали преступники. Общие положения газетных материалов ставили в один ряд «ротозейство» чиновников в отношении «вредителей», «шпионов» и расхитителей:

...Ротозеев у нас развелось немало. Враг, стремясь использовать любую возможность для нанесения вреда Советскому государству, действует тихой сапой. Он прикрывается личиной советского человека и, пользуясь ротозейством наших людей, получает иногда доступ к важным документам и материалам, представляющим государственную тайну, либо, пробравшись на предприятие, в торговую сеть, организует разворовывание народного

---

⁶⁰⁸ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 335–339.

⁶⁰⁹ Фицпатрик обращает внимание на две ключевые статьи: «Покончить с ротозейством в наших рядах!» (Правда. 1953. 18 января. С. 1), «Повышать политическую бдительность» (Известия. 1953. 15 января. С. 1).

⁶¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 157. Л. 9–14; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: Росспэн, 2002. С. 392–396.

добра, подрывая тем самым экономическую основу Советского государства – общественную социалистическую собственность⁶¹¹.

Пока мы можем лишь предполагать, в какой степени и был ли вообще этот всплеск газетных призывов к бдительности связан с разоблачением УВС. Для точного ответа на этот вопрос требуется интенсивная работа в архивах, которые пока закрыты. Однако мы совершенно точно знаем, что дело Павленко вызвало острую реакцию в советском правительстве и подготовку документов, осуждающих попустительство и «ротозейство» руководителей и служащих широкого круга государственных структур, так или иначе причастных к скандалу.

Уже 27 ноября 1952 года, получив первую записку об УВС от генпрокурора СССР, зампреда Совета министров Берия отдал распоряжение: «1. Разослать членам Бюро Президиума Совмина СССР; 2. Вопрос обсудить на Бюро»⁶¹². Таким образом, дело вышло на самый высший уровень. Бюро Президиума Совета министров СССР как руководящий орган правительства возглавлял Сталин. В него входили высшие руководители страны, занимавшие ключевые должности в партийно-государственном аппарате: Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, В. А. Малышев, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев. Берия, Первухин и Сабуров председательствовали в этом органе по очереди в случае отсутствия Сталина, а он отсутствовал на заседаниях в Совете министров всегда, хотя занимал пост его председателя⁶¹³. Этим объяснялось самостоятельное решение Берии внести вопрос о скандальной организации Павленко на рассмотрение правительства.

11 декабря 1952 года члены Бюро Президиума под председательством Берии рассмотрели соответствующие материалы. Была образована комиссия для изучения дела, в которую вошли зампреда Совета министров СССР Булганин, генпрокурор Сафонов, министр юстиции К. П. Горшенин, военный министр А. М. Василевский, заместитель министра госбезопасности Б. П. Обручников, министр финансов А. Г. Зверев. Подбор членов комиссии был, конечно, не случаен. В нее вошли руководители карательных структур, а также военного и финансового ведомств, служащие которых взаимодействовали с организациями Павленко в военный и послевоенный периоды.

В справках и проектах постановления правительства, которые составлялись в конце 1952 и начале 1953 года, описывались преступления Павленко, осуждалось «благодущие» и взяточничество чиновников, оказывающих ему помощь⁶¹⁴. К 20 декабря 1952 года прокурор СССР представил председателю комиссии Булганину записку «О связях Павленко и его подчиненных». В список вошли 32 работника Министерства угольной промышленности (его местных подразделений и центрального аппарата), 13 работников банков, 10 работников органов МГБ и милиции, 3 офицера Военного министерства, 7 работников Министерства пищевой промышленности Молдавии и 4 секретаря местных партийных комитетов Украины и Молдавии⁶¹⁵.

На основании этих материалов в январе 1953 года от имени комиссии была подготовлена записка в Бюро Президиума Совета министров и два варианта проектов постановления Совета министров под названием «О раскрытии преступной организации, маскировавшейся под вымышленным наименованием „Управление военного строительства“ Военного министерства СССР»⁶¹⁶. Основной акцент в этих документах был сделан на выявлении не только сути организации Павленко, но и ее связей в государственных, прежде всего в хозяйственных струк-

---

⁶¹¹ Известия. 1953. 18 февраля. С. 2.

⁶¹² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 21.

⁶¹³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 97, 100, 560–563.

⁶¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 246–264.

⁶¹⁵ Там же. Л. 96–107.

⁶¹⁶ Там же. Л. 245–276.

турах. Особо подчеркивались тесные отношения с подразделениями Министерства угольной промышленности, через которые проходила большая часть заказов, полученных Павленко.

Были названы имена руководителей-угольщиков, которые оказывали УВС небескорыстную помощь. Они, как утверждалось, брали взятки, подношения, принимали участие в совместных застольях. Следы таких злоупотреблений, говорилось в материалах, вели в высокие кабинеты в Министерстве угольной промышленности – к заместителям министра и начальнику Главного управления шахтостроения. В качестве свидетельства тесных контактов с этим министерством рассматривалось награждение Павленко и ряда его соратников значком «Отличник социалистического соревнования угольной промышленности», на основании приказа, подписанного министром угольной промышленности⁶¹⁷.

Помимо Министерства угольной промышленности под огонь критики попали другие ведомства – Министерство нефтяной промышленности, Министерство строительства предприятий машиностроения, Министерство пищевой промышленности Молдавии, банковские структуры. Ряд чиновников из этих организаций были обвинены во взяточничестве и злоупотреблениях. Свою порцию резкой критики получили местные структуры Военного министерства, прежде всего комендатуры, а также органы военной контрразведки, госбезопасности, милиции, руководители которых взаимодействовали с УВС, не обращая внимания на нарушения «лжевоеннослужащих», и вовремя не раскрыли характер организации.

Подготовленный проект постановления Совета министров СССР содержал критику соответствующих ведомств и практические указания. Генпрокурору СССР поручалось «тщательно расследовать материалы о преступной организации и привлечь к уголовной ответственности не только ее участников, но и всех должностных лиц, которые вошли с ними в преступную связь и оказывали им то или иное содействие, предавая интересы государства»⁶¹⁸.

Персональные предписания «строго наказать тех лиц, которые вследствие ротозейства не приняли должных мер к разоблачению преступной деятельности фиктивной организации» были сформулированы в адрес министров угольной промышленности, финансов, военного министра, министра госбезопасности, министра строительства предприятий машиностроения и министра нефтяной промышленности. Двум замминистра угольной промышленности предполагалось объявить выговоры за «притупление бдительности». Начальника главка этого министерства, отвечавшего за строительство шахт, по той же причине предлагалось снять с должности⁶¹⁹.

Поиски в архивных фондах Совета министров СССР соответствующего постановления, принятого на основании этих проектов, не увенчались успехом. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что документ так и не был подписан. Очевидно, что постановление затрагивало интересы слишком широкого круга влиятельных руководителей. Кроме того, оно вскрывало неприглядную картину теневых сторон экономики и беспорядков в государственном аппарате. Не исключено, что свою роль сыграла смерть Сталина и новые, куда более насущные заботы и реорганизации правительства, занимавшие внимание новых руководителей страны.

Вместе с тем рассмотрение дела Павленко в руководящих структурах Совета министров, конечно, не могло пройти бесследно. Указание о чистке чиновников, причастных к организации Павленко, фактически было выдано, даже если его не оформили в виде постановления. Свою часть пути в этом направлении прошли также органы прокуратуры и госбезопасности. Уже на первых допросах арестованных были выяснены их контакты вне организации.

По мере выяснения подробностей дела сформировались две группы «пособников». Первые действовали из корыстных интересов за взятки. Вторые в целом не переходили черту фор-

---

⁶¹⁷ Там же. Л. 252–254.

⁶¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 273.

⁶¹⁹ Там же. Л. 273–274.

мальных отношений с УВС, но были виновны в отсутствии должной бдительности и «благодарности». Судьба и тех и других была предрешена, хотя и по-разному. С представителями второй группы разобрались быстро и без особых хлопот при помощи увольнений и партийных взысканий.

Наказанное «благодушие»

Различные чиновники, попавшие в переплет дела Павленко, могли рассчитывать на более объективное отношение к себе, чем участники УВС. Важной причиной этого была своеобразная иерархизация советской уголовной политики. Как показали многочисленные исследования историков, в послевоенный период наблюдалась неравная ответственность перед законом рядовых граждан, с одной стороны, и руководителей и даже рядовых членов партии – с другой. В отношении последних наказания за злоупотребления и преступления нередко (хотя не всегда) ограничивались перемещением в другое кресло или партийными взысканиями. «Чаще всего снятые с должностей и переведенные на новое место работы представители номенклатуры и там продолжали вести привычный им образ жизни, и по-прежнему воспринимали свои посты как место получения подпольных доходов», – пишет исследователь коррупции в послевоенном Ленинграде, приводя в подтверждение этого тезиса конкретные факты⁶²⁰. Такие явления характеризуются в литературе как свидетельства укрепления судебного иммунитета советской номенклатуры⁶²¹.

Нормативным основанием для активного вмешательства партийных комитетов в прокурорско-судебную сферу стало изменение баланса сил между карательными и партийными органами после прекращения Большого террора в конце 1930-х годов. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятое 1 декабря 1938 года, предусматривало, что аресты членов партии допускались только по согласованию с секретарями районных, городских, краевых, областных комитетов или ЦК компартии союзных республик⁶²². Кроме того, члены партии должны были исключаться из партии до их предания суду. В результате, как говорил один из руководителей союзной прокуратуры, привлечение членов партии к уголовной ответственности фактически оказалось «изъято из компетенции судебно-прокурорских органов»⁶²³.

Опираясь на приоритет партийности, местные руководители, как показывают документы, нередко запрещали расследования злоупотреблений номенклатурных работников и их привлечение к уголовной ответственности. В тех случаях, когда речь шла о серьезных преступлениях, а потому прямой запрет на привлечение к суду был опасным, применялись другие методы защиты: снижение сроков наказания, оправдательные или условные приговоры, затягивание дел и их последующий развал и т. д.⁶²⁴ Широкое распространение подобных явлений позволило генпрокурору в докладной записке в ЦК ВКП(б) незадолго до смерти Сталина сделать обобщающий вывод: «На самом деле, существует два уголовных кодекса, один для коммунистов и другой для остальных. Есть много примеров, когда за одно и то же преступление члены партии остаются на свободе, а беспартийные попадают в тюрьму»⁶²⁵.

⁶²⁰ Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма. С. 76–78.

⁶²¹ Hooper C. A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-WWII Era // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / Ed. J. Fuerst. London: Routledge, 2006; Cohn E. D. Policing the Party: Conflicts between Local Prosecutors and Party Leaders under Late Stalinism // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. № 10. P. 1912–1930; Шалак А. В. О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940–1950-е годы (на примере Восточной Сибири) // *Известия ИГЭА*. 2013. № 3. С. 164–170; Пушкарев В. С. «Черный» рынок. С. 222–223; Belova E., Lazarev V. Funding Loyalty: the Economics of the Communist Party. New Haven; London: Yale University Press, 2012. P. 110–129; Cadot J. Equals Before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Party Members, and the Legal Landscape in the USSR // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. № 2. P. 249–269.

⁶²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6, 51; АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 91. Л. 173.

⁶²³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 11. Л. 240.

⁶²⁴ Там же. Оп. 37. Д. 4668. Л. 126; Оп. 32. Д. 11. Л. 36; РГАСПИ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 57. Л. 9. Различные примеры противодействия прокурорско-судебным органам со стороны местных партийных руководителей или круговой поруки всех ветвей власти на местах см. в работах, перечисленных в прим. 2 на с. 245.

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 4668. Л. 126. См. подробнее: Gorlizki Y. Political Reform and Local Party Interventions under Khrushchev. Reforming Justice in Russia, 1864–1996 / Ed. P. Solomon. New York; London: M. E. Sharpe, 1997. P. 259–260.

Фактическое разделение юстиции по сословному принципу было следствием многих факторов. С одной стороны, нарушения отдельных чиновников ставили под удар коллективной ответственности аппаратную структуру в целом, что стимулировало круговую поруку. С другой – не стоит сбрасывать со счетов влияние корпоративной номенклатурной морали, которая допускала терпимое отношение к злоупотреблениям в своей среде. Однако было бы неправильно считать, что судебный иммунитет служил исключительно интересам чиновников, совершавших преступления. В чрезвычайно жестоком и пронизанном репрессиями сталинском государстве он выступал гарантией относительной защищенности функционеров, постоянно рисковавших попасть под удар за неизбежные нарушения, без которых в сложившейся системе невозможно было работать. Дело Павленко в числе прочего демонстрировало, как работали такие механизмы.

Получив списки чиновников, контактировавших с организацией Павленко, следствие достаточно быстро выяснило, кто из них действовал за взятки. В этом случае вопрос решался достаточно просто при помощи арестов. Так, 25 декабря 1952 года под стражу взяли управляющих львовской конторой и белорусской республиканской конторой Промбанка. Первого обвиняли в сокрытии приписок в организации Павленко и выплате ей большой премии за рационализаторские предложения по документам от Министерства угольной промышленности. Второму поставили в вину, что он «давал задание своим подчиненным работникам подыскивать для организации Павленко строительные работы на территории Белоруссии». Оба чиновника на допросах признали получение взяток от Павленко⁶²⁶.

Куда более сложной была криминализация или, по крайней мере, политическая дискредитация рутинного взаимодействия многочисленных хозяйственных руководителей с УВС. Такие связи не выходили за рамки обычных практик. Они предполагали сочетание формальных отношений с неформальными, определенный уровень доверия, возможность решения различных вопросов посредством личных контактов в обход тяжеловесных и длительных официальных согласований. Именно так работала советская экономика, и она не могла работать иначе. Беспристрастное рассмотрение вопроса было невозможно без априорного признания этого очевидного факта. Однако с самого начала дело УВС находилось под сильным политическим давлением. Это предполагало, что независимо от обстоятельств все чиновники, контактировавшие с Павленко, – неважно, в какой мере они были действительно виновны, – должны быть выявлены и примерно наказаны.

В соответствии с требованиями сверху в Москве в Главной военной прокуратуре в начале 1953 года собирались компрометирующие материалы на ответственных работников Министерства угольной промышленности СССР, объекты которого составляли львиную долю среди заказов УВС⁶²⁷. Судя по документам, следователи старались представить в качестве подозрительных и недопустимых все контакты чиновников этого министерства с Павленко. Так, в справке от 5 февраля 1953 года, подписанной помощником главного военного прокурора, подробно описывалось взаимодействие Павленко с замминистра угольной промышленности Э. О. Миндели⁶²⁸.

Всего было зафиксировано два эпизода. Первый касался распоряжения Миндели произвести оплату удорожания стоимости земляных работ, выполненных УВС во время строительства дороги в районе Владимира-Волынского. Соответствующие телеграммы за подписью Миндели, как выяснило следствие, были направлены руководству треста «Западшахтострой» и львовской областной конторы Промбанка в августе 1950 года. Второй эпизод относился к январю 1951 года, когда Миндели во время командировки на объекты шахтного строительства

---

⁶²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 330–331.

⁶²⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 306–313, 353–358.

⁶²⁸ Там же. Л. 306–308.

в Смоленской области встретился с Павленко лично. Павленко был представлен ему как руководитель одной из подрядных организаций. Знакомство было закреплено обычным ужином в гостинице. Как заявил Павленко на допросе, никакого конкретного разговора с Миндели в тот вечер не было. Такой разговор состоялся на следующий день в Смоленске в конторе Промбанка. Миндели дал распоряжение главному инженеру треста «Дорогобужшахтострой» погасить задолженность, которую трест имел перед организацией Павленко.

Излагая эти факты, военные прокуроры никак не оценивали законность действий Миндели. Очевидно, потому, что никакого криминала в них не было. Замминистра в данном случае решал рутинные управленческие вопросы, связанные с взаимодействием подчиненных ему структур с их подрядчиком. Прокурорам пришлось свести дело к традиционным заявлениям об отсутствии бдительности. Несколько раз употребив крепкие выражения о «преступной организации» УВС и ее «главаре» Павленко, военная прокуратура сделала вывод: «Вступая с Павленко в отношения служебного порядка, тов. Миндели, проявив беспечность, не поинтересовался, кем является Павленко, что за „организацию“ он возглавляет и на каком основании эта „организация“ работает на строительстве предприятий „Главцентршахтострой“, которые были по июнь 1951 года непосредственно подчинены тов. Миндели».

Это заключение выдавало очевидную несостоятельность обвинений. Как хорошо знали следователи, Павленко действовал на основании легально оформленных договоров с соответствующими шахтостроительными трестами. В обязанности Миндели не входило проводить проверку подрядчиков. Такие претензии гораздо больше оснований было предъявлять самим прокурорам, работавшим на местах.

Однако подобные очевидные аргументы никого не интересовали. Дело дошло до советских верхов, а значит, требовалось ритуальное «жертвоприношение». Возможно, в судьбе Миндели какую-то роль сыграли политические изменения после смерти Сталина. Во всяком случае, в 1954 году из министерства он перешел на должность заведующего лабораторией во Всесоюзный научно-исследовательский институт угольной промышленности. В научной сфере он работал и все последующие годы⁶²⁹.

По аналогичному сценарию и столь же безуспешно собирались компрометирующие материалы против другого высокопоставленного руководителя Министерства угольной промышленности – начальника Главного управления шахтного строительства А. Т. Картозии. По должности он чаще контактировал с Павленко, чем Миндели, поскольку непосредственно отвечал за строительство новых шахт и их инфраструктуры. Их знакомство произошло в 1950 году в связи с привлечением организации Павленко к подрядным работам на Порицких шахтах в Западной Украине⁶³⁰. Последующие контакты касались и других объектов, которые курировал главк Картозии, – в Эстонии и Смоленской области.

Показания Павленко и самого Картозии, который допрашивался военными прокурорами как свидетель, однозначно доказывали, что их взаимодействие касалось рутинных служебных вопросов: согласование договоров подряда, выполнение обязательств со стороны заказчиков (которых курировал Картозия) перед подрядчиком (Павленко), просьбы к подрядчику ускорить те или иные работы⁶³¹. Обычные контакты во внеслужебной обстановке во время случайных застолий не представляли собой ничего особенного. Единственный эпизод, показавшийся следователям перспективным, касался уже упомянутого премирования Павленко за удешевление строительных работ⁶³². Прокуроры пытались обнаружить в этом случае корыстный мотив, возможно взятку. Однако Картозия, подробно допрошенный о премии, твердо и уверенно

---

⁶²⁹ Уголь. 2010. № 2. С. 72.

⁶³⁰ См. главу 4.

⁶³¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 309–313. См. главу 4.

⁶³² См. главу 3.

показал, что выплаты были произведены в соответствии с законом на основании решения технического совещания, акта о принятых работах и с согласия конторы Промбанка⁶³³.

В общем, как и в отношении Миндели, прокуроры смогли сформулировать в адрес Картозии претензии неопределенно-политического характера. Он обвинялся в том, что, «познакомившись с Павленко в 1950 году, проявил беспечность и не заинтересовался, кем в действительности является Павленко и что за организацию он возглавляет». Павленко же при его «покровительстве на протяжении 1950–1952 годов активизировал деятельность своей преступной лжевоинской организации в системе Министерства угольной промышленности СССР». Отсутствие признаков взяток было «компенсировано» упоминанием, что на одной из встреч на квартире Картозии в Москве Павленко принес с собой «часть зажаренного поросенка и другую закуску»⁶³⁴.

Несмотря на сомнительность предъявленных претензий, в судьбе Картозии сыграл роль все тот же политический фактор. Заранее назначенный виновным в «утрате бдительности», он в 1953 году уехал из Москвы на родину в Грузию на должность начальника комбината «Грузуголь». В 1957 году, когда изменились общие политические условия в стране, Картозия вернулся в столицу. Работал на разных должностях в Госплане и Госстрое СССР⁶³⁵.

Пока неизвестно, насколько далеко зашли чистки в Министерстве угольной промышленности СССР в связи с делом Павленко. Замминистра В. Т. Шibaев, с которым Павленко встречался по крайней мере однажды для решения производственных вопросов⁶³⁶, в 1954 году был назначен начальником комбината «Ворошиловградуголь». В официальной биографии Шibaева это перемещение связано «с перестройкой организационных структур в угольной промышленности»⁶³⁷. Вполне возможно, что так и было.

В любом случае расследования прокуратуры в отношении чиновников, «утративших бдительность», длились недолго. Свои права на эти дела предъявили партийные структуры: все руководители, попавшие под подозрение, были членами партии. Это была обычная практика. С самого начала следствие информировало секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и руководителя Комитета партийного контроля М. Ф. Шкирятова о связях организации Павленко с работниками партийных и хозяйственных органов⁶³⁸. В справке военной прокуратуры о состоянии следствия по делу на 20 марта 1953 года говорилось: «По требованию КПК при ЦК КПСС им передана часть материалов в отношении отдельных советско-партийных работников, виновных в незаконном существовании этой преступной организации»⁶³⁹.

По аналогичному сценарию строились дела против чиновников, «утративших бдительность» на местах. Как сообщал 10 декабря 1952 года Сталину секретарь ЦК компартии Украины Л. Г. Мельников, «ЦК КП Украины в настоящее время устанавливает связи этих преступников (членов УВС. – *Авт.*) с руководителями хозяйственных и других организаций и примет необходимые меры к этим работникам»⁶⁴⁰. Таким был общий принцип выявления чиновников-пособников во всех регионах, где действовала организация Павленко. Более подробно о том, как это происходило на практике, свидетельствуют соответствующие молдавские документы.

В этой республике организация Павленко активно действовала в последний период своего существования. Сотрудничество УВС с молдавскими чиновниками во многих отношениях

---

⁶³³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 353–358.

⁶³⁴ Там же. Л. 313.

⁶³⁵ Уголь. 2009. № 4. С. 75.

⁶³⁶ См. главу 4.

⁶³⁷ Уголь. 2010. № 2. С. 69.

⁶³⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 208–217, 243–244.

⁶³⁹ Там же. Л. 362.

⁶⁴⁰ Киевская Л. и др. «Основной костяк подбирался из преступников». С. 135.

было типичным, хотя имело и свои особенности. К их числу нужно отнести отсутствие ярко выраженных коррупционных связей, основанных на денежных взятках, как это было при реализации договоров Павленко с угольными предприятиями в Украине. Одно из объяснений такого положения лежит на поверхности. В Молдавии УВС работало на объектах пищевой промышленности и сельского хозяйства, которые не могли предложить столь же значительные и выгодные проекты, как угольщики. Следовательно, обе стороны, Павленко и его молдавские заказчики, были примерно в равной мере заинтересованы друг в друге.

Красноречивый пример представляли неудавшиеся переговоры Павленко с главой города Тирасполя В. Н. Бронниковым. Как позже объяснял Бронников, в октябре 1952 года в распоряжении городских властей оставалось много неизрасходованных средств на строительные работы, прежде всего для ремонта моста, разрушенного в результате летних ливней. Однако найти подрядчиков Бронников не смог. Обратившись к директору винно-коньячного завода, на котором в то время работало УВС, Бронников познакомился с Павленко и предложил ему строительный подряд. Однако Павленко не заинтересовался заказом. Очевидно, что работа была хлопотная и не очень выгодная. Бронников был вынужден просить помощи у командования местного гарнизона, которое, как обычно, выделило солдат. Работы, кстати, и после этого шли плохо, мост оставался полуразрушенным еще долгое время⁶⁴¹.

В общем, подкреплять «дружеские» связи с молдавскими чиновниками взятками у Павленко не было нужды. Это обстоятельство очень быстро стало очевидным для следствия. Однако, как и в случае с центральным аппаратом Министерства угольной промышленности, свою роль играл политический заказ. Виновные или нет, молдавские чиновники подлежали наказанию.

После выяснения подробностей о составе и деятельности УВС арестованных членов организации начали допрашивать об их связях в Молдавии. Павленко по этому поводу был подробно допрошен через полмесяца после ареста, 9 декабря 1952 года, в молдавском МГБ⁶⁴². На основании полученных сведений в конце ноября и главным образом в декабре 1952 года начались допросы молдавских чиновников в качестве свидетелей. Они велись сотрудниками Главной военной прокуратуры, командированными в Молдавию. Судя по протоколам, следователей интересовали вопросы договорных отношений молдавских предприятий с УВС, а также неформальные связи Павленко и его помощников с чиновниками. Однако факты коррупции обнаружены не были. Удалось выяснить, что дело ограничивалось эпизодическими совместными застольями и оказанием незначительных услуг⁶⁴³.

2 января 1953 года в МГБ Молдавии была составлена справка о связях участников УВС с работниками учреждений и предприятий республики. В ней были перечислены 20 чиновников, попавших под подозрение⁶⁴⁴. Их было решено наказать по административно-партийной линии, поскольку оснований для возбуждения уголовных дел найти не удалось. Таким образом, допросы «пособников» в качестве свидетелей прокурорами сменились допросами (их деликатно называли «беседами») в партийных структурах. Процедура партийного следствия состояла из двух этапов. Сначала скомпрометированные чиновники «беседовали» с двумя руководителями аппарата ЦК компартии республики: заместителем заведующего административным отделом ЦК П. Крангой и А. Мельником, представлявшим республиканский Комитет партийного контроля. После этого обвиняемые писали заявления в ЦК с объяснением обстоятельств дела и признанием своей вины.

---

⁶⁴¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 167. F. 76–79.

⁶⁴² Ibid. D. 165. F. 97–102.

⁶⁴³ Ibid. F. 103–111 (протокол допроса М. А. Азарьева от 12 декабря); F. 112–117 (протокол допроса М. Е. Шумана от 13 декабря); F. 129–134 (протокол допроса Б. Ю. Шмурак от 9 декабря); F. 135–140 (протокол допроса И. Н. Гришаева от 28 ноября); F. 146–152 (протокол допроса Н. Т. Волкова); F. 161–173 (протокол допроса А. К. Осадчего от 7 декабря).

⁶⁴⁴ Ibid. D. 165. F. 198–214.

Как показывают документы, партийные беседы велись в достаточно спокойном тоне. Представителей ЦК интересовали обстоятельства знакомства чиновников с Павленко и его сотрудниками, степень активности их контактов и их выход за рамки служебных отношений. Из уст партийных функционеров постоянно звучали упреки в отсутствии бдительности, «благодушии», излишней доверчивости в случаях, когда была нужна тщательная проверка. Вызванные на ковер чиновники огрызались. Особенно жаркая перепалка возникла у членов партийной комиссии с директором Тираспольского винно-коньячного завода А. К. Осадчим. В ответ на упреки о поддержании отношений с руководителями УВС Осадчий заявил:

Что Вы хотите, чтобы я как администратор повернулся к ним спиной? Я должен расположить их как администратор. Затем, какие у меня были основания относиться с какой-либо опаской. Военная организация, работает по всей Молдавии, то какое же я имею право так к ним относиться.

т. Мельник. Дело в том, что они деньги воровали государственные.

т. Осадчий. У них же открыт счет в банке, оформлен... Всех не было дома, а один Осадчий виноват. Органы есть. Спрашивается, каким образом у них могли быть машины, и ни городские, ни республиканские организации, автоинспекция не интересовались...

т. Кранга. Вы ведете себя так отвратительно и не хотите помочь раскрыть эту контрреволюционную организацию. Вы должны были рассказать всю правду.

т. Осадчий. Я и рассказывал.

т. Кранга. Рассказали после того, как их арестовали.

т. Осадчий. Если бы я знал раньше, я бы рассказал⁶⁴⁵.

Твердо вел себя на партийном допросе заместитель управляющего молдавской республиканской конторой Промбанка М. Е. Шуман. Он упрямо разъяснял Кранге и Мельнику процедуры деятельности Промбанка и взаимодействие с организацией Павленко. «Промбанк заинтересован, чтобы работы производились подрядным способом. Наши тресты маломощные, они не справляются с той работой, которая на них возложена». Деньги УВС выдавались в соответствии с правилами. «Мы выдали этой организации столько, сколько ей полагается. Мы деньги выдавали под акты выполненных работ», – вновь и вновь повторял Шуман⁶⁴⁶. Попытки партийных функционеров представить дело как заговор, организованный сотрудницей Промбанка Л. В. Виноградовой, ранее знавшей Павленко⁶⁴⁷, Шуман категорически отверг. В связи с этим состоялся очень показательный диалог:

Вопрос: Не кажется ли Вам попутно, что это Виноградова завела Вас в заблуждение. Не кажется, что Виноградова знала об этом (о подлинной сути организации Павленко. – *Авт.*) раньше и она может быть даже...

– Не вставал передо мной этот вопрос...

Вопрос: Вы дайте политическую оценку этому делу. Кто Вас ввел в заблуждение?

– В заблуждение никто не ввел...

Вопрос: Какую характеристику давала Виноградова об этой воинской части и ее руководителе Павленко?

---

⁶⁴⁵ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 167. F. 157–158.

⁶⁴⁶ Ibid. D. 168. F. 140.

⁶⁴⁷ См. главу 3.

– Никакой характеристики не давала, и никто не обращался за характеристикой к ней. Она сказала, что это бывший клиент Львовской конторы и этим ограничилась.

Получив такой отпор, партийные чиновники с раздражением подытожили: «Фактически вы ничего не можете сказать?» Шуман подтвердил, что уже рассказал все, что мог⁶⁴⁸.

В общем, стенограммы допросов в ЦК компартии Молдавии носили скорее формальный характер. Это был диалог сторон, которые в целом утвердились на заранее выбранных позициях. Допрашиваемые признавались в отсутствии бдительности и отрицали свою корыстную заинтересованность в контактах с Павленко, подчеркивая их легальный характер. Партийные следователи понимали, что сидящих перед ними собеседников так или иначе обязательно накажут и их объяснения мало что прибавят к уже собранному досье. Так и произошло.

Для окончательного определения судьбы обвиняемых «пособников» была создана комиссия ЦК компартии Молдавии из трех человек. От партийного аппарата в нее вошли Кранга и Мельник, проводившие партийное следствие, а от МГБ замминистра Цвигун, курировавший дело Павленко. Такой состав комиссии позволял объединить материалы чекистского и партийного следствия, которые, впрочем, в этом случае мало отличались друг от друга.

Комиссия рассмотрела досье 24 обвиняемых (17 членов партии и 7 беспартийных) и предложила руководству ЦК подвергнуть их определенным наказаниям: на уровне бюро ЦК компартии Молдавии снять с должности и исключить из партии четырех человек, еще трех подвергнуть партийным взысканиям, а дела остальных членов партии передать на рассмотрение местных парторганизаций. В отношении беспартийных вопрос предлагалось решить руководителям соответствующих учреждений: управляющему конторой Промбанка и министру пищевой промышленности республики. Особое предписание было вынесено в адрес командования Одесского военного округа, которому поручалось выявить виновных в бездействии органов армейской контрразведки⁶⁴⁹.

Дальнейшие события развивались в соответствии с предложенным сценарием. 10 февраля 1953 года бюро ЦК компартии Молдавии, высший орган реальной власти в республике, приняло постановление «О потере политической бдительности со стороны некоторых работников»⁶⁵⁰. Документ содержал обвинения в адрес руководителей Министерства пищевой промышленности Молдавии во главе с министром и его заместителями, а также банковских работников во главе с управляющим республиканской конторой Промбанка. Они «не только не сумели разглядеть настоящее лицо вредителей, но оказались настолько благодушными, беспечными и слепыми, что сами содействовали подрывной деятельности антисоветской организации, заключали договора на дорожно-строительные работы, открыли расчетные счета в отделениях Госбанка по фиктивным документам, финансировали, обеспечивали жилым фондом, автомашинами, бензином, зерном и другими материальными ценностями».

Привлекаемые к ответственности были разделены на две категории. Одни просто не проявили «должной бдительности». Другие, «установив приятельские отношения с руководителями преступной организации, устраивали систематические пьянки». За должностные злоупотребления разной степени были вынесены соответствующие наказания. Еще раз напомнив «указание товарища Сталина и решения партии о том, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке», бюро исключило из партии и сняло с работы двоих обвиняемых по категории «установивших приятельские отношения» – замминистра пищевой промышленности Азарьева и директора Тираспольского винно-коньячного завода Осадчего.

---

⁶⁴⁸ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 141–142.

⁶⁴⁹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 217–230.

⁶⁵⁰ Ibid. D. 166. F. 13–16.

Начальник главка винодельческой промышленности был снят с работы, но отделался строгим выговором по партийной линии. Это сохраняло надежды на трудоустройство в будущем. Разной степени партийные выговоры были объявлены директору совхоза «Гратиешты», бывшему секретарю Бельцкого горкома партии (его уже успели снять с должности) и секретарю Тираспольского горкома. Самые высокопоставленные обвиняемые – министр пищевой промышленности К. И. Цуркан и управляющий республиканской конторой Промбанка С. П. Краса пока были выведены из-под удара. Вопрос об их ответственности предлагалось обсудить на очередном заседании бюро. Точно известно, что Цуркан в конечном счете сохранил свой пост.

Дела остальных работников, попавших под удар, передавались на рассмотрение местных партийных комитетов, а в отношении беспартийных – организациям, где они работали. Открыло серию таких акций заседание бюро Бельцкого окружного комитета компартии Молдавии 27 февраля 1953 года. Следуя указаниям ЦК, к ответственности была привлечена группа местных работников – бывший начальник строительно-монтажного управления на Бельцком винно-коньячном заводе и два руководителя Бельцкой конторы Госбанка. Они так или иначе контактировали с УВС и за это получили партийные выговоры, а некоторые лишились работы⁶⁵¹.

10 марта 1953 года, через месяц после заседания бюро ЦК в Кишиневе, вопрос «о потере политической бдительности» со стороны нескольких работников рассмотрело бюро Тираспольского окружного комитета компартии Молдавии⁶⁵². Повторив традиционные заклинания о бдительности, тираспольские партийные власти подвергли различным мерам наказания пять человек. Особенно сильно пострадали управляющий Тираспольским отделением Госбанка, потерявший партийный билет и должность за застолья с членами УВС и получение от них материалов для строительства своего дома, а также начальник строительно-монтажного управления, сотрудничавшего с организацией Павленко. Последнего к этому времени уже сняли с работы, а теперь еще исключили из партии. В вину ему поставили не только связи с УВС, но и ставшее известным в результате дополнительной проверки сокрытие факта пребывания за границей при вступлении в партию. Легче всего отделался председатель Тираспольского горисполкома. Ему объявили выговор за неосуществленное намерение привлечь организацию Павленко к починке городского моста. Сам мост в этот момент так и стоял сломанным.

Продолжило эстафету бюро Кишиневского окружного комитета компартии Молдавии. 19 марта 1953 года оно рассмотрело вопрос «о притуплении политической бдительности» у четырех членов местной партийной организации: трех руководителей строительных организаций и управляющего одним из отделений Госбанка. Все они получили выговоры по партийной линии⁶⁵³.

23 марта 1953 года, полтора месяца спустя после рассмотрения вопроса о «политической бдительности» на заседании бюро ЦК компартии Молдавии, управляющий молдавской республиканской конторой Промбанка, судя по всему избежавший снятия с должности, докладывал о принятых им кадровых решениях. По требованию ЦК он снял с работы своего заместителя Шумана, который так или иначе помогал Павленко, начальника отдела Виноградову, с которой Павленко был знаком еще со времени работы во Львове, и старшего инженера Гоцко, контактировавшего с УВС при приемке строительных работ в Тирасполе⁶⁵⁴.

В общем, чиновники, признанные виновными в «благодарности» и «утрате бдительности», вышли из скандала вокруг организации Павленко с минимальными, по сталинским меркам,

---

⁶⁵¹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 168. F. 29–31.

⁶⁵² Ibid. F. 24–26.

⁶⁵³ Ibid. F. 27–28.

⁶⁵⁴ Ibid. D. 167. F. 95–96.

потерями. Некоторые отделались партийными взысканиями и продолжили службу. Другие устроились на новые должности и дождались лучших поворотов в своей судьбе после смерти Сталина. Вместе с тем группа участников организации и их активных покровителей и помощников в аппарате управления оказалась под арестом, следствием, а затем и под судом. У них практически не было шансов избежать суровых наказаний.

Глава 8

СЛЕДСТВИЕ И СУДЫ

Работавшая в течение четырех с половиной лет как элемент советской хозяйственной системы, организация Павленко с конца ноября 1952 года превратилась в объект преследования советских репрессивных органов. Учитывая масштабы дела, оно с самого начала разделилось на несколько относительно связанных потоков. На местах, а затем в Москве велось следствие. Руководители УВС, а затем и некоторые другие участники организации были осуждены военными трибуналами.

Параллельно проводились аресты и суды по ведомственному принципу в отношении служащих, сотрудничавших с Павленко на коррупционной основе. Тех чиновников, в действиях которых не было установлено состава уголовного преступления, подвергали партийным проработкам, а в ряде случаев увольняли за пособничество и отсутствие бдительности. Однако если партийно-должностные наказания невольных соучастников Павленко были проведены достаточно быстро, то арестованные участники УВС и их коррумпированная группа поддержки попали в руки прокуратуры и судебных органов надолго.

Суд над ядром организации начался лишь два года спустя после ее разгрома, в ноябре 1954 года, а закончился через шесть месяцев, в апреле 1955-го. Другие судебные заседания длились по крайней мере до осени 1956 года. За это время многое изменилось в политическом положении СССР, началась десталинизация. Эти общие изменения сказались и на судьбе подсудимых.

На переломе репрессивной политики

Павленко и его подельники попали под арест за три месяца до смерти Сталина. В этот период репрессивная политика Советского государства была весьма интенсивной. На 1 января 1953 года в лагерях и колониях содержались около 2,5 млн человек, в тюрьмах – более 150 тыс., в спецпоселениях и ссылке – более 2,8 млн⁶⁵⁵. Эти 5,5 млн человек, находившихся в различных подразделениях Гулага, составляли около 3 % населения страны и более значительную долю среди взрослого населения⁶⁵⁶. Миллионы людей были осуждены к различным наказаниям, не связанным с лишением свободы: исправительно-трудовым работам, штрафам. Многие подвергались иным формам дискриминации – были лишены права на профессию или проживание в определенных местностях.

Характерной чертой советской карательной системы было постоянное производство политических дел и поиски политической подкладки в обычных уголовных преступлениях. Страну постоянно лихорадили кампании бдительности и выявления врагов. Продолжалась война в Корее и гонка вооружений. Значительными оставались материальные жертвы советского народа. На обстановку в последние месяцы жизни Сталина сильное влияние оказывало «дело врачей-убийц». На его волне росли антисемитские настроения и истерия борьбы с «врагами». Широко распространялись слухи о возможных погромах и депортациях еврейского населения⁶⁵⁷. Рос градус политической нетерпимости, подозрительности и поиска внутренних врагов.

Арестованных в такое время членов организации Павленко и их пособников не ожидало ничего хорошего. Однако уже на начальной стадии следствия им, можно сказать, повезло. Значительный масштаб дела породил организационные заминки. Рассредоточенное между органами госбезопасности Молдавии и Украины и Главной военной прокуратурой в Москве, следствие затягивалось.

Первоначально проверка, как уже говорилось, была инициирована военными прокурорами в связи с рассмотрением двух жалоб на организацию Павленко. Когда вскрылись истинные масштабы преступлений, прокуратура запросила помощь у МГБ и работала в тесной связи с чекистами. Сразу же после разгрома организации, ареста ее руководителей и обысков прокуроры попытались полностью передать дело в МГБ. В письме генпрокурора СССР в адрес Сталина, Берия и Маленкова от 24 ноября 1952 года, в котором сообщалось о Павленко и УВС, выдвигалась такая инициатива: «В целях полного выяснения действительных целей преступной организации, учитывая выявленное в результате обысков оружие, полагал бы целесообразным поручить следствие по этому делу МГБ СССР, которое могло бы проводить его при содействии прокуратуры в части раскрытия хищений государственной собственности»⁶⁵⁸.

Однако это предложение не прошло. Можно предположить, что МГБ не горело желанием брать на себя новую обременительную работу. В отличие от многих сфабрикованных дел, в которых из арестованных просто выбивали нужные показания, дело УВС было реальным, а поэтому требовало дополнительных усилий, экспертизы, допросов сотен людей. Центральный аппарат МГБ, в котором было бы логично сосредоточить расследование деятельности столь разветвленной организации, был занят выполнением сталинского заказа на «дело

---

⁶⁵⁵ ГУЛАГ. 1918–1960. С. 435, 447; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. С. 225.

⁶⁵⁶ Общая численность населения СССР на начало 1953 года составляла около 188 млн человек (Попов В. П. Экономическая политика советского государства. С. 16).

⁶⁵⁷ Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Росспэн, 2010. С. 329–380.

⁶⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 26.

врачей» и ему подобных. Так или иначе, материалы по УВС остались в Главной военной прокуратуре.

6 декабря 1952 года Цвигун сообщил руководству Молдавии, что по просьбе МГБ Украины, «где проходила основная преступная деятельность организации», следственное дело передавалось украинским чекистам⁶⁵⁹. Однако вскоре оно перешло на новый, более высокий уровень. С 20 января по 10 февраля 1953 года в Главной военной прокуратуре в Москве были сосредоточены материалы для продолжения следствия, а сами арестованные переведены в московскую Бутырскую тюрьму. На 20 марта 1953 года было арестовано 72 участника организации Павленко⁶⁶⁰.

В Москве арестованные поступили в ведение следственной части по особо важным делам Главной военной прокуратуры. Это было сравнительно небольшое подразделение, занимавшееся, как следовало из его названия, наиболее значительными случаями, к числу которых принадлежало и дело УВС. Всего в 1952 году в производстве следственной части по особо важным делам находилось 62 дела, а в первом полугодии 1953 года – 100 дел. Расследование этих дел занимало значительные сроки, скорее всего в силу их сложности. В 1952 году из законченных следствием дел более половины рассматривались свыше двух месяцев, а в первой половине 1953 года – почти 80 %⁶⁶¹. Большинство подследственных в этой структуре проходили по индивидуальным делам.

Члены УВС составляли в этом смысле особый случай. Их было много, в связи с чем на помощь пришлось дополнительно привлечь 20 прокурорско-следственных работников из других управлений Главной военной прокуратуры и региональных военных прокуратур. 72 арестованных были распределены по три человека на следователя, за исключением руководителей организации (Павленко и некоторых других). Судя по всему, им выделили персональных следователей⁶⁶². Таким образом, в Главной военной прокуратуре делом УВС занимались около 30 следователей. Кроме того, при следственной части по особо важным делам был создан штаб из пяти человек для координации работы следователей и розыска подозреваемых, которые скрывались от ареста.

Следствие в отношении руководителей и активных участников организации составляло только вершину айсберга. С самого начала важнейшей задачей органов госбезопасности и прокуратуры считалось максимальное выявление контактов арестованных павленковцев. В числе прочего перед следователями была поставлена задача: «...Выявить всех лиц, по вине которых преступная вооруженная организация „УВС“ безнаказанно существовала много лет, могла вооружиться, приобрести большое количество автотранспорта и техники... Выявить лиц, допустивших ротозейство, политическую беспечность и слепо оказывавших содействие преступной организации „УВС“»⁶⁶³. В этом случае речь шла о многочисленных хозяйственных и местных руководителях, работниках финансовой системы, военных, милиционерах, сотрудниках госбезопасности и т. д. На 20 марта 1953 года Главная военная прокуратура располагала картотекой на 1150 человек, проходивших «по преступным связям с „УВС“»⁶⁶⁴.

Неизвестно, как быстро и чем закончилось бы дело павленковцев, если бы не смерть Сталина в марте 1953 года, как раз в момент, когда определился основной круг обвиняемых

---

⁶⁵⁹ AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 67.

⁶⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 360–361.

⁶⁶¹ Там же. Оп. 37. Д. 2494. Л. 17.

⁶⁶² Информация об организации следствия содержится в справке от 23 марта 1953 года, подписанной начальником следственной части по особо важным делам Главной военной прокуратуры П. А. Кульчицким (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 360–361).

⁶⁶³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 361.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 360.

и обвинений по делу УВС. Новое руководство СССР очень быстро приняло ряд решений, которые внесли изменения в советскую карательную политику.

В полном согласии друг с другом наследники Сталина начали постепенный демонтаж созданной при вожде машины террора. Уже 27 марта 1953 года был утвержден указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», сыгравший большую роль в судьбе сотен тысяч людей, в том числе арестованных по делу Павленко. Указ предусматривал освобождение из мест заключения и от других мер наказания, не связанных с лишением свободы, лиц, осужденных на срок до пяти лет включительно. Ряд категорий заключенных, в частности за должностные и хозяйственные преступления, освобождались независимо от срока наказания. В результате на свободу вышли 1,2 млн человек, что составляло более половины численности заключенных в лагерях⁶⁶⁵.

Важное символическое значение имело прекращение «дела врачей». Меньше чем через месяц после смерти Сталина, 3 апреля 1953 года, Президиум ЦК КПСС принял решение «о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому „делу о врачах-вредителях“, в количестве 37 человек». Одновременно к уголовной ответственности привлекались сотрудники госбезопасности, «особо изощрявшиеся в фабрикациях этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»⁶⁶⁶. На следующий день сообщение об этом было опубликовано в газетах, т. е. широко объявлено советским гражданам.

Тут же последовали другие, более закрытые решения, означавшие существенные изменения в репрессивной политике и методах работы советского карательного аппарата. Большое значение имел приказ министра внутренних дел СССР от 4 апреля 1953 года о запрещении применения пыток к арестованным. В документе признавалось распространение «арестов невинных советских граждан», «широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.».

Угрожая суровыми наказаниями нарушителям приказа, руководство МВД требовало закрыть в тюрьмах пыточные помещения и уничтожить орудия пыток⁶⁶⁷. Приказ зачитывался всем оперативным сотрудникам органов госбезопасности. Несомненно, он произвел на них сильное впечатление. 10 апреля 1953 года Президиум ЦК КПСС принял общую директиву, которая одобряла «меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабриковании (так в документе. – *Авт.*) фальсифицированных дел на честных людей...»⁶⁶⁸.

В продолжение нового курса весной – летом 1953 года проводилась важная трансформация лагерной системы. Массовая амнистия, объявленная осужденным по неполитическим статьям, уменьшила наполовину численность заключенных. Многочисленные предприятия и стройки, до тех пор находившиеся под контролем МВД, были закрыты или переданы экономическим министерствам. Одно за другим принимались решения о реабилитации отдельных жертв террора, прежде всего из числа известных партийно-государственных деятелей. Не за горами была массовая реабилитация жертв сталинского террора.

---

⁶⁶⁵ История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов: В 7 т. Т. 4. Население ГУЛАга: численность и условия содержания / Отв. ред. и сост. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева. М.: Росспэн, 2004. С. 128. Подробнее об амнистии и ее последствиях см.: *Добсон М.* Холодное лето Хрущева: возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М.: Росспэн, 2014.

⁶⁶⁶ Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1 / Сост. А. Н. Артизов и др. М., 2000. С. 19.

⁶⁶⁷ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. М. Сигачев. М.: МФД, 1999. С. 28–29.

⁶⁶⁸ Реабилитация. Т. 1. С. 23.

В определенный момент новый политический курс накрыл и Главную военную прокуратуру СССР, которая вела следствие по делу УВС. Под ударом оказался, в частности, ее руководитель, главный военный прокурор А. П. Вавилов. С 1944 года работая замгенпрокурора СССР по специальным делам, а с 1950 года – главным военным прокурором, Вавилов по должности участвовал в совершении тех акций, которые после смерти Сталина были признаны незаконными, т. е. преступными. В свое время Вавилов санкционировал многочисленные аресты по делам госбезопасности, не возражая штамповал приговоры особого совещания НКВД – МГБ, которые, как говорилось в материалах проверки 1955 года, «рассматривались пачками по 300–400 дел в течение 2–3 часов»⁶⁶⁹.

Однако критическое значение для судьбы Вавилова имела переоценка «ленинградского дела». По этому делу в 1950 году была осуждена к смертной казни и длительным срокам заключения большая группа партийно-государственных руководителей, в разное время работавших в аппарате Ленинграда и Ленинградской области. Наиболее известными среди них были член Политбюро и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попков⁶⁷⁰.

В эпицентр советской политики «ленинградское дело» выдвинулось в апреле 1954 года, когда было принято постановление Президиума ЦК КПСС о реабилитации осужденных. Не отрицая наличие гуманитарных мотивов этого решения, нужно отметить, что оно служило орудием противоборства в послесталинском руководстве СССР. Выдвигавшийся на первые роли Н. С. Хрущев использовал «ленинградское дело» для компрометации Г. М. Маленкова, причастного к его фабрикациям. Маленков был вынужден уйти с ключевого поста председателя Совета министров СССР. Судьба Вавилова, подписавшего в 1950 году в качестве прокурора обвинительное заключение по «ленинградскому делу», тоже была предрешена. В 1954 году его сняли с должности главного военного прокурора, а в следующем году исключили из партии и лишили генеральского звания⁶⁷¹.

Длительность следствия и судов, которые растянулись на четыре года после разгрома организации Павленко, сделали их чувствительными и к другим политическим переменам. Группа подсудимых по делу УВС пережила в камерах XX съезд КПСС, на котором был категорически осужден «культ личности Сталина» со всеми вытекающими последствиями. Обстановка в стране пусть не коренным образом, но менялась. Советский режим оставался репрессивным и авторитарным, но становился более умеренным. Важной частью этой умеренности являлось медленное и непоследовательное укрепление правовых институтов и процедур.

Пока доступные документы не позволяют исследовать в деталях, каким образом все эти политические повороты влияли на судьбу фигурантов дела Павленко. Однако такие изменения, несомненно, были. Начав с попыток сфабриковать материалы о «контрреволюционной организации», прокуроры в конце концов вернулись к более умеренным экономическим обвинениям, хотя и окрашенным в антисоветские политические цвета. На последовавших заседаниях военных трибуналов подсудимые отказывались от прежних показаний и в ряде случаев добивались при помощи адвокатов некоторого смягчения своей участи. В общем, как показывало дело Павленко, попасть под суд после смерти Сталина было куда лучше, чем при его жизни.

---

⁶⁶⁹ Реабилитация. Т. 1. С. 244.

⁶⁷⁰ О «ленинградском деле» см. подробнее: *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255; *Хлевнюк О. В.* Горлицкий Й. Холодный мир. С. 98–112.

⁶⁷¹ Справку о партийном расследовании в отношении Вавилова см.: Реабилитация. Т. 1. С. 244–246.

В Бутырке: поиски «контрреволюции»

В отношении самого Павленко и его сотрудников с самого начала был взят резко обвинительный уклон. В соответствии с традициями сталинской юстиции в задачу следствия входила дискредитация преступников любыми методами, а также ужесточение формулы обвинений. Несмотря на явный экономический характер преступлений Павленко и его команды, следствие все более настойчиво разрабатывало линию «антисоветской деятельности».

На первом допросе Павленко в МГБ Молдавии 23 ноября 1952 года его предприятие было названо сравнительно скромно: «антигосударственной преступной организацией»⁶⁷². Однако уже в ночь с 26 на 27 ноября допрашивавший Павленко в Кишиневе военный прокурор Кульчицкий интересовался не только хозяйственной деятельностью УВС, но и намекал на возможную подготовку ею подрывных антисоветских акций. Основанием для этого было наличие вооруженного военизированного подразделения. Однако Павленко оставался начеку. Он признавался в хищениях, но категорически отводил предположения и повстанческих намерениях. Между ним и Кульчицким, судя по протоколу, состоялся такой диалог:

Вопрос: Для чего вам понадобилась такая широко разветвленная организация?

Ответ: Я создал организацию для хищения государственных денег, но в процессе работы она разрослась до крупных размеров, и ее ликвидировать было очень трудно.

Вопрос: По чьему заданию вы собрали такое большое количество оружия?

Ответ: Никакого задания я ни от кого не получал.

Вопрос: В таком случае ответьте, от кого вы собирались защищаться этим оружием, которое у вас было изъято?

Ответ: Оружие мы получили в Западной Украине, и нам оно нужно было для самообороны.

Вопрос: Тогда зачем вы его привезли на территорию Молдавии, в Харьков, Днепропетровск, Запорожье и другие города?

Ответ: Оно оказалось вместе с имуществом...

Вопрос: Для чего вам в Днепропетровске нужны пулеметы, автоматы с боевыми патронами?

Ответ: Такое количество нам не нужно было, его нужно было сдать. Моя вина в том, что оно своевременно не было сдано. Я боялся сдать его, потому что мог возникнуть вопрос, откуда мы его получили.

Вопрос: Почему вы так усиленно конспирировали деятельность созданной вами антисоветской вооруженной организации?

Ответ: Зная, что я сделал преступление, я открыто не мог прийти и поэтому скрывался.

Вопрос: Вы уклоняетесь от ответа на поставленный вам вопрос. Я вас спрашивал, почему вам понадобилось так конспирировать в целом организацию, если вы не проводили вражеской работы по заданию иностранных разведок?

---

⁶⁷² AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 16.

Ответ: Мы проводили конспирацию с той целью, что боялись быть разоблаченными⁶⁷³.

Не добившись признания, Кульчицкий некоторое время не возвращался к этой теме. Работали по линии антисоветского заговора также украинские чекисты. 10 декабря 1952 года секретарь ЦК компартии Украины Л. Г. Мельников доложил Сталину, что Министерство госбезопасности республики «ведет следствие в направлении вскрытия возможной связи арестованных с ино[странными] разведками и оуновским подпольем»⁶⁷⁴.

Однако и им не удавалось добиться многого. Основные фигуранты дела в Киеве Константинов и Клименко не давали нужных показаний. Подталкиваемый следователем в желательном направлении, Клименко отговорился незнанием темы. «Со слов Павленко, оружие приобреталось для создания видимости, что наша преступная организация действительно является воинской частью. Были ли на этот счет у Павленко и Константинова какие-либо другие сообщения, я сказать не могу, так как об этом ничего не знаю», – сказал он следователю⁶⁷⁵.

Фактор Сталина, получавшего информацию об УВС, несомненно, играл важную роль в стремлении прокуроров, чекистов и партийных работников превратить дело Павленко в антисоветский заговор. Даже если сам Сталин не давал никаких указаний по делу (свидетельств об этом пока нет), сотрудники прокуратуры и госбезопасности хорошо знали общее направление сталинской политики, в которой центральное место занимали поиски внутренних врагов, связанных с международным империализмом.

Перевод дела из экономической в политическую плоскость полностью вписывался в общую модель сталинской карательной политики. Ее характерными чертами были, с одной стороны, чрезвычайное расширение сферы применения уголовного наказания, а с другой – интенсивная политизация уголовных преступлений. Следуя такой линии, прокуроры, судьи, сотрудники органов внутренних дел и госбезопасности всегда были готовы переквалифицировать обычные уголовные преступления в политические. Нередко уголовные преступники зачислялись в одну категорию с политическими⁶⁷⁶.

Возможно, обвинения в контрреволюционной антисоветской деятельности были связаны со значительными масштабами и дерзостью деятельности Павленко. Логика следствия и высокого начальства была очевидной. Признать, что советская экономическая и административная система была столь неэффективной, что допускала частное предпринимательство значительных размеров, они не могли. Следовательно, подобное преступление могли осуществить только враги, имевшие, скорее всего, поддержку извне.

В общем, неудивительно, что после передачи дела в Москву главный военный прокурор Вавилов, собрав подчиненных, поставил перед ними следующие приоритетные задачи:

Напряженно работать с арестованными в направлении выяснения вопроса, что из себя представляет преступная вооруженная организация «УВС» и ее политическое лицо; всеми следственными мероприятиями и допросами выяснять действительные цели организации и ее главарей (чего Павленко и его соучастники хотели добиться, на что они рассчитывали); путем тщательных допросов выявить все преступные связи участников организации, особо обратив внимание на возможные их связи с иностранной разведкой и националистическим подпольем⁶⁷⁷.

---

⁶⁷³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 175–177.

⁶⁷⁴ Киевская Л. и др. «Основной костяк подбирался из преступников». С. 135.

⁶⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 205.

⁶⁷⁶ Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: Росспэн, 2014.

⁶⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 361.

Действуя в указанном направлении, следователи переключили значительную часть своего внимания с хозяйственных вопросов на политические, пытались собрать компрометирующие сведения о взглядах и настроениях руководителей организации Павленко. Полученные у арестованных показания вращались в основном вокруг нескольких эпизодов их «антисоветской деятельности»: «антисоветской агитации» и пораженческих настроений.

По поводу «антисоветской агитации» на «сборищах» обвиняемых (на самом деле во время застолий с употреблением спиртного) и их «террористических намерений в отношении руководителей Партии и Правительства»⁶⁷⁸ в протоколах допросов были зафиксированы немало свидетельств:

В неоднократных беседах со мной Павленко резко в антисоветском духе высказывался против колхозного строя и проводимых Партией и Правительством мероприятий по колхозному строительству. Он заявлял мне, что «из колхозников высасывают все соки, а им дают на трудодни по 50–100 граммов хлеба». Он неоднократно злобно утверждал, что рабочие и крестьяне в СССР живут очень плохо, что рабочие получают низкую зарплату. Продуктами питания и промтоварами трудящиеся снабжаются у нас в стране очень плохо, что в нашей стране снабжают только столицы и некоторые крупные города, такие как Ленинград, а в остальных местах одни очереди и в магазинах нигде ничего нет...

Стройки коммунизма ведутся не потому, что они нужны нашему народу, а потому, что государство вынужденно их строить в связи с тем, что 15–20 % населения Советского Союза находятся в лагерях и этих людей нужно как-то использовать...

Павленко... обрушился со злобным клеветническим выпадом против одного из руководителей Партии и Правительства (так в протоколах допросов называли Сталина, поскольку существовал запрет на его упоминание в отрицательном контексте. – *Авт.*) и начал восхвалять Троцкого...⁶⁷⁹

Другое свидетельство гласило:

В кабинете Павленко собрались Клименко И. П., Курицын Г. В., Туркин С. И., Литвин С. И., Невинский И. В., Губский Ф. П. и я (Ю. Б. Константинов. – *Авт.*)... Курицын взял за веревку портрет (Сталина. – *Авт.*) и в присутствии всех собравшихся начал учинять различные издевательства над указанным портретом; таскать его за веревку по комнате, выражаясь при этом нецензурной бранью, а все присутствовавшие сопровождали это глумление громким смехом... Затем Курицын поставил портрет на письменный стол Павленко и начал кулаком стучать по портрету, сопровождая эти действия гнусными оскорблениями и выкриками по адресу одного из руководителей Партии и Советского государства (Сталина. – *Авт.*), изображенному на портрете. После этого Курицын ударил ногой в стекло портрета, разбил его, разорвал портрет и бросил...

Издеваясь над портретом, Курицын высказал террористические намерения в отношении одного из руководителей Партии и Правительства, изображенного на портрете⁶⁸⁰.

---

⁶⁷⁸ Там же. Л. 362.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 363–364. Из протокола допроса Константинова 13 февраля 1953 года.

⁶⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 364. Из протокола допроса Константинова 13 февраля 1953 года. Аналогичные показания дал 13 февраля также Клименко (Там же. Л. 346–347).

Член организации М. А. Завада якобы говорил:

В колхозах никто не работает, так как колхозникам хлеба не дают, а все собранное ими забирают для государства. Государство не заботится о колхозах и колхозниках. Вот в 1934 г. (правильно: в 1932–1933 гг. – *Авт.*) на Украине был неурожай, и тогда умерло украинцев больше, чем погибло людей за всю Отечественную войну. Умерло примерно около 10 миллионов человек. В 1943 г. снова был неурожай, а спасло Украину от голода только то, что в Западной Украине не было колхозов, и там украинские колхозники могли купить хлеб. Сейчас там тоже колхозы и тоже нет хлеба... Украина являлась полуколонией и сейчас является полуколонией России⁶⁸¹.

Показания были получены и против других членов организации:

В октябре 1952 г. ... Рудниченко резко в антисоветском духе сказал...: «До каких пор советский народ будет жить в нищете? 450 миллионов китайского народа кормим! Народ Кореи кормим и одеваем! Страны народной демократии живут на советской пшенице и сале! Всем помогаем и всем показываем, что мы богаты, а сами голодаем!?»⁶⁸²

Следующим шагом в направлении к основной цели – выявлению связей организации с иностранной разведкой – было подробное описание в материалах следствия позитивного отношения арестованных к западным странам, их пораженческих настроений в ожидании новой войны. Члены УВС регулярно слушали передачи западных радиостанций («Голос Америки» и Би-би-си), что само по себе было преступлением:

После прослушивания передач «Би-би-си» и «Голос Америки» систематически велись злобные антисоветские разговоры... Федоренко, помню, говорил: «„Голос Америки“ рассказывает правду, а Советское Правительство боится этой правды и дает указание заглушать передачи „Голос Америки“, чтобы не открыть глаза советскому народу»⁶⁸³.

Павленко всегда слушал по приемнику передачи «Би-би-си» и «Голос Америки». В разговорах со мной на эту тему он восхвалял условия жизни в Америке, утверждая, что там вовсе нет голодающих и безработных, а все, что передают по нашему радио об Америке – вранье. Он говорил, что какой-то его земляк выехал в Америку и живет там прекрасно. Подобные высказывания Павленко вел систематически...

Павленко все время мне и другим соучастникам высказывал свое пожелание о возникновении войны СССР с Америкой и ждал этого каждый день... В 1951 г. Павленко... поставил передо мной вопрос о необходимости создания продовольственных резервов для нашей организации, которые должны явиться как бы базой на случай войны. Он тогда заявил, что в 1952 г. неизбежно должна вспыхнуть война между СССР и Америкой, и поэтому нам нужны будут продовольственные резервы. Тогда же, в 1951 г. Павленко давал указания создать на всех строительных участках резервы горюче-смазочных материалов с тем, чтобы в случае войны можно было собрать всю технику и автотранспорт в одно определенное им место.

Павленко тогда не высказывал прямо своих соображений, что он намерен делать на случай войны, но для меня и других участников было совершенно

---

⁶⁸¹ Там же. Л. 370. Из протокола допроса Андриевского 13 марта 1953 года.

⁶⁸² Там же. Л. 365. Из протокола допроса Константинова 3 марта 1953 года.

⁶⁸³ Там же.

ясно, что защищать советскую власть Павленко и его соучастники не будут... Я лично уверен, что в лице Павленко и его организации в целом американо-английские империалисты нашли бы своего верного союзника, действующего в тылах Советской Армии⁶⁸⁴.

В продолжение этой линии в протоколах допросов были включены такие высказывания, якобы принадлежавшие Павленко, а возможно, действительно его:

Патриотов с каждым днем становится все меньше. Народ поумнел, а посему, кто и как будет воевать, вы не мерьте на свой аршин⁶⁸⁵.

...В 1949 г. и особенно в 1950–1951 гг. Павленко неоднократно говорил участникам возглавляемой им преступной организации о том, что война должна начаться. Как в личных беседах, так и на собраниях он говорил, что война может начаться в любой момент. Поэтому он объяснял, что всех участников организации он оставит в «УВС» и оформит призыв их через военкомат. Тем самым участники его организации избегают отправки на фронт. Эти разговоры он вел настолько часто, что даже меня убедил в том, что война вот-вот должна начаться⁶⁸⁶.

И. Д. Осадчий якобы говорил:

Если много дураков нашлось в Отечественной войне защищать Родину, то в будущей войне таких дураков не будет... Наша печать врет по поводу нищенского существования безработных в США⁶⁸⁷.

В общем, как говорилось в протоколе допроса М. Н. Федоренко:

Ставка была на войну против Советского Союза. В этом видели все главари и руководящее ядро спасение для «УВС» и его участников⁶⁸⁸.

Получив уже первые из таких признаний (непонятно, были они реальными или сфабрикованными), генпрокурор 18 февраля 1953 года поспешил доложить наверх, что отдельные участники организации Павленко «стали давать показания об антисоветском характере этой организации»⁶⁸⁹. К соответствующим кратким запискам, посланным по отдельности Сталину, Берии и Маленкову, были приложены протоколы допросов Константинова и Клименко от 13 февраля 1953 года⁶⁹⁰.

Однако на самом деле этого было явно недостаточно. Из полученных показаний следовало, что сам Павленко и его помощники осуждали советскую власть, говорили о тяжелом положении в стране, восхваляли США и ожидали скорой войны между СССР и США, в которой они, возможно, были готовы выступить на стороне врага. Руководители страны вряд ли были впечатлены этими «достижениями» следователей. Подобные дела об антисоветской агитации в огромном количестве фабриковались в недрах советских карательных органов, в том числе в период, когда действовала организация Павленко.

Так, в июле 1951 года надомница артели в Москве Е. Пестель получила срок за то, что слушала передачи радиостанций «Голос Америки» и Би-би-си у соседей и передавала их содер-

---

⁶⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 340–341. Из протокола допроса Константинова 13 февраля 1953 года.

⁶⁸⁵ Там же. Л. 364. Из протокола допроса Константинова 4 марта 1953 года.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 366–367. Из протокола допроса Клименко 13 февраля 1953 года.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 369. Из протокола допроса Андриевского.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 371.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 337, 348, 349.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 338–347.

жание своим знакомым⁶⁹¹. Дежурный по станции на Южно-Донецкой железной дороге А. Евтушенко также был осужден за систематическое прослушивание западных станций и распространение полученной информации. Евтушенко рассказывал сослуживцам, что Трумэн обвиняет руководителей Советского Союза в возникновении войны в Корее, а также заявлял, что «руководителей Советского правительства ждет участь Гитлера и Муссолини, и что сам русский народ поможет это сделать»⁶⁹².

Член партии с 1919 года, управляющий сбытовой конторой в Свердловске К. Македон был осужден в апреле 1951 года как автор «анонимного антисоветского документа на 17 листах», который послал в одно из центральных учреждений, будучи в служебной командировке в Москве. В этом заявлении, в частности, говорилось: «Дело в том, что у нас в стране идет колоссальная стройка, для этой стройки нужны люди. Вот и решило правительство садить почем зря людей, и в нашей стране сейчас сидит народу до 20 млн человек, буквально 90 % молодежи... Где же справедливость, где логика и революционная законность?.. Народ страдает, болеет в колхозах, гибнет и издыхает с голоду, а Вы сидите в Москве и говорите о коммунизме и кричите, что наш народ за советскую власть»⁶⁹³.

В конце 1952 года был осужден за антисоветскую агитацию к 10 годам заключения в лагерях инженер из Москвы В. Кузнецов. Его обвиняли в таких заявлениях: «Я – инженер, член КПСС, а пальто себе купить хорошее не могу... Дали бы мне паспорт, я уехал бы в Америку, так как в СССР больше жить нельзя, невозможно терпеть советские порядки»⁶⁹⁴. Такой же срок по той же статье в октябре 1952 года получил комбайнер из Северной Осетии, участник войны Е. Бабич. Его осудили за достаточно типичные пораженческие высказывания: «В Америке настоящая свобода слова, там все могут говорить и писать. А у нас, в СССР, настоящей свободы слова нет, она зажимается... Скоро война с Америкой и Америка нас победит, так как у нас никто за советскую власть воевать не будет, что колхозники что ли пойдут воевать. За что, если на трудодни ничего не получают»⁶⁹⁵. Такие примеры можно продолжать очень долго.

В общем, полученные в Главной военной прокуратуре показания членов УВС не выходили за рамки доказательств по рутинным делам об антисоветской агитации. Военные прокуроры не смогли получить самого главного: признаний в связях с зарубежными разведками и подготовке к активным террористическим действиям. Арестованные твердо отрицали, что наличие в организации охраны и оружия подразумевало планы вооруженных выступлений. Интенсивные допросы не принесли нужных результатов.

Как сообщалось в записке Главной военной прокуратуры от 23 марта 1953 года, «в настоящее время собрано достаточно доказательств, свидетельствующих о том, что возглавляемая Павленко преступная вооруженная организация является антисоветской. Что же касается целей этой организации, то следствию пока еще не удалось вскрыть действительные намерения Павленко и его организации, а также пока не удалось установить, была ли эта организация связана с иностранной разведкой или националистическим подпольем»⁶⁹⁶.

Прокуроры заявляли: «Арестованные нами участники организации „УВС“ показания об антисоветской деятельности дают весьма нежелательно и большинство из них упорно отрицают даже неоспоримые факты, обличающие их в антисоветской деятельности». Сам Павленко признавал только хищения государственных средств. «Антисоветскую деятельность своей организации в целом он отрицает»⁶⁹⁷.

---

⁶⁹¹ Там же. Оп. 31. Д. 28829. Л. 1–48.

⁶⁹² Там же. Д. 36126. Л. 1–51.

⁶⁹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30447. Л. 1–78.

⁶⁹⁴ Там же. Д. 43167. Л. 1–57.

⁶⁹⁵ Там же. Д. 41856. Л. 1–21.

⁶⁹⁶ Там же. Оп. 32. Д. 2283. Л. 375.

⁶⁹⁷ Там же. Л. 374–375.

Нежелание Павленко и его сотрудников признаваться в участии в антисоветской организации, что резко увеличивало риск расстрельного приговора, было понятно. Более необычна «беспомощность» следствия в достижении поставленных перед ним целей. Как известно, сталинские карательные органы без особого труда выполняли политические заказы по фабрикации дел о «террористических организациях», «шпионских центрах» и т. д. Для этого имелся широкий арсенал средств – провокации, фальшивые показания «свидетелей», пытки. Мы не знаем, какие из этих методов применялись к членам организации Павленко и применялись ли вообще.

В упомянутой справке Главной военной прокуратуры от 23 марта 1953 года говорилось, что в связи с отказом от дачи показаний об антисоветском характере организации «возникает необходимость в проведении ряда очных ставок с Павленко с тем, чтобы изобличить его во лжи, но сейчас это невозможно сделать, так как он продолжительно болеет в результате ослабления сердечной деятельности и по заключению врачей помещен в тюремную больницу»⁶⁹⁸. Вполне возможно, что у Павленко в тюремных условиях действительно обострились проблемы с сердцем. Нельзя исключать, однако, и другие причины госпитализации.

В любом случае время работало на арестованных. Последняя из известных записок генпрокурора Сталину по делу Павленко была датирована 18 февраля 1953 года. Через несколько недель обстановка в стране существенно изменилась. Прекращение «дела врачей», запрет пыток, первые реабилитации, арест Берии и других руководителей госбезопасности и т. д. были явными сигналами о прекращении всеобщей шпиономании и снижении интереса руководства страны к массовым антисоветским делам. Это позволило Павленко и его сотрудникам избавиться от наиболее одиозных обвинений в шпионаже. Вместе с тем ни следствие, ни последующий суд над руководителями УВС не отошли от линии политических обвинений полностью.

---

⁶⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 375.

Приговор руководителям

Определить точную численность осужденных по делу УВС, а также порядок работы соответствующих судов и трибуналов – задача, которую невозможно решить на основе доступных сейчас материалов. В одной из справок Главной военной прокуратуры говорилось, что на 20 марта 1953 года по делу было арестовано 72 участника организации и еще несколько не разысканы⁶⁹⁹. Как следует из обнаруженных документов, для вынесения приговора было организовано несколько судебных процессов. Помимо рассмотрения дела 17 руководителей организации во главе с Павленко военным трибуналом Московского военного округа в ноябре 1954 – апреле 1955 года, есть информация о еще двух судах.

В ноябре 1955 года тот же трибунал вынес приговоры 23 участникам организации, которые были признаны менее активными и значимыми, а в августе и сентябре 1956 года – пяти военным и гражданским служащим, имевшим, как считало следствие, особо тесные и корыстные отношения с Павленко. Таким образом, всего по этим трем процессам проходило 45 человек. Некоторые из арестованных по разным причинам смогли избежать суда. Другие осуждались индивидуально. Так, в справке прокуратуры говорилось, что часть следственных материалов на работников органов госбезопасности и милиции Украины, «снабжавших участников преступной организации оружием и паспортами и получавших от них взятки», была передана в МГБ⁷⁰⁰.

Что касается основного судебного процесса по делу руководства УВС, то о нем имеется подробная информация. Дело рассматривалось военным трибуналом Московского военного округа в Москве в закрытом заседании с 10 ноября 1954 по 4 апреля 1955 года. В состав трибунала входили председательствующий и два народных заседателя – все военные. Обвинение поддерживали два прокурора Главной военной прокуратуры. Защиту – 14 адвокатов Московской городской коллегии адвокатов. Участвовали в заседании также три судебно-бухгалтерских эксперта. На скамью подсудимых попали 17 человек: Н. М. Павленко, И. П. Клименко, Ю. Б. Константинов, С. И. Туркин, А. Г. Губский, С. И. Литвин, М. Н. Федоренко, И. Ф. Костюченко, И. В. Невинский, Л. Г. Рудниченко, Я. С. Максименко, В. С. Алабушев, Г. В. Курицын, Ф. П. Губский, И. М. Пашун, П. Н. Монастырский, В. С. Чеховский⁷⁰¹.

На суде самым подробным образом рассматривались все эпизоды деятельности УВС и ее наиболее активных членов, начиная с периода войны, когда организация под названием УВР-2 существовала в другом качестве. Особенно детальное внимание обращалось на последние четыре с половиной года работы Павленко и его сотрудников. Значительные усилия затрачивались на выявление договоров и порядка финансирования организации, ее официальных и коррупционных связей, случаев хищений, хулиганства и дебошей и т. д. Чтобы представить и оценить соответствующие материалы, опросить свидетелей, потребовались те полгода, в течение которых продолжался процесс.

Примечательной чертой суда и вынесенного на нем приговора можно считать окончательный отказ от обвинений в антисоветской агитации и создании вооруженной антисоветской группы. Прежде всего, на суде не получили развития попытки обвинить Павленко в создании вооруженной организации в повстанческих целях, сделанные на начальном этапе следствия. Наличие в составе УВС вооруженной группы объяснялось вполне объективно: «Созданная Павленко и его сообщниками вооруженная охрана из так называемых „солдат“ и „сержантов“

---

⁶⁹⁹ Там же. Л. 361.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 361–362.

⁷⁰¹ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44–45.

использовалась для маскировки всей преступной организации и предотвращения ее разоблачения»⁷⁰².

Характерный поворот получили на суде также попытки обвинить членов организации в антисоветской агитации и пропаганде, а Курицына, глумившегося над портретом Сталина, в подготовке террористического акта. Суд проходил в условиях начавшейся десталинизации репрессивной политики, что, несомненно, повлияло на действия всех сторон. Следователи уже не добивались от подсудимых любыми средствами безусловного подтверждения на суде показаний об антисоветских заявлениях и действиях, полученных на этапе следствия. Этот характерный для сталинского периода принцип теперь не работал или работал в смягченном виде.

Сами подсудимые, воспользовавшись этим, отказались на заседании трибунала от своих прежних показаний. Вполне в духе времени они заявили, что «на предварительном следствии оговорили себя и друг друга». Суд не отверг этот отказ. В результате, как отмечалось в приговоре, обвинение в том, что ряд подсудимых «проводили антисоветскую агитацию, пропаганду, клеветали на колхозный строй, слушали и распространяли иностранные радиопередачи „Голос Америки“ и „Би-Би-Си“ в судебном заседании не нашло подтверждения», поскольку было основано только на показаниях подсудимых, опровергнутых ими.

Невероятное превращение произошло также с многочисленными подробными показаниями о манипуляциях Курицына с портретом Сталина и его «террористических» высказываниях во время одной из коллективных вечеринок в 1952 году. Если бы обвиняемые подтвердили эти показания на суде, Курицыну мог грозить расстрел за терроризм. Однако на суде и по этому пункту произошел отказ от свидетельств, зафиксированных в протоколах допросов на стадии следствия. Подсудимые заявили: «Со стороны подсудимого Курицына они не видели случая, чтобы он допускал злобные антисоветские выпады и террористические намерения в адрес одного из руководителей Партии и Правительства, они и сам подсудимый не знают, кто был изображен на портрете, который Курицын перенес с окна на стол».

Правда, допрошенная на суде свидетель Г. Рудниченко показала, что ее брат, подсудимый Людвиг Рудниченко рассказывал ей «о глумлении Курицына над портретом одного из руководителей Партии и Правительства». Однако при проведении очной ставки в суде Людвиг Рудниченко «категорически опроверг эти показания своей сестры... и заявил, что он на совещании в городе Снятине не был и ничего своей сестре не рассказывал»⁷⁰³. Сам Курицын тоже утверждал, что «он террористических намерений не высказывал, а лишь перенес один портрет (кому принадлежит не знает) с окна на стол»⁷⁰⁴.

В соответствии с этим суд счел основную группу подсудимых оправданной по соответствующим статьям «за недоказанностью предъявленного обвинения»⁷⁰⁵. В конечном счете обвинения в антисоветской агитации были предъявлены одному только Павленко, против которого по этому пункту дали показания другие арестованные, в частности его знакомые хозяйственные руководители.

Подробно перечислив на десятках страниц нарушения подсудимыми законов в хозяйственной сфере, сделав детальные подсчеты сумм хищений государственного имущества, взысканности и т. д., суд в своем приговоре ограничился лишь краткой констатацией по антисоветской агитации:

Кроме того, являясь более 10 лет главарем преступных вооруженных организаций, подсудимый Павленко среди своего окружения неоднократно высказывал антисоветские измышления против мероприятий, проводимых

---

⁷⁰² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 55.

⁷⁰³ Там же. Л. 93 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 93 об. – 94.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 95 об.

коммунистической партией и Советским Правительством, противопоставлял условия жизни рабочих его преступной организации условиям жизни рабочих Советских промышленных предприятий и колхозов⁷⁰⁶.

Павленко пробовал протестовать и подавал заявления в Военную коллегия Верховного суда о своей невиновности в антисоветских высказываниях⁷⁰⁷. Впрочем, на самом деле это не имело большого значения. Вмененная в конечном счете Павленко и другим подсудимым статья была даже более суровой. Отказавшись в основном от обвинений в антисоветской пропаганде и агитации, суд сосредоточился на доказательстве тезиса о нанесении организацией Павленко крупного экономического ущерба государству в контрреволюционных целях.

Это статья 58-7 Уголовного кодекса, которая предусматривала санкции за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций». По этой статье предусматривалось наказание вплоть до расстрела.

Обосновывая положение о подрыве государственной экономики в контрреволюционных целях, суд признал большую часть подсудимых виновными «в организованном и массовом хищении государственных и кооперативных средств – денег, продовольствия, обмундирования, техники, строительных материалов и другого имущества, исчисляемого в миллионах рублей; в нанесении существенного вреда государственному бюджету СССР путем изъятия из него и передачи в бесконтрольное использование преступных лиц более 25 миллионов рублей наличными с присвоением миллионных сумм удержаний из заработной платы рабочих по государственным налогам; в систематическом разложении отдельных звеньев государственного аппарата путем подкупа большого числа должностных лиц с целью использования этих учреждений в интересах преступной организации» и т. д.⁷⁰⁸

Главной целью суда было доказать значительность ущерба, нанесенного государству, и сумм, присвоенных подсудимыми. Указав, что бухгалтерская документация организации в значительной части уничтожена, суд опирался на общие подсчеты, сделанные по показаниям подсудимых, свидетелей и экспертизы. В число похищенных были включены не выплаченные государству отчисления от налогов, завышение расценок и объемов работ, присвоение денег «путем различных мошеннических сделок», кража автотранспорта и другой техники хозяйственных организаций и т. д. Всего за 10 лет существования УВР-2 и УВС, согласно приговору, было похищено государственного и кооперативного имущества более чем на 9 млн руб., «без учета дополнительного большого количества ценностей, стоимость которых не представляется выразить в цифровых суммах»⁷⁰⁹.

Особенно неудобным для суда было то, что организация Павленко в основном выполняла свои обязательства и строила реальные дороги в срок по легальным договорам с государственными организациями и по официальным расценкам. Фактически в материалах суда этот вопрос замалчивался. Никакие показатели результатов экономической деятельности УВС, кроме полученных ею выплат, не приводились.

Как отмечал после завершения суда Павленко, «в обвинительном заключении и приговоре трибунала 50 % составляет перечень организаций, с которыми были заключены дого-

---

⁷⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 73 об.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 11, 42 об.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 89 об.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 73–73 об.

воры на постройку дорог, также были перечислены филиалы госбанка, в которых открыты текущие счета, и подробное описание фактов-обстоятельств, т. е. какие документы представлялись и заполнялись во время открытия счета, кем и когда получены суммы наличных денег. Эти факты 1,5–2 месяца очень детально рассмотрены во время судебного разбирательства, а основной вопрос не обсуждался, правильно ли были заключены договоры, правильно ли были произведены работы по постройке дорог и их финансирование... правильно ли происходила оплата работ и действительно ли были построены дороги...»⁷¹⁰.

Павленко настаивал, что приведенные в приговоре данные о нанесении ущерба государству не соответствуют действительности. Он обращал внимание на то, что по делу не проводилась должная судебно-техническая экспертиза. Во время суда он заявлял ходатайства о проведении такой экспертизы, которая позволила бы не просто зафиксировать факт получения денег, но проанализировать обоснованность выплат в соответствии с заключенными договорами. Председательствующий трибунала, по словам Павленко, заявил, «что никаких документов от предприятий, для которых произведены постройки дорог УВС... запрашиваться и приобщаться не будут»⁷¹¹.

Дискредитируя саму возможность внимания к позитивным сторонам деятельности организации, суд использовал тезис о паразитическом характере ее верхушки, не имевшей якобы отношения к производственной деятельности строек, а занимавшейся только хищениями и махинациями. «Так называемая производственная деятельность „УВС“ по строительству дорог являлась по существу ширмой, прикрывавшей тяжкую преступную деятельность подсудимого Павленко и его соучастников. Выполнение работ осуществлялось рабочими-специалистами с использованием материальной базы – техники государственных предприятий, полученной обманным путем, либо похищенной подсудимыми», – говорилось в приговоре⁷¹².

Подсудимые, и больше всего Павленко, категорически отрицали такие оценки. В своих заявлениях и ходатайствах о помиловании он признавал факт создания лжевоенных строительных организаций (что отрицать было бы глупо), но доказывал, что они не преследовали контрреволюционных целей. Эта борьба за переквалификацию обвинений с политической статьи о подрыве государственной экономики в статью об обычных экономических преступлениях имела очевидный смысл. В этом случае можно было надеяться на относительно мягкий приговор, который в конце концов получили двое подсудимых – П. Н. Монастырский и Я. С. Максименко. Суд признал, что они не были осведомлены о подлинном «антигосударственном» характере организации, хотя совершали в ее составе преступления. В связи с этим их осудили по указу 1947 года за хищения государственного имущества, по статьям о даче взяток и хранении оружия, т. е. по обычным, не политическим статьям. В результате каждый из них получил по пять лет заключения в лагерях⁷¹³.

В случае с остальными подсудимыми суд был непреклонен. Он не собирался вникать в тонкости экономической теневой деятельности, поскольку сама она полностью противоречила основам советской плановой системы и идеологии. Следствие и суд по делу Павленко и его организации демонстрировали отношение государства к частному предпринимательству, которое в СССР было криминализировано. Теневая хозяйственная активность трактовалась не просто как экономические нарушения, подрывающие плановую централизацию, но как политически мотивированная антигосударственная деятельность. Советское государство отказывалось признавать, что плановая экономика была недостаточно эффективной, а частная инициатива заполняла те ниши, разрывы хозяйственных связей и дефицит, которые были не случайным,

---

⁷¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 39.

⁷¹¹ Там же. Л. 33.

⁷¹² Там же. Л. 92 об. – 93.

⁷¹³ Там же. Л. 90, 90 об., 95, 95 об.

а закономерным результатом централизации. Социализм был выше подозрений. Все, что ему противоречило, могло быть только делом рук врагов.

Результат такого подхода в полной мере сказался на судьбе подсудимых по делу УВС. Руководитель организации Н. Павленко был приговорен к расстрелу. Остальные ее участники, выслушавшие приговор 4 апреля 1955 года, получили длительные сроки заключения⁷¹⁴. Г. В. Курицын – 25 лет, И. П. Клименко – 20 лет, С. И. Туркин – 18 лет, С. И. Литвин, Ф. П. Губский и И. М. Пашун – по 12 лет, И. Ф. Костюченко, Г. В. Невинский, М. Н. Федоренко и Л. Г. Рудниченко – по 10 лет, В. С. Алабушев и В. С. Чеховский – по 8 лет. Ю. Б. Константинов был осужден на 15 лет, что можно считать сравнительно щадящим сроком, учитывая его значительную роль в организации. Возможно, суд принял во внимание активное сотрудничество Константинова со следствием, о котором неоднократно говорилось выше.

Не приняв во внимание положительные экономические результаты деятельности УВС как смягчающее обстоятельство, военный трибунал так же поступил и с реальными военными заслугами ряда подсудимых. Основной акцент в приговоре был сделан на подлоге при получении значительной части орденов и медалей. По решению трибунала у осужденных были изъяты ордена и медали, полученные по подложным справкам без наличия приказа о награждении. Одновременно в соответствии с законом⁷¹⁵ трибунал вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о лишении 10 подсудимых орденов и медалей, выданных с соблюдением необходимых формальностей.

Речь шла не только о тех наградах, которые были получены на основании приказов по 4-й Воздушной армии по наградным листам, подписанным Цыплаковым и Павленко на завершающем этапе войны. Орденов и медалей лишились также осужденные, которые не имели никакого отношения к организации Павленко во время войны и получили свои награды совершенно заслуженно. Это касалось Алабушева (орден Славы III степени), А. Губского (медаль «За отвагу»), Литвина (две медали «За отвагу»), Рудниченко (медаль «За отвагу»), Чеховского (две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды)⁷¹⁶. Через год после вынесения приговора, 4 апреля 1956 года, Президиум Верховного Совета СССР полностью удовлетворил представление военного трибунала и лишил орденов и медалей 10 членов УВС, «осужденных за совершение тяжких преступлений»⁷¹⁷.

Дальнейшую судьбу осужденных к заключению руководителей УВС проследить не удастся. Остались ли принятые в их отношении приговоры в силе или были оспорены и каким-либо образом изменены, мы пока не знаем. Очевидна лишь судьба Павленко. 6 августа 1955 года Президиум Верховного Совета СССР отклонил его последнее ходатайство о помиловании. Постановление подписал тогдашний председатель Президиума К. Е. Ворошилов, с жалобы в адрес которого в конце 1952 года начался разгром организации⁷¹⁸. Документы о приведении приговора в исполнение найти не удалось. Однако в одном из документов прокуратуры в январе 1957 года Павленко был назван расстрелянным⁷¹⁹.

---

⁷¹⁴ Там же. Л. 94–95.

⁷¹⁵ Действующее «Общее положение об орденах Союза ССР» предусматривало, что «награжденные орденом Союза ССР могут быть лишены ордена лишь Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР. Основанием для лишения ордена могут служить судебный приговор или совершение награжденным порочащих его поступков». Положение было утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 года (СЗ СССР. 1936. № 24. Ст. 220а, 220б).

⁷¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 95 об. – 96; Оп. 107. Д. 281. Л. 91–92.

⁷¹⁷ Там же. Оп. 107. Д. 281. Л. 1.

⁷¹⁸ Там же. Оп. 89. Д. 8176. Л. 1.

⁷¹⁹ Там же. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 18001. Л. 6.

Дополнительные трибуналы

Осуждением руководителей УВС дело не закончилось. В сентябре – ноябре 1955 года перед военным трибуналом Московского военного округа предстали еще 23 участника организации. Следствие и суд над ними затянулись еще дольше, чем по основному делу. Приговор был вынесен только 12 ноября 1955 года. Это дало основание председателю Верховного суда СССР А. А. Волину заявить, что дело приобрело «волокитный характер». Оно рассматривалось 53 дня, насчитывало 98 томов. В трибунал были вызваны 116 свидетелей⁷²⁰. Однако все эти усилия вызвали спорный результат. Приговор был опротестован, благодаря чему мы получили документы, позволяющие исследовать этот эпизод завершающего этапа истории корпорации Павленко⁷²¹.

Подсудимые на осеннем процессе 1955 года, как считало следствие и суд, были относительно второстепенными, менее активными членами организации. Однако на самом деле в их числе были люди, которые упоминались во многих документах как помощники Павленко, выполнявшие немаловажные функции. Часть из них начали сотрудничать с Павленко еще во время войны, другие присоединились к УВС в разное время ее существования. М. А. Завада, работавший с Павленко до войны, с 1943 года присоединился к УВР-2 в роли начальника участка, а затем начальника «штаба». К УВС он присоединился за полтора года до разгрома, считался главным инженером и помогал открывать счета и получать деньги.

Земляк Павленко В. В. Ермоленко прошел с ним путь с начала 1942 года до ноября 1952 года. Он выполнял функции десятника, начальника участка. Еще один земляк Павленко В. С. Полуэктов начал карьеру в УВС рабочим, а затем выдвинулся в финансовую часть. Водитель И. И. Щеголев, который предоставил в распоряжение Павленко автомобиль в начале 1942 года, продолжил с ним сотрудничество в УВС. Водитель М. Н. Смирнов, несмотря на конфликты с Павленко по поводу денег, с 1944 года, когда он присоединился к команде, до ее разгрома в 1952 году выполнял важные поручения как механик, разными способами приобретал технику, запчасти, горюче-смазочные материалы и т. д.

Основная часть фигурантов (а возможно, все) на этом втором процессе были осуждены за хищения государственной собственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и закона от 7 августа 1932 года, по которому еще в молодости привлекался к ответственности и сам Павленко⁷²². Первоначальные меры наказания, предусмотренные трибуналом, были суровыми – значительные сроки заключения в лагеря.

Однако изменение общей политической ситуации в стране работало в пользу подсудимых. Трибунал решил применить к десяти из них положения указа от 27 марта 1953 года об амнистии. В результате сроки осуждения были сокращены вдвое: Заваде – до шести лет, Ермоленко и Полуэктову – до пяти лет, Щеголеву – до четырех лет и т. д. Бывший водитель УВС Смирнов, срок которому сначала был определен в пять лет, после применения указа об амнистии был вообще освобожден от наказания со снятием судимости.

Земляк Павленко шофер Н. А. Михайленко, которому в период присоединения к организации исполнилось чуть больше 20 лет, был оправдан. Трибунал счел, что будучи вовлечен в УВС «обманным путем», и «по молодости и в силу низкого развития он не смог разобраться

---

⁷²⁰ Там же. Д. 16701. Л. 14.

⁷²¹ Там же. Л. 1–28.

⁷²² См. главу 1.

в преступном характере организации». Кроме того, личное участие Михайленко в хищениях государственного и общественного имущества не было установлено⁷²³.

Такие послабления трибунала не устроили военных прокуроров, которые подали в Верховный суд кассационный протест. Военная коллегия Верховного суда согласилась с прокуратурой. Ее определением в июне 1956 года приговор трибунала в части снижения сроков заключения был отменен, поскольку амнистия не применялась к осужденным за крупные хищения. В отношении Смирнова и Михайленко приговоры отменили в связи с их немотивированной мягкостью.

Однако в декабре 1956 года пленум Верховного суда СССР по протесту председателя Верховного суда отменил это решение Военной коллегии. Постановление пленума было примечательно своей неопределенностью. Он признал, что Военная коллегия была права, указывая на необоснованность применения амнистии к Заваде и еще девяти осужденным, благодаря чему их сроки заключения были сокращены вдвое. Пленум согласился также, что Смирнову суд назначил слишком мягкое наказание, причем без обоснования этого решения. Несмотря на это, пленум принял решение отменить определение Военной коллегии.

Аргументы председателя Верховного суда, поддержанного пленумом этой инстанции, были следующими. Конечно, к Заваде и другим осужденным нельзя было применять положения мартовского указа 1953 года об амнистии. Однако, с другой стороны, назначенные им половинные сроки заключения тоже были немалыми: «Эти лица понесли реальное наказание в виде лишения свободы». «Следует также принять во внимание, что по данному делу, – говорилось далее в решении пленума Верховного суда, – привлекались к уголовной ответственности не организаторы и главные участники преступной организации. Они понесли суровое наказание по другому делу. В том числе Павленко осужден к ВМН, а его ближайшие соучастники заключены в ИТЛ на сроки 15–25 лет»⁷²⁴. Из этих положений следовало, что пленум Верховного суда был скорее склонен поддержать новый, но сравнительно умеренный приговор в отношении этой группы осужденных.

Что касается Смирнова, то по его поводу пленум высказался однозначно в пользу отмены мягкого приговора. Однако решение Военной коллегии, отменившей оправдание Михайленко, пленум не поддержал. В решении пленума было указано, что «сама [Военная] коллегия в своем определении признала, что „в материалах дела нет достаточных данных, свидетельствующих о том, что Михайленко знал о фиктивности организаций „УВР“ и „УВС“, а остальные предъявляемые ему обвинения подпадают под амнистию. «Кроме того, следует принять во внимание, что Михайленко до судебного заседания более двух лет содержался по данному делу в тюрьме»⁷²⁵.

Таким образом, пленум Верховного суда рекомендовал принять компромиссное решение. Основную группу осужденных, приговоры которых вызвали споры, – наказать, но не столь жестко, как требовали прокуратура и Военная коллегия. Михайленко – все же освободить от наказания, пусть не оправдав его, а помиловав по амнистии. Принять новые решения можно было двумя способами: в повторном судебном разбирательстве или путем нового кассационного рассмотрения в той же Военной коллегии, но в ином составе судей.

Пленум высказался за второй, менее затратный вариант. Причем отказ рассматривать дело второй раз в суде был подробно мотивирован. Рассматриваемые преступления, указал пленум Верховного суда, имели «большую давность». Дело и при его первом рассмотрении в трибунале было «громоздким» и «волокидным». Повторный вызов более сотни свидетелей и «большого количества других осужденных, освобожденных из-под стражи и неизвестно где

---

⁷²³ ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 16701. Л. 13.

⁷²⁴ Там же. Л. 27.

⁷²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 16701. Л. 28.

находящихся в настоящее время», был связан с большими трудностями. Все это влекло «значительные расходы государственных средств»⁷²⁶.

Как конкретно было реализовано это постановление пленума Верховного суда, установить не удалось. Скорее всего, указания об относительно мягких наказаниях не могли быть полностью проигнорированы новым составом судей Военной коллегии. Мы не знаем также, какие приговоры получили другие 11 подсудимых, в отношении которых протест прокурорами не вносился. Судя по приведенной выше фразе в решении пленума Верховного суда о наличии «большого количества» освобожденных осужденных, судьба по крайней мере части этой группы могла сложиться сравнительно благополучно. Их могли амнистировать или освободить в связи с длительным сроком нахождения в предварительном заключении. В итоге участники организации Павленко, которых следствие и суд считали рядовыми, были наказаны куда менее сурово, чем руководители. Свою роль в этом сыграли и меньшая, по мнению трибунала, тяжесть преступлений, и менявшийся общий политический фон.

Набравшая обороты десталинизация, несомненно, влияла и на исход третьего судебного процесса по делу УВС. Он проходил с 10 августа по 10 сентября 1956 года, в период, отмеченный непосредственным воздействием «либеральных» решений XX съезда партии. Все тот же военный трибунал Московского военного округа рассмотрел дело пяти чиновников, обвиненных в особо тесных контактах с Павленко: управляющего трестами «Львовуголь» и «Калугашахтострой» А. А. Датуашвили, главного бухгалтера треста «Львовуголь» В. П. Козлова, управляющего Белорусской республиканской конторой Промбанка М. В. Андриевского, начальника Золочевского шахтоуправления, а затем начальника строительства треста «Львовуголь» во Владимире-Волынском И. И. Кириченко, а также В. М. Цыплакова, начальника аэродромного отдела 12 РАБ во время войны, служившего после войны в Прикарпатском военном округе⁷²⁷.

Имеющиеся документы позволяют узнать некоторые подробности только об осуждении Датуашвили, который подавал кассационную жалобу на свой приговор. Первоначально он был осужден к шести годам лишения свободы по сравнительно мягким статьям о злоупотреблении властью или служебным положением, а также получении должностным лицом взятки. Поскольку эти статьи подпадали под действие указа от 27 марта 1953 года об амнистии, Датуашвили освободили от отбытия наказания со снятием судимости.

Трибунал признал Датуашвили виновным в том, что в должности управляющего трестом «Львовуголь» в 1948 году он вступил с Павленко «в приятельские отношения» и, «руководствуясь корыстными соображениями, оказывал этой организации существенное содействие, в частности в заключении подрядных договоров». Ему вменялась также в вину незаконная передача УВС автомобилей и экскаватора. Трибунал утверждал, что Датуашвили получил за эти услуги до 12 тыс. руб. в виде взяток и различные подарки⁷²⁸. Как видно, сумма взяток была снижена в несколько раз по сравнению с цифрами, включенными в приговор первого трибунала по делу Павленко и его ближайших соратников⁷²⁹.

---

⁷²⁶ Там же. Л. 27.

⁷²⁷ Там же. Д. 18001. Л. 1–11.

⁷²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 18001. Л. 1–2.

⁷²⁹ См. главу 4.

Копия.

СТЕНОГРАММА.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1952 г., ноября 26 дня

гор. Кишинёв

Старший помощник главного военного прокурора Советской Армии – полковник юстиции КУЛЬЧИЦКИЙ с соблюдением ст.ст. 160-165 УПК УССР допросил арестованного

ПАВЛЕНКО Николай Максимовича, 1908 года рождения по документам (1912г. рождения по заявлению Павленко), уроженец села Новые Соколы, Ивановского района, Киевской области, украинец, отец имел 20 гектаров земли, а братья имели паровую мельницу, беспартийный,; в 1935 г. арестовывался прокуратурой Ефремовского района, Московской области по Закону от 7 августа 1932г., но в последующем дело было прекращено и из-под стражи освобожден. В начале 1948г. привлекался к уголовной ответственности Калининской областной прокуратурой, но скрылся из гор. Калинина. Образование – незаконченное высшее, окончил 2 курса Минского политехнического института. Со слов служил в Советской Армии с 27 июня 1941г. по 1945г. Имел награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны 2 степени, награжден приказом командующего 4 воздушной армии в 1945 г.; ордена и орденские документы якобы находятся в г. Харькове, где проживает жена и двое детей. Сам проживал на нелегальном положении, носил военную форму инженер-полковника Советской Армии и возглавлял созданную им фиктивную организацию под названием "Управление военного строительства № I и IO", действовавшую от имени Военного Министерства СССР. Арестован 23.XI.1952г.

Допрос начат в 21 ч.30 м.

ВОПРОС: Где вы находились с 1941 по 1945г.?

ОТВЕТ: Накануне войны я работал председателем артели

Ил. 9. Протокол допроса Н. М. Павленко в Кишиневе, длившегося с 21 часа 30 минут 26 ноября до 6 часов утра 27 ноября 1952 года (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283. Л. 151).

Допросы руководителей и рядовых участников УВС являются важным источником для изучения деятельности этой организации, хотя, как и все документы такого рода, должны использоваться с поправкой на возможные искажения (см. главы 7, 8)

Несмотря на относительно благоприятный приговор и освобождение из-под стражи, Датуашвили и его адвокат, рассчитывая, несомненно, на новые политические веяния, подали кассационные жалобы. Их рассмотрела Военная коллегия Верховного суда СССР в январе 1957 года. Она отменила приговор и прекратила дело по статье о должностных преступлениях за отсутствием состава преступления, а по статье о взяточничестве – за недоказанностью.

Аргументы Военной коллегии были следующими. Обвинения Датуашвили в передаче УВС техники необоснованны, поскольку такая передача предусматривалась условиями договоров. Датуашвили принимал меры для возвращения техники, но не успел довести это дело до конца, поскольку был переведен на другую работу. Что касается взяток, то показания расстрелянного к тому времени Павленко «ввиду их противоречивости не могут быть признаны бесспорным доказательством». Другие фигуранты – Константинов, Клименко, Федоренко, свидетельствующие о взятках Датуашвили, в последнем судебном заседании от своих предыдущих показаний отказались⁷³⁰.

Такой поворот дела, как можно было ожидать, совершенно не устраивал прокурорских работников. В протесте прокуратуры в адрес пленума Верховного суда СССР приводились аргументы против решения Военной коллегии. Прокуроры доказывали, что Датуашвили нарушил закон, передав технику организации Павленко не во временное пользование, как предусматривалось договорами, а в «постоянное бесконтрольное пользование» («на баланс»). Столь же ошибочными прокуроры считали утверждения Военной коллегии, что Датуашвили не смог проконтролировать возвращение техники в силу объективных обстоятельств. Опираясь на ряд документов, прокуроры настаивали, что это не соответствует действительности. Отвергли они и решение о недоказанности получения взяток.

Прокуратура ссылалась на неоднократные свидетельства Павленко о платежах Датуашвили. Противоречия же в показаниях о конкретных суммах взяток, «если учесть, что отношения между Павленко и Датуашвили продолжались около четырех лет, и что Павленко давал взятки очень большому кругу лиц... понятны и объяснимы»⁷³¹. У Павленко не было оснований клеветать на Датуашвили, поскольку между ними «существовали исключительно близкие, приятельские отношения». Равным образом не следует принимать в расчет отказ Константинова, Клименко и Федоренко подтвердить на суде свои прежние показания о взятках Датуашвили. Они «откровенно старались выгородить Датуашвили» и «не смогли убедительно объяснить причины отказа от показаний»⁷³².

Пленум Верховного суда СССР от 11 апреля 1957 года, на котором рассматривался этот протест, целиком согласился с прокуратурой. Определение Военной коллегии было отменено. Дело передали на новое рассмотрение в ту же Военную коллегия, но в ином составе судей⁷³³.

Сведений об окончательном приговоре Датуашвили обнаружить не удалось. Очевидно, однако, что он не мог быть более жестким, чем уже состоявшийся приговор военного трибунала об освобождении от отбытия наказания и снятии судимости. Скорее всего, не очень строго были наказаны и четыре подельника Датуашвили, в отношении которых протест не вносился. Правда, все они с конца 1952 года до момента вынесения приговора могли провести в тюрьме до четырех лет.

---

⁷³⁰ ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 18001. Л. 4–7.

⁷³¹ ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1а. Д. 18001. Л. 5.

⁷³² Там же. Л. 6.

⁷³³ Там же. Л. 8–11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое разбирательство дела организации Павленко, перейдя из сталинской в послесталинскую эпоху, все-таки завершилось. Об этой истории, несмотря на ее примечательность и масштабы, не писали газеты. Однако скрытое рано или поздно становится известным. В последние десятилетия публицисты и историки, получив доступ к некоторым документам, рассказали о Павленко и его организации. Авантюрная история для многих была интересна сама по себе, в ее ярких и неожиданных деталях и поворотах детективного сюжета.

Однако, как и другие случаи экономической преступности в СССР, дело Павленко неизбежно вызывает более глубокие и значимые вопросы, прежде всего о сути системы, которой оно было порождено. Два из таких вопросов возглавляют список. Как оценить деятельность организации Павленко, не впадая в легкие объяснения об антисоветизме, предложенные советской юстицией? Насколько типичным было предприятие Павленко, в какой мере оно отражало реальные и значимые черты советской действительности?

Аргументы Павленко

Свой ответ на первый вопрос пытался дать сам Павленко в своих заявлениях и ходатайствах. Суть его позиции отражало заключительное заявление на суде: «Мы не вели антисоветской деятельности, мы просто строили, как умели, а умели строить мы хорошо... Я совершил много преступлений, но никогда не имел ничего против советского государства и не ставил своей целью подрыв его экономической мощи. Мы не изымали государственных средств из банка, а получали законные деньги за выполненные работы»⁷³⁴. Иначе говоря, функционально УВС было обычным предприятием, получавшим прибыль от своей производственной деятельности. Только невозможность его легализации в рамках советской системы порождала уродливые формы существования в теневом секторе экономики.

Трудно не признать, что эти аргументы Павленко были ничем не хуже аргументов государства, которые выдвигали его представители во время следствия и суда. Нет никаких оснований отметить их с порога. Для лучшего понимания сути дела, как всегда, необходимо выслушать обе стороны. Тем более что сам Павленко стремился быть услышанным и до конца, спасая жизнь, отчаянно боролся за свою правду.

В соответствии с установленной процедурой у Павленко была возможность обжаловать приговор к расстрелу, чем он и воспользовался. Первое заявление о помиловании Павленко написал на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова 7 апреля 1955 года, через три дня после вынесения приговора, еще не имея на руках его текста. Прошение представляло собой достаточно пространный документ – 12 страниц подробных объяснений, написанных чернилами крупным разборчивым почерком.

Павленко пытался сопротивляться и настаивал на необоснованности политических обвинений в подрыве экономической мощи государства, хотя и признавал совершенные хищения. Присутствовал в прошении необходимый в таких случаях мотив раскаяния. «Мне 43 года, т. к. рождения 1912 года. До Отечественной войны я ни разу не был под судом и во время Отечественной войны сбился с правильного пути и не понимал существа лжестроительных организаций. У меня двое детей: пяти и двадцати лет, я не пьяница. Прошу сохранить мне жизнь и дать возможность искупить свою вину исправительно-трудовыми лагерями», – писал Павленко⁷³⁵.

Через месяц, 6 мая, все еще не имея текста приговора, Павленко написал второе заявление, приведя новые подробности по отдельным пунктам обвинения. Очевидно, что пока он опровергал тот вариант приговора, который был зачитан на суде⁷³⁶. Только 21 мая Павленко получил на руки короткую выписку из приговора с изложением мер наказания, назначенного каждому из подсудимых.

23 мая Павленко написал новое заявление, где просил предоставить весь приговор целиком. Воспользовавшись случаем, он вновь повторил свои аргументы по поводу необоснованности квалификации преступлений участников организации⁷³⁷. Наконец 27 мая приговор был целиком. В связи с этим Павленко 30 мая написал подробное ходатайство о помиловании, в котором в очередной раз изложил свои доводы и оспорил ряд обвинительных положений приговора⁷³⁸.

---

⁷³⁴ Информационная справка о деле Павленко на сайте Московского окружного военного суда, составленная по архивным материалам суда (http://voen-sud.ru/about/delo_pavlenko.php (дата обращения 31.01.2017)).

⁷³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 14–15.

⁷³⁶ Там же. Л. 26–28 об.

⁷³⁷ Там же. Л. 29–30 об.

⁷³⁸ Там же. Л. 31–38.

Павленко боролся за свою жизнь, выбрав наступательную тактику. Он не просто просил о снисхождении, но требовал правосудия. Его последнее заявление заканчивалось не обычной просьбой о снисхождении, а обвинениями в адрес следствия: «...Прошу дать указания о пересмотре нашего дела, и я убежден, что правду следственному органу и трибуналу не удастся скрыть. Если бы Вы знали, как велось следствие и что из себя представляют лица, которые представлены как контрреволюционеры, тогда бы не только стоял вопрос о пересмотре нашего дела, а кто и почему так вели»⁷³⁹.

Как и следовало ожидать, заявления Павленко не возымели никакого действия. Его судьба была решена. В соответствии с процедурой ходатайство о помиловании рассматривалось в Верховном суде СССР. 18 июля 1955 года председатель Верховного суда подписал письмо в адрес Ворошилова, в котором в очередной раз давалась характеристика дела и личности Павленко. Фактически это было короткое резюме приговора. Подобным же образом 23 июля был составлен отзыв прокуратуры на заявление Павленко⁷⁴⁰. Из этих документов следовало, что вопрос был предreshен заранее.

Вместе с тем последние заявления Павленко, написанные в связи с расстрельным приговором, содержат разбор сути дела с точки зрения своеобразного адвоката теневой экономики. Отвергая обвинения в контрреволюционной деятельности и в нанесении экономического ущерба государству, стоившие ему жизни, Павленко на примере своей организации ставил вопрос, имевший принципиальное значение для оценки деятельности значительной части теневых предприятий.

Да, созданная Павленко организация была фиктивной, она прикрывалась ложными документами и не имела легального статуса. Но при этом в основной своей деятельности она придерживалась советских законов: заключала легальные договоры с государственными учреждениями и предприятиями, производила для них реальные работы и получала оплату в соответствии с объемом выполненных работ, что подтверждалось легальными проверочными актами. «Ведь главное заключается не в том, сколько нами получено наличными, а главное, мне кажется, заключается в том, как и какие средства, т. е. за что поступали к нам на текущие счета...» — доказывал Павленко⁷⁴¹.

Заработанные средства проводились через государственную банковскую систему. Счета в банках открывались на основании фальшивых документов, но в соответствии с существующими правилами. Суд пытался представить каждый случай открытия счета (а их было более двух десятков) и получение наличных как преступное деяние, возможное либо в силу подкупа, либо при отсутствии бдительности со стороны банковских работников. Павленко доказывал, что само по себе открытие счетов было вполне легальным. Оно происходило на основании инструкций Министерства финансов и правления Госбанка по поводу счетов воинских учреждений⁷⁴². Таким образом, организация использовала пробелы имеющегося порядка движения финансов, но не нарушала сам по себе порядок.

Категорически оспаривал Павленко стремление суда представить руководителей и администраторов организации преступниками, которые паразитировали на труде рабочих, а сами расхищали полученные средства и вели разгульный образ жизни. Главный упор Павленко переносил на экономические результаты деятельности организации. Он указывал, что в интересах государства и во время войны, и после нее было построено много значимых объектов — автомобильных и железных дорог. Положительные экономические достижения организации были напрямую связаны с усилиями ее руководства и управленцев. Павленко писал:

---

⁷³⁹ Там же. Л. 42 об.

⁷⁴⁰ Там же. Л. 2–11, 98–105.

⁷⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 32.

⁷⁴² Там же. Л. 12, 37.

Все обвиняемые работали, выполняя разные должности, как-то: прорабов, начальников стройучастков-площадок, десятников, работников бухгалтерии, автомехаников, шоферов и пр. Они работали, не считаясь с трудностями, не щадя сил, благодаря чему не менее пятнадцати предприятиям было построено автодорог и автоподъездов в 90 километров и двенадцати предприятиям железнодорожные ветки нормальной колеи, которые были первоочередными и жизненно важными для предприятий и строек министерств угольной, нефтяной, стройматериалов и тяжелого машиностроения, а также других ведомств. Постройка дорог происходила в сроки и удовлетворительного качества... Несмотря на это, обвинение и трибунал во время судебного разбирательства резюмировал, что строили рабочие, а не вы, и вашего полезного труда нет. Такое толкование и понятие непонятно и приводило к заключению, что это является безмотивным и делается для того чтоб извратить сущность⁷⁴³.

...Неужели для обвинителя и состава суда не было известно, что ни одно маленькое или большое строительство не обходится без производственно-технического, счетного и снабженческого персонала...⁷⁴⁴

...Построено примерно 90 км автодорог и 20 км железнодорожных веток и других сооружений⁷⁴⁵.

Суд рассматривал все ресурсы, находящиеся в распоряжении организации, как похищенные. Но было ли это так? Ко времени ликвидации УВС, указывал Павленко, в целости и неприкосновенности сохранялось значительное имущество – 2 автомастерских с гаражами, более 25 лошадей, 5–6 легковых автомашин, бензовозы, агрегаты, стройматериалы, инструмент, спецодежда и прочее общей стоимостью более 800 тыс. руб.⁷⁴⁶ Павленко отказывался считать эти материальные ценности похищенными у государства: «Я еще раз утверждаю, что благодаря тому, что я относился к работе, имуществу и денежным средствам, как и в обычной организации, за исключением некоторых случаев хищения, стало возможным провести большое количество дорог более чем 25 предприятиям, благодаря чему была достигнута экономия средств на транспортных расходах по вывозу и ввозу угля, а также стройматериалов»⁷⁴⁷.

Павленко настаивал, что суммы, вменяемые ему и его сотрудникам как похищенные, на самом деле были оплатой их труда (зарплата, командировочные и пр.) и только отчасти были похищены. Из 25 млн руб., утверждал он, можно считать похищенными 1,5–2 млн. Остальные ушли на оплату труда, другие выплаты, приобретение лошадей, легковых машин и другого имущества для организации⁷⁴⁸. Павленко, видимо, справедливо утверждал, что не преследовал цель голой наживы («не ставил задачу хищения крупных сумм и быть туеядцем»⁷⁴⁹), что его нелегальные доходы заключались в завышенной зарплате и именно поэтому у арестованных не нашли ценностей и денег.

В общем, в описании Павленко его корпорация представляла обычным капиталистическим предприятием, мимикрировавшим под социалистическое. В своей работе корпорация опиралась на хозяйственную самостоятельность и получение прибыли, использовать которую предпочитала по своему усмотрению. Многочисленные нарушения и преступления были в зна-

⁷⁴³ Там же. Л. 27 об.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 30.

⁷⁴⁵ Там же. Л. 29–29 об.

⁷⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 32.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 38.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 27, 38.

⁷⁴⁹ Там же. Л. 24 об.

чительной мере (хотя и не полностью) результатом выхода за жесткие рамки государственного регулирования экономики, а не преступных намерений членов корпорации.

Совсем не очевидной была связь между плановой централизацией и эффективностью производства. Нарушая советские законы, теневое предприятие Павленко действовало вполне успешно и выполняло общественно значимые полезные функции. Государство в лице его правоохранительных органов, как всегда, полностью проигнорировало эту точку зрения. Деятельность предприятия Павленко слишком очевидно демонстрировала пороки советской системы. Характерно, что судебный процесс по делу УВС, несмотря на его политически важный характер, проходил в закрытом режиме. Даже малейшая информация о нем не просочилась в печать.

В общем, не вовремя и не там родился – вероятно, такие мысли возникают в первую очередь после ознакомления с делом Павленко. И он, и многие из его окружения в иных социально-экономических условиях могли бы сделать вполне успешные карьеры предпринимателей. Однако на самом деле судьба Павленко и его организации интересна не этими несостоявшимися перспективами. Преследуемые советской системой, они отразили в своей жизни и деятельности многие, в том числе скрытые и малоизвестные, черты времени.

Зеркало советской действительности

По непонятной причине в приговор трибунала, не предназначенный для широкой огласки, было включено следующее политическое заявление: «Это беспрецедентный случай в истории нашего государства после гражданской войны»⁷⁵⁰. Суть этой фразы не вполне ясна. В каком смысле характер и действия организации Павленко можно было считать «беспрецедентными», тем более за весь период предшествующей советской истории? По масштабам теневой хозяйственной деятельности и приобретенному богатству? Вряд ли прокурорам и суду было неизвестно, что в стране существовали и более крупные воротилы подпольного бизнеса, быстро делавшие огромные состояния на хищениях и спекуляции дефицитом.

Был ли случай УВС уникальным как пример не индивидуального, а массового советского самозванства? Возможно. Выплачивало ли УВС особо многочисленные взятки? Судя по цифрам, озвученным в приговоре трибунала, такое утверждение было бы неправильным. Считали ли авторы приговора чрезвычайным фактом наличие в организации вооруженной охраны? Но в стране в течение десятилетий существовали и, в отличие от УВС, реально применяли оружие различные вооруженные группы, как чисто криминальные, так и мотивированные политически. Достаточно вспомнить широко распространенный уголовный бандитизм, крестьянские движения против коллективизации в начале 1930-х годов или партизанское подполье в западных районах СССР, с которым не удавалось справиться многие годы.

Скорее всего, фраза о «беспрецедентности» дела появилась в приговоре трибунала, чтобы подчеркнуть значимость самого судебного процесса, а также якобы нетипичный характер организации как пережитка в основном преодоленного прошлого. Именно поэтому сугубо экономический подход к делу, вскрытие на примере организации Павленко распространенных теневых практик совершенно не устраивал трибунал как представителя Советского государства. Священный характер советской плановой централизации и государственного владения львиной долей экономики находился категорически вне подозрений. Частные способы экономической активности не могли быть значительными и эффективными. А если факты противоречили этому догмату, то тем хуже для фактов. Их оценку сразу же переводили в политическую плоскость, выталкивая в резервацию «антисоветского», «контрреволюционного», «террористического» и «шпионского».

Такая примитивно-банальная и поэтому живучая концепция устройства государства понятна и вряд ли заслуживает большего внимания, чем ей до сих пор уделено в литературе разных научных направлений. Действительный интерес представляет более сложная и малоизученная проблема советских социально-экономических реальностей. Как на самом деле работала экономика? Какое место занимали в ней «теневые» практики, какую они играли роль? Как разрешались и, не разрешаясь, накапливались в ней многочисленные противоречия, взорвавшие в конце концов всю систему? Этим и другим подобным вопросам также посвящена немалая часть исследований. Важные и интересные, они тем не менее часто страдают от умозрительности заключений и отсутствия эмпирических подтверждений. Следовательно, работа в этом направлении будет продолжаться.

Как часть общих усилий понять не только намерения, но и реальности сталинской системы может рассматриваться и данная книга. Применительно к ее сюжету обозначенные общие вопросы могут быть конкретизированы следующим образом. Насколько типичными были Павленко, его организация, методы и способы взаимодействия с большим сталинским миром, которые они демонстрировали? Было ли павленковское УВС отпечатком советской действительности или представляло собой исключительный, почти инопланетный

---

⁷⁵⁰ Там же. Л. 92 об.

случай, каким старался представить его советский карательный аппарат? Трудно отрицать (хотя при желании, как мы нередко видим, отрицать можно самое очевидное), что приведенные в книге факты вполне доказывают типичность рассматриваемого в ней случая.

Нелегальные схемы Павленко работали в разных условиях и в разных формах в течение более чем 10 лет во время и после войны. Разоблачение организации можно счесть как неслучайным, так и случайным. Очевидно, что было много признаков ослабления дисциплины членов УВС, что проявлялось в частых скандалах, пьяных драках и т. п. Потенциально они грозили более пристальным вниманием к организации, вплоть до ее тщательной проверки. Однако верно и то, что даже самые крупные скандалы, сопровождавшиеся изъятием оружия и арестами на местах, в течение нескольких лет удавалось гасить. Непоправимое случилось после того, как в дело оказались вовлечены московские структуры. Причем произошло это по сравнительно мелкому поводу. Трудно утверждать, что такое вмешательство центра было неизбежным. Скорее наоборот.

Создание и деятельность предприятия Павленко стали возможными благодаря многочисленным прорехам в сталинской системе централизации и террора, что составляло важную предпосылку развития теневой экономики. Нацеленность карательных органов на фабрикацию громких политических дел и выявление широких «шпионско-вредительских» сетей, кампанейский характер террора были причинами не очень высокой эффективности в борьбе с реальными нарушениями законов и правил сталинского государства. Безнаказанности экономических нарушений способствовала коррупция и номенклатурная защищенность советских чиновников. В общем, действительно виновному (по меркам сталинских законов) в этой системе контроля и репрессий было так же легко избежать наказания, как невинному – попасть под каток государства.

Длительное существование по подложным документам можно объяснить тем, что организация Павленко вполне органично вписывалась в реальную советскую социальную и экономическую среду. Методы и приемы работы УВС были вполне типичны и распространены. Самозванство и жизнь по подложным документам не были редкостью. В сталинском СССР, охваченном мощными социальными потрясениями и террором, миллионы людей скрывали свое прошлое, придумывали новые безопасные биографии, покупали паспорта и другие документы. Как показано во введении, историкам известны многочисленные примеры дерзкого мошенничества, успешного вымогательства средств у государственных организаций и т. д. Немало частных предпринимателей работало под фиктивным прикрытием кооперативных организаций, т. е. по подложным документам. Как и многие другие, Павленко успешно применял аналогичные способы маскировки, использовал слабые звенья системы.

Важной опорой организации Павленко были ее внутренние социальные связи, система группового доверия, формировавшиеся за рамками и в противовес исключительной лояльности государству, насаждаемой идеологией и репрессиями. Принципов этой своеобразной корпоративной солидарности придерживались не только руководители организации, но и рядовые участники, не знавшие о тайне УВС. Стимулами сплочения могло быть совместное противодействие государству тех, кто по разным причинам оказался в числе жертв существующего порядка. Кого-то привлекала относительная экономическая и социальная защищенность от изнуряющих требований ненасытного советского социализма. Были ли такие групповые связи, объективно противостоящие системе, редкостью? Если не считать преобладающим голосом эпохи немногочисленные дневниковые записи и воспоминания «советских субъектов», то на этот вопрос придется ответить отрицательно.

При погружении в более глубокие слои исторических источников постоянно встречаются свидетельства осознанно или стихийно формируемых автономных систем доверия, социальных связей и групповой солидарности. Это происходило на уровне семей, в которых далеко не все вдохновлялись мифом о Павлике Морозове. Это было следствием неистребимой, несмотря

на репрессии, широкой религиозности. Под натиском жестокости государства складывались многочисленные практики массовой взаимной поддержки по принципу «мы (народ) и они (государственная машина)». Сама чрезвычайно забюрократизированная и потенциально опасная для ее представителей советская политико-административная система с удвоенной силой воспроизводила патрон-клиентские связи, круговую поруку и особые формы номенклатурного доверия.

На таком социально-политическом фоне для развертывания своего дела Павленко оставалось решить несколько преимущественно технических задач. Первая – найти заказчика, который предоставит деньги и технику. Вторая – нанять служащих и рабочих, организовать их труд. Третья – обеспечивать строительство необходимыми материальными ресурсами. Наконец – соблюдать правила конспирации. Каждая из этих задач была сложной, но вполне выполнимой.

Очевидно, что Павленко не испытывал особых трудностей с получением заказов. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы государство было вынуждено разрешать предприятиям самостоятельно находить подрядные организации для выполнения определенных работ и передавать им необходимые для этого ресурсы. Многие хозяйственные руководители, к которым обращался Павленко, были заинтересованы в его услугах и действовали в рамках закона. Благодаря этому договоры, которые заключал Павленко, проходили все стадии легального утверждения. Соглашения предусматривали, что Павленко брал на себя строительство определенных объектов в определенные сроки в соответствии с технической документацией, предоставленной заказчиком. Заранее оговаривалась стоимость работ и выделение денежного аванса.

Заказчик на время проведения работ передавал организации Павленко технику, горючее и стройматериалы для сооружения временного жилья. Вполне легальным было открытие счетов в государственных банках для осуществления финансирования работ по договорам. В общем, этот феномен можно определить как частичную легальность. В длинной цепи строительных подрядов нелегальным было только первое звено – сама корпорация Павленко. До тех пор, пока ее фальшивый характер не был раскрыт, остальной механизм действовал в общепринятом порядке.

Поскольку Павленко выполнял свои обязательства и не пытался обмануть работодателей, его организация приобретала положительную репутацию. Репутация облегчала заключение новых договоров. Несмотря на это, Павленко требовались покровители в высоких кабинетах и помощники среди чиновников на местах. Патронами Павленко были прежде всего руководители некоторых подразделений Министерства угольной промышленности. От этого ведомства Павленко получал значительную часть заказов.

Конечно, подписание договора составляло только часть дела. В советской плановой системе утверждение определенных заданий не означало автоматического выделения ресурсов для их выполнения. Назначенные сверху контрагенты нередко срывали предписанные им поставки. По этой причине руководители предприятий обращались к вышестоящим чиновникам с просьбой заставить поставщиков выполнять условия договоров. Павленко, как и многие другие советские хозяйственники, прибегал к испытанным способам административного нажима на заказчиков или их стимулированию неформальными, коррупционными способами.

Для получения первого заказа, а в последующем – более выгодных заказов, для их материально-технического обеспечения в соответствии с подписанными договорами (а желательно и сверх того) Павленко платил взятки и прибегал к иным формам поддержания связей и знакомств. Было ли это редкостью в сталинской системе? Насколько мы можем судить по имеющимся документам и исследованиям – нет.

Массовое распространение злоупотреблений чиновников и взяточничество оставались бичом советской системы, что особенно очевидно проявилось в послевоенные годы. Обличе-

ние отдельных преступлений такого рода в печати, кампании борьбы с взятками не помогали делу. Тем более что многие чиновники выходили сухими из воды, прикрываясь реально действующим партийным иммунитетом.

В общем, на основе взаимного интереса или при помощи взяток и подношений Павленко без труда находил общий язык с многочисленными служащими партийно-государственного аппарата. Однако это взаимодействие полностью зависело от того, насколько эффективной будет сама корпорация, как успешно выполнит она заключенные договоры. Даже самый коррумпированный чиновник не стал бы иметь дел с подрядчиком, который навлечет на него неприятности, связанные с провалом планов и утратой государственных средств. Павленко выстраивал свое дело, вполне осознавая эти реальности. УВС было достаточно эффективным предприятием.

Для управления сотнями рабочих в разных местах Павленко мог привлечь надежных и опытных помощников, в том числе из старых сослуживцев по строительным артелям, знакомых и родственников. Охотно нанимались также люди, имевшие темное прошлое или скрывавшиеся от суда. Для некоторых из них при помощи взяток приобретались новые «чистые» документы. Очевидно, что от собранных таким образом руководителей и служащих организации Павленко ожидал полной лояльности. Характеристики, зафиксированные в протоколах допросов, свидетельствовали, что Павленко хорошо знал сильные и слабые стороны членов команды и достаточно умело их использовал.

Одной из ключевых задач любого советского предприятия, независимо от того, было оно легальным или работало в тени, являлось обеспечение материально-техническими ресурсами. Схемы снабжения в УВС не представляли ничего особенного. Основные фонды, прежде всего строительные машины и горючее, Павленко получал в аренду от организаций, для которых выполнял работы. Для ремонта техники были организованы мастерские. Корпорация разрабатывала несколько каменных карьеров, откуда доставлялись камень и гравий для мощения дорог. Договоры на эксплуатацию карьеров заключались с местными властями. Взрывчатку для добычи камня доставали в воинских частях за взятки.

Вместе с тем ресурсов, выделяемых заказчикам Павленко на основании государственных фондов, не хватало, что было обычным делом в плановой экономике. Руководители УВС, как и другие администраторы, в таких условиях прибегали к закупкам на свободном рынке, к хищениям или приобретению похищенного другими. Использовались услуги агентов-«толкачей». В общем, Павленко не изобрел в области снабжения ничего нового, пользуясь широко известными приемами и методами, возможно более напористо, чем многие (или некоторые) другие.

В разной степени банальными выглядели другие обвинения хозяйственного характера, предъявленные следствием и судом УВС. В материалах следствия, например, говорилось, что при помощи коррумпированных чиновников Павленко завышал объемы выполняемых работ и тем самым расхищал государственные средства. Вряд ли следователи и судьи не знали, что приписки и искажения отчетности в советской экономике были рутиной. Выявленные нарушения УВС в этом отношении только подчеркивали ее типичность.

Как ни старались прокуроры представить организацию Павленко в образе антисоветского хищника, нацеленного на ослабление экономики страны, приводимые ими факты складывались в более сложную картину. Очевидно, что важнейшей предпосылкой успеха Павленко, как и других теневых предпринимателей, было наличие значительных лагун в советской государственной плановой экономике. Дефицитная по своей сути, она не могла обеспечить рынок многими товарами, испытывала острый недостаток в рабочей силе, инициативе и предприимчивости и т. д. Теневая экономическая активность (в каждом конкретном случае по-своему и в разной степени) восполняла эти потребности и в этом смысле была производительной. В конечном счете теневые структуры поддерживали саму государственную плановую экономику, отчасти сглаживая ее противоречия, отчасти формируя предпосылки для ее отрицания.

В общем, на вопрос о типичности организации Павленко, особенно с учетом неполноты наших знаний о теневой экономике и уровне латентности экономических правонарушений, можно ответить положительно. Это, конечно, не означает, что в стране было много теневых структур, строивших дороги по подложным документам под видом военной команды. Речь идет о более важном. УВС было типично по основным методам организации производства, по взаимодействию с государственными структурами и чиновниками, по способам существования в советском социуме. Именно такая глубинная типичность позволяет утверждать, что дальнейшее изучение доступных, а также пока закрытых документов откроет новые имена советских теневых предпринимателей, адреса и характер их не менее типичных предприятий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Многие научные исследования, особенно исторические, основанные на архивах, фактически являются результатом коллективных усилий, даже если на обложке стоит имя одного автора. Эта книга принадлежит к их числу.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить коллег историков и архивистов, при поддержке которых были получены основные документальные источники для этой работы. Неоценимая помощь профессора И. Кашу стала исходной точкой, с которой начались поиски новых архивных источников. В Государственном архиве Российской Федерации, как всегда, были внимательны и терпеливы мои друзья и коллеги Л. Н. Малашенко, А. Е. Свенцицкая, И. В. Байкова, Л. А. Роговая. За долгие годы совместной работы и дружбы я благодарен сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории, прежде всего Л. П. Кошелевой и М. С. Астаховой.

Мой друг и многолетний соавтор профессор Манчестерского университета Й. Горлицкий очень вовремя увидел возможность превращения сюжета о корпорации Павленко в проблему для развернутого исследования. Долгие годы сотрудничества с историками советской экономики были важным профессиональным опытом. Особая благодарность профессорам П. Грегори и М. Харрисону. Выдающийся исследователь советской истории профессор Р. У. Дэвис и его ученик профессор Э. А. Рис (к глубокому сожалению, их уже нет с нами) были важной движущей силой этого международного сообщества.

Особая творческая атмосфера коллектива Института советской и постсоветской истории, Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, в котором я работаю, была важным стимулом для подготовки этой книги.

Сотрудники издательства «Новое литературное обозрение» приложили немало усилий для того, чтобы книга вышла в достаточно сжатые сроки. Редактор книги Б. Грозовский не только внимательно прочитал рукопись, указав на ее несовершенства, но сделал ряд важных предложений, которые я постарался реализовать в силу своих возможностей.

Как всегда, особая благодарность семье, и прежде всего маленькой Ане – источнику неисчерпаемого эмоционального заряда в недобрые времена.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Н. М. Павленко в форме полковника инженерных войск (AOSPRM. F. 51. Inv. 12. D. 165. F. 76). Форма, судя по всему, была его повседневной одеждой. Один из свидетелей, допрошенный за несколько часов до задержания Павленко, дал такое описание его внешности: «Среднего роста, полный, волосы носит короткие, седой, ходит в очках в светлой оправе, лицо красное. Ходит в шинели с погонами полковника инженерных войск. Видел его также в сером плаще также с погонами полковника» (Ibid. D. 168. F. 81). Фотография, скорее всего, сделана сразу после ареста Павленко в Кишиневе. Она могла служить дополнительным доказательством вины Павленко в незаконном ношении формы и фальсификации документов о присвоении воинских званий

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Копия: 42

1. Фамилия, имя и отчество ПАВЛЕНКО Николай Максимович

2. Звание Майор 3. Должность, часть Начальник Участка Восстановительных Работ-2.

Представляется к _____

4. Год рождения 1908 5. Национальность Украинец 6. Партийность Кандидат ВКП/б/ с 1943 года

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) В Отечественной войне с Июня 1941 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Имеет одну контузию

9. С какого времени в Красной Армии С Июня 1941 года. 10. Каким РВК призван Минским обл.военкоматом.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) На награждался

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Майор ПАВЛЕНКО в рядах Красной Армии с первых дней отечественной войны. До 1942 года работал в качестве инженера 2-го стрелкового корпуса и после контузии направлен работать по специальности в военно-строительное Управление Западного фронта, в качестве Начальника УВР-2.

Майор ПАВЛЕНКО выполняет строительные работы при 12 Районе Авиационного Базирования с 1943 года и по настоящее время. За этот период времени его подразделениями построено жилых землянок 82 шт., технических землянок 5 шт., К.П....6 шт., столовых 6 и других сооружений. общая стоимость 600.000руб. Под его руководством построены земляночные городки на аэродромах Белосток, Высоко-Мозовецк, Бельск, Россом и другие.

Работы его подразделениями выполнялись всегда в срок с отличными оценками получаемые от командиров летных частей.

Сам майор ПАВЛЕНКО проявил большую инициативу и проделал огромную работу по применению короткого метода в строительстве на много сокращающего срока готовности.

Во время летней наступательной операции 1944 года тов. ПАВЛЕНКО со своими строительными командами проводили работы в непосредственной близости под огнем противника, выполняя работы в срок, тем самым давая возможность частям авиации вести боевую работу в хороших жилищных условиях.

Во время ликвидации окруженной немецкой группировки в районе Минска тов. ПАВЛЕНКО со своими подразделениями участвовал в обороне Березинской переправы и в боях у М.Березино, южнее Минска и Свислочи.

Выполняя строительные работы при 12 Районе Авиационного Базирования майор ПАВЛЕНКО лично и руководимым им подразделениями сыграл немалую роль в выполнении поставленных перед 12 Районом Авиационного Базирования боевых задач, содействием тем самым окончательному разгрому немецко-фашистских захватчиков.

ВЫВОД:- Достоин представления правительственной награды орденом КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

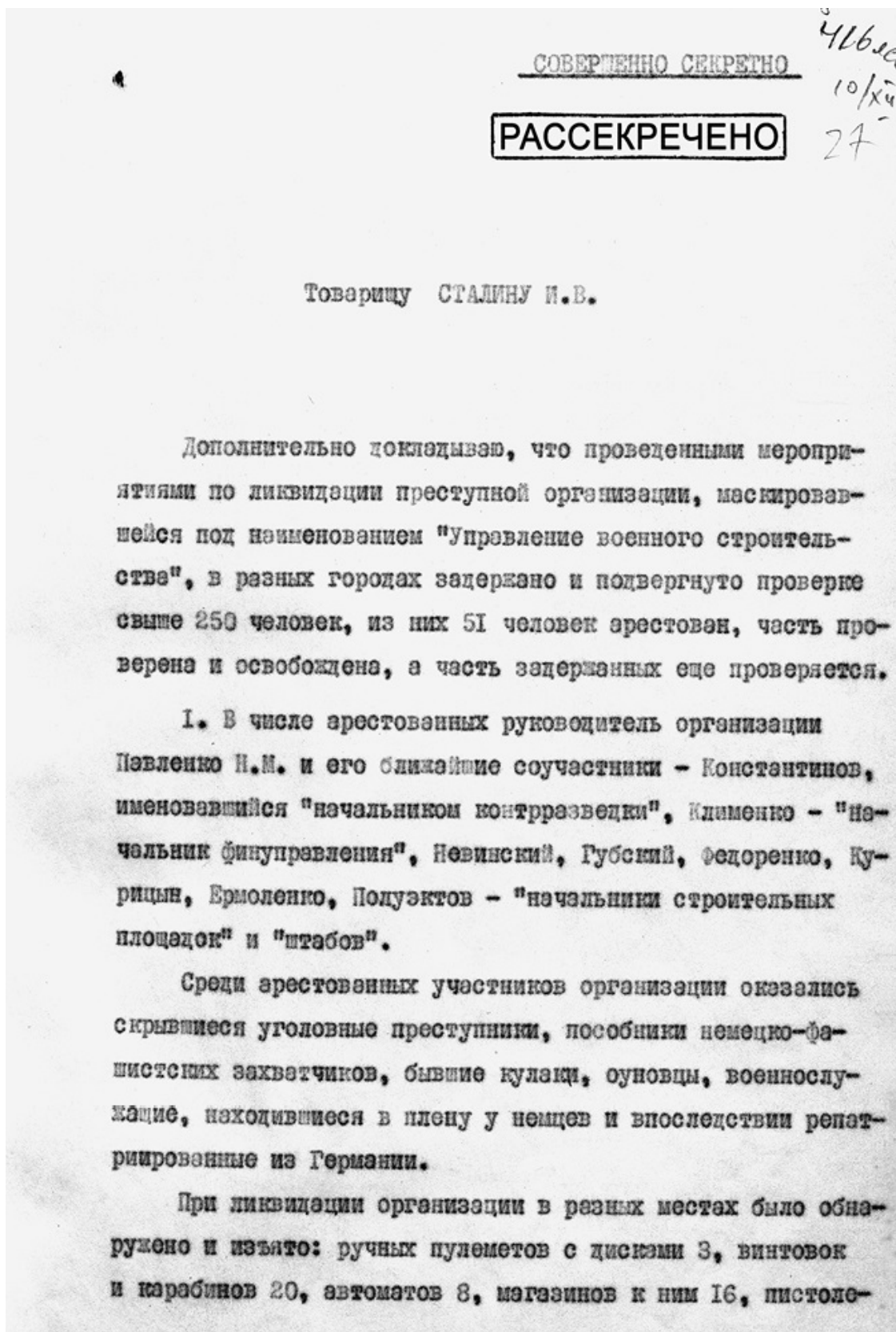
Командир (начальник) _____ (звание)

1945 г.

НАЧАЛЬНИК ФАС 12 РАБ
ПОДПОЛКОВНИК:- _____ /ЦИПЛАКОВ/

По этому наградному листу Н. М. Павленко в феврале 1945 года на основании приказа Военного совета 4-й Воздушной армии получил орден Красной Звезды (опубликован в базе «Подвиг народа», архивная копия: <https://inlnk.ru/68Bjdp>). Военный трибунал в 1955 году постановил возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении осужденных членов УВС «правительственных наград, полученных на основании приказов 4-й Воздушной армии по подложным наградным документам, сфабрикованным в преступной

организации „УВР“» (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 95 об.). В результате Павленко лишился этой и других наград (см. главы 1, 8)

Первая страница докладной записки Генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова И. В. Сталину о расследовании деятельности УВС. 10 декабря 1952 года (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп.

32. Д. 2283. Л. 27). Аналогичная записка была также отправлена Л. П. Берии и Г. М. Маленкову (см. главу 7)

Фотография группы «военнослужащих» УВС, приложенная к докладной записке Генерального прокурора СССР И. В. Сталину от 10 декабря 1952 года (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 2283). Военизированная охрана играла в организации Павленко важную роль (см. главу 6)

Автомобили ГАЗ М-20 «Победа» на Красной площади (Wikimedia/FORTEPAN, автор: Уйэн Саролта (Wein Sarolta), 1958 год). Павленко ездил на одном из таких. Впервые он был приобретен на частное лицо и переведен на баланс УВС в 1949 году. Затем подобным же образом было куплено еще несколько автомобилей. Свидетель, допрошенный в госбезопасности накануне ареста Павленко, показал: «Имеет свою машину „Победа“, цвет темно-голубой... Шофер одет в гражданской одежде, спортивной кожаной куртке» (АОСПРМ. Ф. 51. Inv. 12. D. 168. Ф. 81)

«Зорко охраняй народное добро!» (плакат, 1942 год, худ. А. Попов, издание газеты «Рабочий транспорта». Из коллекции электронной библиотеки Российской государственной библиотеки. Шифр хранения: IZO П7 Л. VIII. 03. а). Один из многочисленных советских плакатов, призывающих к бдительности. Бдительность к внутренним врагам и капиталистическому окружению, к расхитителям социалистической собственности и т. д. была одним из главных лозунгов советской идеологии и пропаганды. Жертвами этой политики стали миллионы советских людей. Однако, фальсифицируя дела о «врагах», советские органы репрессий и контроля нередко выпускали из вида реальные нарушения законов и правил, установленных государством. Организация Павленко умело манипулировала возможностями этой показной бдительности (см. главу 6)

Здание Военного трибунала Московского военного округа в Москве на улице Арбат. Современный вид (фото автора). Здесь проходили судебные заседания по делу организации Павленко (см. главу 8)

Дело № 127

РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТНО

44

Экз. № 45

П Р И Г О В О Р

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1954 года ноября 10 дня — 1955 года апреля 4 дня Военный Трибунал Московского Военного Округа в закрытом судебном заседании в г. Москве в составе:

Председательствующего полковника юстиции **Довальцова**.

Народных заседателей: подполковника **Уфимцева**,
подполковника **Кулешова**,

при секретарях: капитане **Дамаскине**, лейтенанте юстиции **Буробине**, с участием обвинения и защиты — Помощника Главного Военного Прокурора полковника юстиции **Муратова**, Военного Прокурора Главной Военной Прокуратуры полковника юстиции **Батуринского** и адвокатов Московской Городской Коллегии Адвокатов — **Богачева, Санникова, Преображенцевой, Цариченко, Архарова, Крупкина, Козлова, Прохорова, Ефимова, Жаровой, Кутыной, Новикова, Богдасарова и Федотова**, судебно-бухгалтерских экспертов — **Охочимского, Дьячкова и Хренникова** рассмотрел дело № 127 по обвинению:

1. **Павленко Николая Максимовича**, 1908 года рождения, уроженца села Новые Соколы, Иванковского района, Киевской области, украинца, гражданина СССР, из крестьян-кулаков, имеющего средне-техническое образование, служившего в Советской Армии с июня 1941 года по март 1942 года, женатого, ранее не судимого.

2. **Клименко Ивана Петровича**, 1910 года рождения, уроженца села Дымарка, Разважевского района, Киевской области, украинца, гражданина СССР, из крестьян, с низшим образованием, в Советской Армии не служившего, женатого, ранее не судимого.

3. **Константинова (он же Константинер) Юрия Борисовича**, 1924 года рождения, уроженца города Харькова, еврея, гражданина СССР, из служащих, имеющего среднее образование, служившего в Советской Армии с 1942 года по 1948 год, старшего лейтенанта запаса, женатого, ранее не судимого.

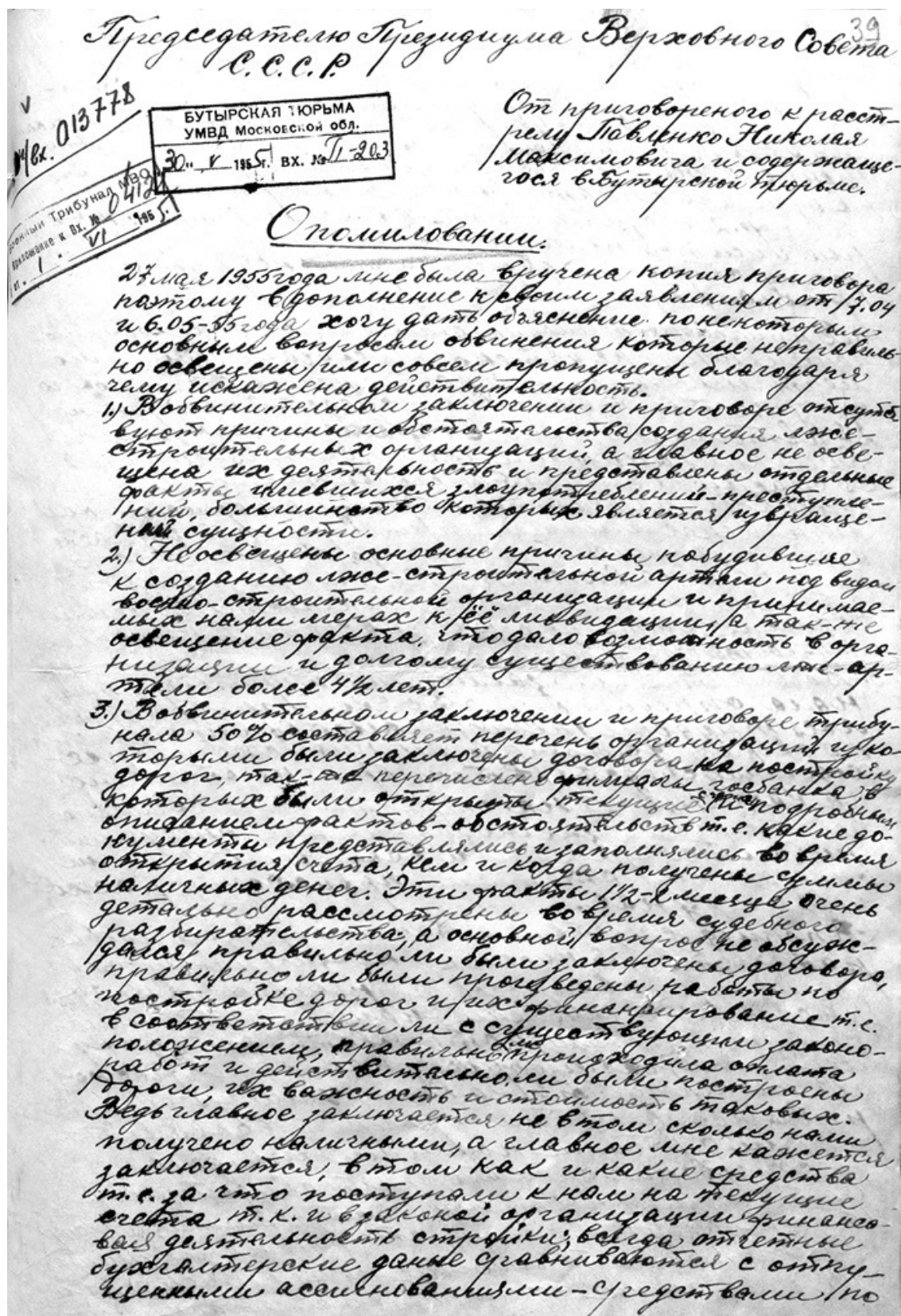
4. **Туркина Сергея Ильича**, 1918 года рождения, уроженца деревни Киселево, Калининского района, Калининской области, русского, гражданина СССР, с низшим образованием, служившего в

Зак. 587

1

Приговор военного трибунала Московского военного округа по делу руководителей УВС (ноябрь 1954 – апрель 1955 года). Этот обширный документ, отпечатанный в типографии в виде 106-страничной брошюры, содержал важные сведения о деятельности УВС и ее лидеров, изложенные с точки зрения судебно-следственных органов (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 44)

Последнее заявление Н. М. Павленко о помиловании. 30 мая 1955 года (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 39). В течение нескольких месяцев он написал несколько заявлений в Президиум Верховного Совета СССР, в которых излагал свою версию деятельности УВС и оценки выдвинутых следствием и судом обвинений (см. главу 8 и заключение)

Генеральному Прокурору СССР
тов.Руденко Г.А.

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
№ 124/1-59

ПОСТАНОВА ПРЕЗІДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
ПОСТАНОВА ПРЕЗІДІУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ҚАРАРИ
ССРО ЖОҒАРҒЫ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ ҚАУЛЫСЫ
СССР-и АЛИ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ҚАРАРЫ
TSRS AUKSCIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO NUTARIMAS
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТУЛУЙ СПРЕМ АЛ УНИКУНИЙ РСС

PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA LĒMUMS
СССР ЖОҒОРҒЫ СОВЕТИНИНГ ПРЕЗИДИУМУНУН ТОҚТОМУ
ҚАРАРИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИЙ СССР
УИИГ ҚЕРІСІНІСІЗ ШЫҒАРАЛМАҒЫН АНҚАҒА
СССР ҒАРАҒЫ СОВЕТИНИНГ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ ҚАРАРЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI OTSUS
NEUVOSTOLITON KORKEIMMAN NEUVOSTON PUNEMIEHISTON PÄÄTÖS

Сов.секретно
экз. 5 4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
РАССЕКРЕЧЕНО

Ходатайство о помиловании Павленко Н.М.,
осужденного к высшей мере наказания

Отклонить ходатайство о помиловании ПАВЛЕНКО Николая
Максимовича, рожд. 1908 года, уроженца с. Новые Соколы, Иван-
ковского района, Киевской области.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Мельников*
(Мельников)

Москва, Кремль
6 августа 1955г.

Прокуратура СССР
ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ
ВХ. № 124988 /с
18. VIII 1955

Шаравин 19.8.55

Постановление президиума Верховного Совета СССР об отклонении ходатайства Н. М. Павленко о помиловании. 6 августа 1955 года (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 8176. Л. 1). Вскоре он, единственный из руководителей и членов УВС, был расстрелян